

И. Л. Кызласов

**Енисейская
письменность
Древнехакасского
государства**

РАССКАЗЫ АРХЕОЛОГА

Ко Дню хакасского языка
Хакас тілі кўніне чарыдылча

И. Л. Кызласов

ЕНИСЕЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ДРЕВНЕХАКАССКОГО ГОСУДАРСТВА

Рассказы археолога

Издание 2-е, переработанное и дополненное

Москва-Абакан
2017

УДК 902/904
ББК 63.4
К11

Редактор текста – Л. В. Костякова

Кызласов И. Л.
К11 **Енисейская письменность Древнехакасского государства.**
Рассказы археолога. – Москва, Абакан: Хакасское книжное издательство, 2017. – 156 с.
ISBN 978-5-7091-0785-4

УДК 902/904
ББК 63.4

© Кызласов И. Л., текст, 1994, 2017
© Кызласов И. Л., иллюстрации, 1994, 2017
© ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство», оформление, 2017

ЗАБЫТЫЙ МИР ВОКРУГ НАС (введение в окружающее прошлое)

Древние, забытые письмена... Что встает перед глазами после прочтения этих трех слов? Уверен, что правильно опишу ответ многих. Далекie жаркие страны, пески, раскаленные скалы, караваны и усталые путники – вот что, пожалуй, встает перед внутренним взором, если спросить нас о древних и забытых письменах. Мы сразу же вспоминаем величественные строки замысловатых египетских иероглифов, непонятную пестроту шумерской или ассирийской клинописи, впечатанные в камень ячеистые строки индейцев майя или похожие на детские рисунки начертания ронго-ронго. Фараоны, шаханшахи, жрецы... Экзотика.

Действительно, в древних и далеких землях до сих пор много следов былой вековой грамотности: на камнях развалин, на плоскостях скал, на потерянных в земле предметах – и на слепящем солнце, и во мраке пещер. Как мы любим читать о таких находках, смотреть о них по телевизору и выискивать в интернете! Как эти письмена манят нас своими загадками! Как много мальчишек мечтает об открытии неведомых цивилизаций, и как много крупных ученых породил, в конце концов, этот жгучий интерес к незнакомому и чужому.

Но ведь тайна может быть рядом и может быть не чужой, а своей.

Древние письмена повсюду окружают нас и дома, в Сибири – в степях и горах Хакасии, Тувы, Алтая. Некогда наши предки намеренно высекали надписи на камне – на века, для потомков, для нас. Камни эти еще стоят, скалы по-прежнему блестят на солнце. Так же как и тысячелетие назад, хранят они строки надписей – мысли и чувства, направленные к нам предками.

А мы? Мы проходим мимо, равнодушно скользим праздным взором – не знаем мы этих букв, что нам в них? Так же как

и клинопись, непонятны, так же как иероглифы, далеки, так же как ронго-ронго экзотичны и, следовательно, так же не нужны они для нас.

А ведь все мы грамотны. Умеем читать и писать. Задумаемся: для чего нам это умение? Затем, чтобы общаться, чтобы обмениваться мыслями с людьми, которые не могут нас услышать даже с помощью новейших телефонов: с живущими в других местах родными и близкими, с журналистами, писателями, педагогами... Можно сказать, что нас учат грамоте только для того, чтобы мы ни при каких обстоятельствах не остались одни, вдалеке от нужных нам людей. Письменность дает возможность не бояться расстояния и победить его – донести свои слова туда, куда не сможет дойти наш голос. Письмо дает нам возможность самим услышать далекие голоса. Получив письмо от дорогого нам человека, купив хорошую книгу, мы становимся хозяевами положения: стоит лишь захотеть – и можно перечитать их снова, в любую минуту. Так письма побеждают не только расстояние, но и время – ведь слова продолжают звучать и дни, и годы спустя.

Продолжают они звучать и через столетия. Когда-то, очень давно жившие люди, родные нам через много поколений, думали о потомках и вечности, значит, и о нас, и оставили нетленные надписи, в конце концов, нам предназначенные. А мы? Мы отворачиваемся от их строк и не хотим вспоминать о своих предках. Кто же здесь культурнее? Кто вдумчивее и разумнее? Кто предусмотрительнее и дальновиднее? Чья жизнь рассчитана не только на себя, но и своих потомков? Чья цивилизация творится на века и направлена в будущее?

Великий Пушкин в своем только начинавшемся XIX веке воскликнул с горечью: «Мы ленивы и нелюбопытны!» Откуда, откуда же Вы знали о нас, милостивый государь Александр Сергеевич?

Напрасно часть читателей решила сейчас, что грустноватые мои слова не относятся в равной мере ко всем живущим в Южной Сибири и что недавно приехавшим сюда людям никакая не родня те, кто давным-давно жил в этих местах, и что не им адресованы сквозь века старинные полустертые строки.

Да, для всего коренного, аборигенного населения далекие предки – это прямая связь по крови, языку, корневому восприятию своей земли и мира, по культуре во всех ее обыденных проявлениях: от отношения к старшему и младшему до привычности съестного и позы, приличествующей при еде. Но, вдумаясь, ведь и для всех прочих они, те, давно прошедшие по времени люди – тоже предки. Только связь здесь иная: связь по разуму, по мысли, осваивавшей эту нашу землю столетие за столетием. Они – наши предки по обживанию и благоустройству этого края. Предки по земледелию и скотоводству, по горным выработкам и дорожным трассам, по оросительным каналам и строительным материалам, по местам поселений и переправ, по мудрому отношению к соседу и путнику, по пониманию вечного и ценного и снисходительному отношению к наносному, сиюминутному...

Вот и выходит, что все, кто когда-либо жил на наших землях, в равной степени предки всех живущих здесь ныне. Невзирая на то, какая кровь текла в их и течет в наших жилах, они – наши предки.

И осознанию этого единства человечества перед прошлым, настоящим и будущим, прежде всего, способствует письменность. Единственное изобретение человечества, некогда признанное передавать мысль сквозь века, письменность совершила подлинное чудо: она одна сделала все поколения людей современниками.

Без малого семьдесят лет назад, в 1951 году, в истории русской культуры произошло по-настоящему великое открытие. Профессор Московского университета Артемий Владимирович Арциховский обнаружил на своем раскопе в Новгороде не какое-то восхитительное произведение искусства, не драгоценную утварь, не клад с мерцающими сокровищами, а свернувшийся в ветхий рулончик малый кусочек бересты с процарапанными на нем буквами. Так были открыты всемирно знаменитые ныне древнерусские берестяные грамоты: письма, расписки, заговоры и моления, школьные упражнения и технологические рецепты ремесленников – иными словами, многочисленные повседневные записи древних горожан-новгородцев. Они были настолько обыденны и распространены, что сегодня число найденных археологами берестяных грамот уже превысило 1000. И

каждый год археологические работы в Новгороде приносят новые берестяные документы – а наука все еще никак не может справиться с охватившим ее изумлением, не может спокойно и деловито, отстраненно-академически изучать выцарапанные на коре строки. Мало того, что эти много столетий назад брошенные в уличную грязь и порванные за ненадобностью письма полностью поменяли представления исследователей об уровне культуры и грамотности далеких средневековых предков, мало того, что сегодня эти бурого цвета полоски сообщили нигде более не содержащиеся сведения по истории, быту и языку давно минувшего времени – они всякий раз волнуют ученых вдруг услышанным голосом человека, о котором не помнят и не знают уже даже его прямые праправнуки.

Всего через четыре года назад, в 2013 году, исполнилось сто двадцать лет со дня расшифровки древней письменности тюркоязычных азиатских народов – так называемого рунического письма. В раннем средневековье столетие за столетием им широко пользовались жители Южной Сибири и Центральной Азии. Сегодня известно уже более трехсот памятников этой письменности.

Какой мир заключен в тех строках? Чьи голоса? Где можно узнать об этом? Что прочитать? Увы, не так-то легко ответить на эти вопросы. Специалисты знают, что и языковеды, и историки, не покладая рук, работают над изучением древних письмен тюркских народов. Но таких исследователей очень и очень мало, а поиски надписей в степи и горах, разбор знаков, иссеченных ветрами веков, и их прочтение – дело нелегкое и, честно говоря, очень неспешное. Ученый обязан проверить, частенько не один раз, свои наблюдения и выводы, подтвердить их новыми данными. Вот и проходят в кропотливом труде годы и годы.

Последний раз большие книги с собранием переводов древних текстов и надписей, выполненных на тюркских языках разными, в том числе руническими письменами, увидели свет в 50-х годах прошедшего столетия. Многие ли из любопытных смогут сегодня найти эти тома Сергея Ефимовича Малова даже в библиотеках? К тому же под пером авторитетного знатока получили объяснение несколько более пятидесяти известных тогда памятников сибирской письменности. В середине 60-х годов эти тексты получили ритмически выверенный расклад и перевод

под пером литературоведа-тюрколога Ии Васильевны Стеблевой. Многие высеченные на енисейских стелах тексты по-новому прочитал и перевел в конце XX века знаток не только тюркских, но и прочих так называемых алтайских языков (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских) Игорь Валентинович Кормушин. Но научные книги нелегки для читателя, да и выпускаются они ныне очень уж малыми тиражами.

На память приходят только два абаканских издания, осуществивших переводы рунических надписей на хакасский язык. В далеком 1970 г. такую работу выполнила по прочтениям тюрколога И. А. Батманова лингвистка Ольга Васильевна Субракова, а по прошествии почти сорока пяти лет, в 2013 г., по переводам И. В. Стеблевой – писательница Галина Григорьевна Казачинова. И если первая книга была создана в рамках плановой государственной научной работы, вторая появилась лишь благодаря личной инициативе – Людмиле Владимировне Костяковой, возглавлявшей общественную организацию, Союз писателей Хакасии, удалось получить грант компании РУСАЛ. Меж тем очевидно: сохранение и изучение древней письменной культуры предков, одной из несомненных вершин вековечного духовного развития Хакасии, должно носить продуманный систематический характер. В этом состоит наш самобытный вклад в прогрессивное развитие человечества.

Никому не нужны невысказанные знания. Первым действием, воистину, является слово. И если сегодня мы хотим понять значение надписей наших предков, если стремимся увеличить число людей, знающих о них, интересующихся ими и, следовательно, я очень надеюсь, берегущих и изучающих древние написания на камнях и скалах, то нам остается только одно – самим поведать о том удивительном и, казалось бы, давно ушедшем мире настоящих человеческих ценностей, духовных сокровищ и нравственных сбережений, который в действительности никуда не пропал и окружает нас поныне.

Да будут те немногие страницы, что лежат сейчас перед вами введением в этот мир – уцелевший, не угасший, поныне существующий вокруг нас среди родных степей и гор благодаря умению предков выражать свои мысли знаками и нашему уже столетнему умению разбирать и озвучивать древние начертания.

ОТКРЫТИЕ НЕВЕДОМОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Производя обновление России, Петр Великий постигал передовые достижения Европы в экономике, государственном управлении, военном деле и науке. Сегодня каждый, пожалуй, знает о том, что первый российский император лично осваивал корабельное дело и кузнечное ремесло, географию и градостроительство, дворцовый этикет и бальные танцы. Но следует знать также, что Петр сам разыскивал по Европе людей, сведущих в науках и способных совершить путешествие по обширной Российской империи ради выявления и описания «хранящихся в оной сокровищ». Речь шла не только о самоцветах и золоте.

В 1716 году в Данциге по просьбе Петра ему был представлен «отлично ученый муж своего времени» доктор Даниил Готлиб Мессершмидт, тридцати одного года от роду. Его и уговорил самодержец Всея Руси совершить до того неслыханное – первое ученое путешествие по Сибири. Врач и естествоиспытатель Д. Г. Мессершмидт был тут же в Данциге принят на русскую службу и, согласно договору, должен был отправиться в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей». Программа состояла из пяти пунктов. Ученый брался собрать сведения по географии страны, ее «натуральной истории», медицине и болезням, изучать сибирские народы и их языки, заниматься памятниками и древностями и, наконец, вообще всем достопримечательным.

Экспедиция продолжалась восемь лет. Она началась в Санкт-Петербурге 1 марта 1719 года и завершилась там же 27 марта 1727 года. Исследователь блестяще выполнил свое дело. Он имел поначалу трех помощников: переводчика П. М. Краца («для того что русского языка я не знаю»,— писал оказавшийся в Сибири европеец, вскоре освоивший не только русский, но и

монгольский, и тангутский, и описавший в пути двадцать местных наречий), рисовальщика Карла Густава Шульмана (военнопленного шведа, пятнадцати лет) и капитана разгромленной под Полтавой шведской армии немца Филиппа Иоганна Табберта (которого исследователь называл «красноречивым, прилежным, верным Таббертом, моим единственным другом и подпорюю»; по возвращении из России Филипп Иоганн получил дворянство, издал ранние материалы экспедиции и больше известен как фон Страленберг).

Д. Г. Мессершмидт был настоящим ученым. Он не чурался черновой работы. Его не остановил ни довольно скорый – уже в мае 1722 года – отъезд Страленберга и Шульмана, с которыми он простился, «проливая много слез», ни отсутствие средств, которых ему не платили два года («а прокормиться нечем и помираем голодную смертью», – писал он сибирскому генерал-губернатору в июне 1722 года). Вернувшись в Санкт-Петербург, он сдал в незадолго перед тем созданную Российскую академию наук 23 тома своих трудов. Огромные же собранные по пути коллекции флоры и фауны, древностей и раритетов он отправлял с мест сразу, особыми посылками. Этот «превосходный и честный, но необходимый и угрюмый человек», как пишут о нем знавшие Д. Г. Мессершмидта люди, так и не снискал признания современников. Хотя он и стал членом Российской академии наук, но так и не получил регулярного жалованья и, подорвав в сибирских скитаниях здоровье, умер в столице огромной империи в нищете в 1735 году, не успев опубликовать своих драгоценнейших, первых в русской и европейской науке огромных сибиреведческих материалов. Они и поныне изучены и опубликованы только частично.

Именно Даниил Готлиб Мессершмидт оказался первооткрывателем памятников той древней сибирской письменности, которую мы называем рунической. Его экспедиция обнаружила, описала, зафиксировала в тщательнейших рисунках три весьма различные надписи. Исследователь первым предпринял попытки их прочтения.

Путь Д. Г. Мессершмидта пролегал из Санкт-Петербурга в Москву, а затем в Тобольск и Томск. 5 июля 1721 года экспеди-

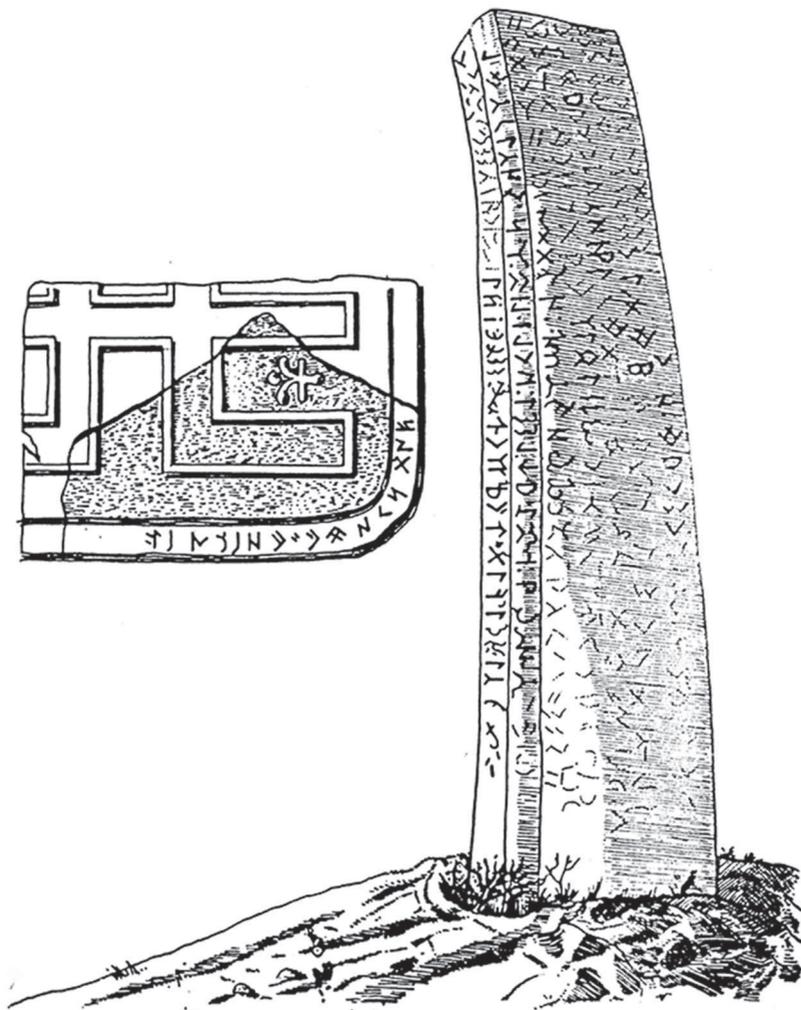
ция двинулась вверх по реке Томь, достигла Кузнецка, а затем, поднявшись до устья реки Балыксу, двинулась конными тропами через хребты Кузнецкого Алатау. Долиной реки Теренсу, путешественники, преодолевая таежные перевалы, вышли к верховьям реки Уйбат и вдоль ее русла спустились в благодатные хакасские степи.

Здесь и было совершено открытие, значение которого для истории культуры Евразии трудно переоценить. Солнечным августовским днем 1721 года на северном берегу Уйбата, «в нескольких верстах выше впадения речки Бей», т. е. выше устья нашей Бейки, Д. Г. Мессершмидт обнаружил высокий каменный обелиск, изогнутый «в виде венгерской сабли». Со всех четырех сторон камень был покрыт неизвестными письменами!

Исследователь «поручил срисовать его шведскому мальчику, которого взял с собой», Карлу Шульману. Работа была выполнена со всей возможной тщательностью, поскольку смысл ее был с самого начала ясен всем присутствующим. «Снимок и письменные знаки верны и точны, и желающим ознакомиться с ними могут служить для сравнения с другими, например руническими, буквами», – отмечено в комментариях ученого.

Так почти 300 лет назад в живописной долине небольшой хакасской реки Уйбат родилась новая наука, стремящаяся постичь слова и мысли, переданные далекими предками их потомкам. Так были открыты письменные памятники, сохранившие для нас древнейшие из известных образцов тюркских языков. Так под тихое журчание светлых вод и шелест ковыля, под легкими порывами степного ветерка и под ласковым летним солнышком встретились две цивилизации, и тысячелетние записи одного грамотея были переписаны другим. Связь, прерванная было бурной и трагической исторической судьбой, была восстановлена. Письмо и образованность вновь победили время! Тридцатилетний ученый из далекого Данцига еще раз доказал, что культура человечества не может быть разделена никакими границами.

Но ведь каждый человек несет с собою свой мир. Академическая наука пришла в Россию из Европы вместе с размеренной латынью и твердой немецкой речью. Неудивительно, что

Первое воспроизведение енисейских надписей, появившееся в Европе.
1730 г. Стела и обломок бронзового зеркала, обнаруженные Д. Г. Мессерш-
мидтом в 1721 и 1722 годах.

По Ф. И. Страленбергу

Д. Г. Мессершмидт, опираясь на свои «познания ученых и употребительных в Европе языков», был первым, кто назвал вновь найденные письмена руническими. Настоящие рунические надписи существовали в Северной Европе в раннем средневековье. Они были оставлены древними германцами и более всего сохранились в Скандинавии.

Во времена Мессершмидта каждый образованный европеец прекрасно знал об этих древнегерманских письменах, видел воспроизведения, а то и сами камни с руническими надписями Севера. Ученые аристократы любили похвалиться вещами с нанесенными древними знаками. Им подражали мастера, украшавшие изысканный быт своих заказчиков, к ним обращались литераторы и поэты.

Особенностью германских рун были угловатость и прямолинейность буквенных знаков, форма которых была весьма удобна для создания резных надписей на камнях и твердых изделиях. Эта письменность не знала беглых почерков и слитных написаний.

Все эти особенности и напомнили Д. Г. Мессершмидту увиденные им высеченные на камне знаки неведомой сибирской письменности. Исследователь так и записал о первом обелиске с древним текстом: «Уйбатский памятник, вырезанный руническими письменами». «Руническими» называл он знаки и на других сделанных им находках. С его легкой руки это название так и осталось до сего дня за письменами древних тюркских народов.

Наука давно уже выяснила, что ничто, кроме весьма поверхностного внешнего сходства, не объединяет германские и древнетюркские письменные знаки. И азиатские надписи, конечно же, неправильно и неточно называть руническими. Однако традиции и привычки много значат не только в обыденной человеческой жизни, но и в науке. Уже сам Д. Г. Мессершмидт, не принимал открытые им письмена за настоящие руны (вспомним, что первый рисунок делался для сравнения «с другими, например руническими, буквами», а далее было прямо записано: «Не подлежит, впрочем, сомнению, что не все эти знаки руны, а что к ним примешан, может быть, другой род древних парфянских букв», т. е. указывалось на возможное сходство и с

Камень Д. Г. Мессершмидта, стоявший на реке Уйбат в Хакасии.
Хранится в Минусинском музее. Для нанесения средневековой надписи
использовано изваяние бронзового века.
По воспроизведению финской экспедиции И. Р. Аспелина 1887–1889 годов

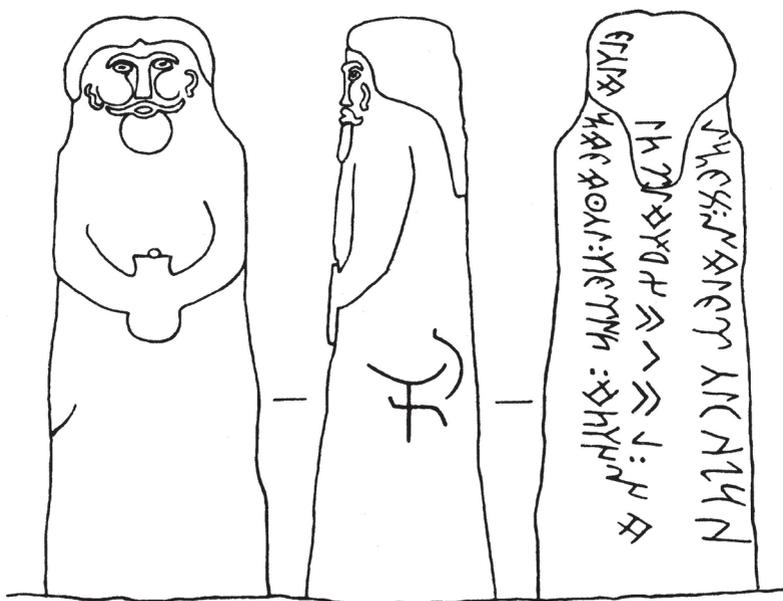
письменами Средней Азии). Однако пущенный им в ученый мир термин прижился. Причиной этого явилось и еще одно весьма серьезное обстоятельство: целых 172 года после находки Д. Г. Мессершмидта никто не знал, ни на каком языке сделаны эти надписи, ни какой народ и когда их оставил.

Экспедиции Д. Г. Мессершмидта удалось обнаружить еще два памятника древнего хакасского письма. В этом нет ничего удивительного: на протяжении всего своего дневника исследователь пишет о том, что он постоянно ищет надписи на камнях и скалах и тотчас же отправляется туда, где, согласно опросам, находится такой памятник. Однако частенько после осмотра нового камня на страницах путевой книжки появлялась заметка: «На нем начертаны были разные безобразные знаки, но не буквы».

12 сентября 1721 года Д. Г. Мессершмидт добрался до Абаканского острога (на месте которого еще недавно стоял затопленный Красноярским морем Краснотуранск). Здесь ему и был подарен обломок бронзового зеркала, найденного кладоискателями в одном из близлежащих курганов и разбитого при дележе добычи. По краю изделия шли уже знакомые ученому тонко прочерченные знаки.

Исследователь попытался проникнуть в тайну этой письменности и, пользуясь небольшими размерами находки, стал показывать ее всем встречавшимся ему толмачам и книжникам. Увы, безрезультатно. Так, в описи Д. Г. Мессершмидта появилась краткая и разочарованная запись об этих письменах, «которых не могли признать за свои ни мусульмане, весьма сведущие в письменности турецкой, бухарской, персидской и арабской, ни тангуты, ни Дели-индийцы, а тем менее монголы с китайцами». Пожалуй, после Д. Г. Мессершмидта ни одну древнетюркскую руническую надпись не обсуждало столь представительное международное ученое собрание!

О третьем памятнике письменности Д. Г. Мессершмидт тоже узнал в Абаканском остроге, где экспедиция пережидала зиму. О нем сообщил местный крестьянин. Стоял мороз, и сам исследователь был очень болен, но он незамедлительно отправил на место находки капитана Табберта и рисовальщика Шульмана. В результате ими была обследована «надгробная

Третий письменный памятник, изученный Д. Г. Мессершмидтом в Хакасии в январе 1722 г. Изваяние с надписью на спине. Долина реки Ерба. Хранится в Минусинском музее. По Л. Р. Кызласову
(прорисовка надписи по атласу В. В. Радлова)

мужская статуя, держащая в руках урну, между реками Тесь и Ерба, с руническими письменами, вырезанными на задней стороне...». В короткий зимний день 24 января 1722 года, следуя наказу Д. Г. Мессершмидта, Карл Шульман, несмотря на стужу, в течение трех с половиной часов создавал тщательную зарисовку самого изваяния и выбитых на его спине букв, «по большей части стертых».

Важнейшие результаты экспедиции Д. Г. Мессершмидта были опубликованы участником его поездки по Западной Сибири, вернувшимся на родину Ф. И. Таббертом фон Страленбергом, уже в 1730 году издавшим книгу. Среди ее иллюстраций были помещены и изображения всех трех памятников открытой в Хакасии письменности. Судьба обломка бронзового зеркала с надписью нам неизвестна. Что касается камнеписных памятников,

найденных Д. Г. Мессершмидтом, то оба они хранятся в собрании Минусинского музея, куда были перевезены в XIX и начале XX века.

Осознавая важное научное значение обнаруживаемых памятников древней письменности, исследователи ради сохранения и изучения уже в XVIII веке стремились перевозить их из степи в города. Участник следующей академической экспедиции Герхард Фридрих Миллер разыскал на Уйбате к тому времени уже поваленный «камень Мессершмидта» и 27 сентября 1739 года вновь осмотрел его. Исследовал он и еще один камень с надписью, перевезенный около 1736 года в Красноярск, и распорядился изготовить его рисунок.

Хорошо понимая, что «если бы удалось найти еще несколько таких надписей, то, может быть, со временем неизвестные и утраченные письма поддались бы разбору», Г.Ф. Миллер отметил: «По моему мнению, не мешало бы даже переслать в Петербург, в царскую кунсткамеру, каменный памятник на Уйбате, украшенный неизвестною надписью, да и каменную статую, с подобною же надписью, находящуюся в Красноярске». Проект, однако, остался неосуществленным по извечной для российской науки причине: «Я же не сделал этого, — писал далее Г. Ф. Миллер — только потому, что без высочайшего повеления не осмелился расходовать на это деньги».

Царскую кунсткамеру заменил для Сибири созданный в 1877 году Минусинский музей. Сразу же после его открытия исследователи стали свозить в него со всей степи камни с древними текстами. С большим трудом и предосторожностями громадные обелиски выкапывались, грузились на телеги или волокуши, доставлялись по Енисею баржами или на плотках, преодолевавших стремнины великой сибирской реки в саянских теснинах. Ныне собрание Минусинского музея включает более тридцати каменных стел и большое количество предметов с руническими надписями, происходящих с территории Хакасии и Тувы.

В последние полвека по стопам Минусинска пошел Кызыльский музей. Активное археологическое обследование Тувинской котловины, развернувшееся после вхождения Тувы в состав СССР, позволило собрать в его хранилищах коллекцию руниче-

ских надписей на стелах, по числу превышающую минусинскую. К началу XXI в. по несколько древних камнеписных памятников имели в своих собраниях Абаканский и Красноярский краеведческие музеи. Три надписи на обломках скал и два предмета с начертанными на них рунами хранятся ныне в Республиканском музее в Горно-Алтайске и один камень с надписью – в краеведческом музее Бийска. Пять стел с Енисея достигли-таки Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, той самой петровской Кунсткамеры. Четыре предмета с вырезанными надписями, привезенные из Хакасии и с Горного Алтая, украшают витрины Исторического музея в Москве. Один камень из Тувы стоит в Национальном музее в Хельсинки.

Обнаружение памятников неведомой письменности – большая и редкая удача для исследователя. В истории мировой науки все подобные случаи отмечены как выдающиеся события. Так воспринимаются подобные открытия даже в местах заведомо благодатных в археологическом отношении – в дальних землях древних великих цивилизаций. Что же говорить о Сибири, еще и сегодня воспринимаемой многими как край глухой и дикий? Что же говорить о XVIII веке, о его начале, о 20-х его годах, когда совершалось ученое путешествие исследователя-одиночки – доктора Даниила Готлиба Мессершмидта?

В это время Европа лишь медленно собирает материалы по древней письменности Египта, Месопотамии, Персии. Иероглифические надписи фараонов Ж.Ф. Шампольон расшифрует ровно через сто лет после сибирской экспедиции Мессершмидта, в 1822 году, на двадцать лет раньше – в 1802 году – добьется разгадки ассирийской клинописи Г.Ф. Гротефенд. Интерес к загадочным письменам, открытым в таинственных заснеженных просторах России нежданно-негаданно для образованного мира, поэтому был очень велик.

Государственные деятели России, усваивая манеры просвещенной Европы, хорошо понимали, что за поддержкой серьезного интереса к различным древностям, разбросанным по необозримым просторам империи, последует во много раз больше сулящая отдача. Что за честь управлять пустыми и дикими пространствами? Куда авторитетнее и почетнее править издрев-

ле цивилизованными землями, поражая августейших соседей не только экономической или военной мощью, но и учеными открытиями, и изящными искусствами.

Научное изучение Сибири, начатое по личному распоряжению Петра Великого, продолжила Екатерина Вторая. Она интересовалась надписями на камнях и приказала иркутскому и колыванскому губернатору Якоби изготавливать их копии. В результате в 1785 году в распоряжении П. С. Палласа – исследователя, возглавлявшего третью академическую экспедицию в Сибирь, продолжившую дело Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина, – оказались прорисовки четырех древних надписей из Хакасии. Поскольку П. С. Паллас считал, что он «очень плохой знаток» раритетов такого рода, он отправил эти копии в Германию профессору О. Г. Тихсену, занимавшемуся в ту пору всеми новыми проблемами востоковедения, в том числе и дешифровкой египетских иероглифов и ассирийской клинописи.

В 1793 году академик П. С. Паллас издал изображения четырех енисейских надписей и ответное письмо Тихсена. В нем специалист по азиатским письменам всех времен и народов отказывает сибирским надписям в восточном происхождении и указывает на соответствия их отдельным знакам и кельтских, и готских, и латинских памятников. Словом, по его мнению, основой для них послужило греческое письмо. Следует общий вывод, сопровождающийся ссылкой на Геродота: «Эти сибирские надписи принадлежат ко времени, когда Сибирью владели скифы».

Как видим, высказанное сразу же при открытии древних сибирских письмен мнение об их большом сходстве с древнейшими европейскими письменами и рунами, чем с азиатскими алфавитами, существовало на протяжении всего XVIII века.

В XIX столетии было выявлено значительно большее число надписей, возросло и количество, и разнообразие их оценок.

В 1818 году алтайский горный инженер Г. И. Спасский вновь издал материалы Палласа, дополнив их двумя перерисовками новых надписей, виденных им самим. Значение этой работы определяет в первую очередь то важное обстоятельство, что она была переведена на латынь, т. е. сибирские материалы ока-

зались доступны ученым Европы. Кроме того, здесь впервые была воспроизведена наскальная надпись из долины реки Чарыш, притока Оби. Тем самым к известному факту распространения рунических памятников на землях Хакасии через столетие добавилось свидетельство былого существования этого письма и на Алтае. Первая руническая надпись Тувы была обнаружена лишь еще 60 лет спустя, в 1879 году, известным путешественником Г. Н. Потаниным.

Итак, весь XVIII век и почти весь XIX век прошли под знаком изучения древних надписей Хакасии, долины Среднего Енисея.

Значение им придавалось огромное: начальник Минусинского округа князь Н. А. Костров лично копировал их, а енисейский губернатор Падалка доставлял снимки в Санкт-Петербург. Все копии хранились в Археологическом обществе, постоянно направлявшем изображения древних текстов специалистам-востоковедам. В 1874 году Н.И. Попов издал первую сводку известных на то время памятников, число которых достигло пятнадцати. Однако его подробные описания сопровождалось изображением лишь двух известных копий: зеркала Мессершмидта и одной из надписей Палласа.

В деле поиска новых памятников древней и загадочной письменности в XIX веке все более росла роль краеведов-сибиряков. Это стало результатом формирования в сибирской стороне городов и норм городской жизни, появления и быстрого роста слоя городской интеллигенции. Образованные чиновники и преподаватели гимназий, врачи и землемеры, литераторы и прочие представители «думающей публики» прибывали в далекие края из центра, либо поступая на государственную службу, либо – особая специфика сибирской демографии – попадая в разряд «государственных преступников» и оказываясь в ссылке. Открывались гимназии, создавались ученые общества, в 1889 г. в азиатской части России был создан первый Томский университет.

Сибирские исследователи не только приумножили число рунических надписей, открытых на Среднем Енисее, но и расширили сферу поисков, начав изучение за Саянскими хребтами – в Туве. В 1881 году сподвижником Г. Н. Потанина А. В. Адриано-

вым были открыты и скопированы многочисленные короткие надписи, начертанные на ныне знаменитой скале Хая-Бажи на реке Хемчик. Их объединил с руническими текстами Хакасии Н. М. Ядринцев, издавший новую сводку надписей в 1885 году. Позднее поиском и изучением письменных памятников Тувы весьма плодотворно занимался Д. А. Клеменц, сотрудничавший с Минусинским музеем.

Став центром научных исследований в Южной Сибири, Минусинский музей постоянно вел и самостоятельную работу по сбору сведений о находившихся в Хакасии и Туве рунических надписях. Ради этого систематически опрашивались не только купцы и мелкие торговцы – наиболее подвижные представители русского населения Сибири, но и знающие свою землю хакасы и тувинцы, наезжавшие в единственный тогда город или встречавшиеся пытливым горожанам во время выездов в степь. Сам основатель музея – Николай Михайлович Мартьянов – всячески стремился привлечь внимание специалистов к древним сибирским надписям. Побуждал их к этому письмами, личными беседами и даже, впервые выехав в Европейскую Россию после 23-летнего пребывания в Сибири (куда этот выпускник Московского университета приехал для работы вполне сознательно), демонстрацией привезенного с собою маленького предмета с рунами – грузика от веретена. Это вырезанное из красноватого камня изделие, имеющее прямое отношение к истории изучения сибирских рун, и сегодня можно видеть на одной из витрин Минусинского музея.

Так сибирскими краеведами, и прежде всего сотрудниками Минусинского музея, был подготовлен крупный успех первой научной экспедиции, специально прибывшей на Енисей ради изучения загадочных надписей на камнях и скалах. Экспедиция прибыла издалека: она была направлена Финским археологическим обществом, возглавлялась профессором Хельсингфорского университета (ныне этот город называется Хельсинки) Иоганном Рейнольдом Аспелином и состояла из профессионалов высокого класса. Три года подряд (1887-1889) эти люди верхом и в повозках, на лодках и на плотках прокладывали все новые и новые маршруты по Хакасии, Туве и Горному Алтаю.

Ах, как они работали! Раскопки по тщательности и строгости документации могут вогнать в краску многих современных исследователей-археологов. Копии наскальных рисунков и надписей до сих пор способны уточнить результаты деятельности некоторых наших отрядов, оснащенных точной аппаратурой и применяющих новейшие методы. Эти три-четыре человека (состав экспедиции менялся), а то и вовсе вдвоем или в одиночку, сделали чрезвычайно много. Они зарисовывали памятники письменности, делали их объемные копии (так называемые эстампажи: коленкор или мокрая бумага набивалась на поверхность камня щеткой), изготавливали их фотоснимки.

Можно поучиться и их отношению к делу. Так, в 1888 году И. Р. Аспелин, проработав все лето на Алтае и в Туве и вернувшись на плоту в Минусинск, вдруг узнал там о новых тувинских стелах с надписями и... немедленно уехал верхом через одиннадцать Саянских хребтов обратно в Туву для их исследования. Но у ученого не было с собой фотоаппарата – один из его сотрудников специально отправился в следующем году делать фотоснимки этих надписей.

Вернувшись в Минусинск, И. Р. Аспелин узнал об обнаружении новой рунической надписи в Хакасии и опять лично выехал в студеную октябрьскую степь. К кургану с древним текстом удалось добраться только к вечеру, но, несмотря на сгущающиеся сумерки, изучение памятника было проведено. Копия надписи была снята при свете костра...

Профессор Аспелин не стал ждать окончания экспедиции и уже в 1889 году в Хельсингфорсе был издан большой альбом, содержащий побуквенные записи и фотоснимки объемных копий 32 письменных памятников, обследованных учеными в Хакасии и Туве в 1887–1888 годах. Альбом вышел на французском языке и сразу же вывел изучение рунических надписей Сибири на новый уровень. Книга называлась «Надписи Енисея» – с тех пор и появилось в европейской науке понятие «енисейская письменность».

Почему же столь значительный вклад в дело выявления и исследования рунических надписей был сделан именно финскими археологами? Дело заключается в следующем.

И. Р. Аспелин не был ни специалистом по истории и древней культуре Сибири, ни востоковедом. В то же время он являл-

ся крупным знатоком скандинавских древностей, прежде всего финно-угорских. И основная его задача состояла в решении загадки происхождения финнов. Именно поиски прародины финнов привели И. Р. Аспелина на Енисей.

Первым по этому пути пошел, пожалуй, финский лингвист М. А. Кастрен, побывавший в Хакасско-Минусинской котловине в 1847 году. Профессор И. Р. Аспелин принял вывод этого ученого о том, что финские племена, вероятно, пришли на запад с Саяно-Алтайского нагорья. Археолог, прекрасно зная о богатых находках великолепных бронзовых изделий в курганах хакасских степей, осведомленный о легендах, что эти курганы принадлежат древней чуди (т. е. людей чуждых, как русские называли финноязычные народы средневековья), опирался на внешнее сходство древних надписей, встреченных на многих камнях таких курганов, со скандинавскими рунами и делал вывод: все эти памятники принадлежат древней культуре финнов, переселившихся на далекий запад в бронзовом веке и, следовательно, «упомянутые надписи на курганных камнях представляют финно-угорский праязык не менее трех тысячелетий тому назад». Вот и стал главной заботой финской экспедиции поиск новых и надежное копирование известных рунических надписей.

Судьба развеяла надежды И. Р. Аспелина уже в 1889 году. В его присутствии в Минусинский музей принесли бронзовую монету, отлитую в древнем Китае в 841–846 годах и имевшую на обороте процарапанную позднее руническую надпись. Какое разочарование испытал профессор! Ведь стало ясно, что енисейская письменность существовала не в бронзовом веке, а в средневековье, когда финский народ уже давным-давно обитал в самой Финляндии. А что же тяготы трехлетней экспедиции? Дальняя дорога и непрестанный труд? Неужели все зря? С тяжелым сердцем финские исследователи покинули Южную Сибирь.

Четыре года спустя енисейская письменность была дешифрована, надписи оказались тюркоязычными, и Иоганн Рейнольд Аспелин совсем охладел к собранным его экспедицией блестящим материалам. Вследствие этого основные результаты замечательных исследований были опубликованы коллегами ученого только лишь через 30–40 лет – в 20–30-х годах XX века.

В научной среде фигурирует фраза, конечно же, знакомая читателю: «Отрицательный результат – тоже результат». Понятно, что, отбрасывая ошибочное, исследование имеет все больше шансов выйти на верный путь. Такой вывод, сопровождающий метод «проб и ошибок», не является главным при оценке вклада финской археологической экспедиции. Ее опыт, пожалуй, учит другому: даже исходящая из неверной посылки работа, если она выполнена по-настоящему профессионально, предоставляет надежную основу для дальнейшей успешной деятельности ученых.

В этом случае главное состояло в том, что на столы исследователей в разных уголках Европы и Азии лег великолепный альбом «Енисейские надписи». И десятки ученых, впервые получившие точные воспроизведения большой серии древних надписей Сибири, немедленно принялись за их изучение.

Было выдвинуто множество гипотез и сделано большое число попыток прочтения этих камнеписных текстов. Кроме древних германцев и финнов их приписывали кельтам и готам, скифам и многим другим народам древности, в Сибири никогда и не жившим. Например, в 1893 году американский ученый Кемпбелл выступил в одном из канадских изданий с прочтением енисейских надписей... на основе древнеяпонского языка. Полученные благодаря такой «дешифровке» тексты указывали на то, что некогда у японского императора было три резиденции – где бы вы думали? В Омске, Минусинске и Туруханске. Кемпбелл создал целую теорию заселения Сибири и Америки, которая, к слову сказать, была рекомендована русским «Историческим вестником» как строго научная – всегда находились у нас легководы, превозносившие достижения западной мысли!

Прав был Дмитрий Александрович Клеменц, спокойный и неторопливый исследователь, считавший себя, однако, лишь дилетантом, когда писал: «Все попытки открыть ключ к чтению неизвестных письмен на неизвестном языке основываются на надежде напасть на счастливую идею, создать удачную гипотезу, которая поможет докопаться до сути дела».

Но случайных достижений в науке не бывает, даже так называемые везение, удача, озарение есть результат большой, пусть

не всегда заметной на первый взгляд работы. И прежде чем рассказать о том, как было прочитано руническое письмо Северной Азии, необходимо раскрыть еще одну страницу в истории обнаружения его памятников. Страницу, ставшую поистине славной в летописи отечественной науки.

В 1889 году, явившемся горестным рубежом в деятельности И. Р. Аспелина, вновь произошло важнейшее для науки открытие, связанное с руническими письменами. В тот самый год в путешествие по Монголии отправился знаменитый сибирский краевед и публицист Николай Михайлович Ядринцев. В долине реки Орхон, близ древнего Каракорума, им были обнаружены надписи, благодаря которым только и стала возможной дешифровка рунического письма, – две большие каменные стелы с огромными, аккуратно вырезанными текстами. На камне, посвященном, как позднее выяснилось, полководцу Кюль-тегину, надпись превышала 63 строки, на памятнике его брату – правителю Бильге-кагану – 80 строк. Более 4,5 тысяч рунических знаков!

Открытие было неслыханным. На следующий же год по следам Н. М. Ядринцева в Монголию устремилась новая финская экспедиция, руководимая давним спутником И. Р. Аспелина, опытным А. Гейкелем, а в 1891 году – большая русская академическая экспедиция, возглавленная академиком В. В. Радловым. Обе экспедиции прекрасно издали свои материалы. При этом Орхонская экспедиция В. В. Радлова, открыв и скопировав еще и большое число прежде неведомых рунических надписей в Хакасии и Туве, воспроизвела и старые, уже известные памятники повторно, фактически создав новое сводное издание рунических текстов Южной Сибири.

С этого момента сибирская руническая письменность стала именоваться орхоно-енисейской.

РАЗГАДКА ТАЙНЫ СИБИРСКИХ ПИСЬМЕН

Один из родоначальников российского востоковедения В. Р. Розен, приветствуя выход в свет финского альбома «Енисейские надписи», писал: «Деятнадцатый век – век неслыханных и поистине удивительных научных открытий во всех отраслях знаний. В науке исторической археологии он останется вечно памятным дешифровкой письмен иероглифических и клинописных разных систем. Не хотелось бы верить, что загадочные до сих пор сибирские надписи перейдут неразгаданными в 20-е столетие».

Этого и не случилось. До конца XIX века оставалось семь лет, когда был наконец-то найден ключ к прочтению рунических надписей Азии.

15 (3) декабря 1893 года на заседании королевской Датской академии наук в Копенгагене был сделан доклад «Дешифровка орхонских и енисейских надписей». Автором его был профессор Копенгагенского университета Вильгельм Людвиг Петер Томсен.

Он был сыном почтмейстера и родился в 1842 году. Уже студентом проявил себя как способный лингвист и вскоре сделал себе имя как исследователь скандинавских языков, в том числе финского. Кроме основных европейских языков (не говоря о древнегреческом и латыни, знание которых отличало тогда любого образованного человека), В. Томсен овладел многими славянскими языками: древнеславянским, чешским, сербским, польским; изучил и венгерский. Для постижения этих языков он совершил специальные поездки в Вену, Прагу, Будапешт. Не миновали его интересы и восточные языки: арабский, персидский, японский, китайский, тамильский, которые лингвист изучал в Париже. Занимался он и цыганским, изучал и германские, и балтийские языки...

Русскому ученому обществу этот крупный филолог более всего был, пожалуй, известен своим историческим трудом о связях Древней Руси со Скандинавией и о роли варягов в происхождении Древнерусского государства.

Почему же тайна сибирских письмен раскрылась именно перед В. Томсеном? Ведь при всем многообразии его лингвистических познаний он не являлся специалистом по тюркским языкам (хотя и был с ними знаком весьма основательно). Разумеется, способность широкого взгляда на неведомое явление может указать правильный путь к его познанию. Но этого все-таки недостаточно.

Главное, что отличало подход знаменитого ученого к расшифровке азиатских рун, состояло в следующем. Все его предшественники, исключая, конечно, многочисленных гадателей и говоря о серьезных исследователях, основывались на постижении внешних особенностей сибирского письма. Тщательно изучая разнообразные древние письменности, они стремились отыскать среди известных алфавитов такие, чьи знаки были подобны азиатским рунам по облику. А подобрав ряд таких букв, пытались применить их звуковое значение для прочтения орхонских и енисейских памятников.

Поскольку ни тогда, ни сегодня не известно какого-либо древнего письма, прямо сопоставимого с нашими рунами, то привлекаемые подобия происходили обычно из нескольких различных письменных систем древности сразу. Исследователи считали, что создание рунического алфавита велось путем некогда произведенных заимствований букв из разных азбук и в результате привело к формированию в древней Сибири письма смешанной природы. Вот и подставлялись в камнеписные строки енисейских стел буквы из алфавитов то одного, то другого края, то той, то другой эпохи, то одного, то другого тысячелетия.

Но все попытки такой дешифровки ничего не давали – сибирские письмена оставались непостижимой загадкой. Не могло, естественно, способствовать успеху и совершенное незнание того, на каком языке могли быть созданы эти надписи.

Вильгельм Томсен пошел другим путем. Он занялся анализом не внешних, а внутренних особенностей надписей. И для

выявления таковых, вполне понятно, обратился к самым крупным текстам – исписанным стелам, обнаруженным на Орхоне.

Он избрал их по двум причинам. Во-первых, в огромных многострочных текстах яснее проявлялись все присущие неведомой письменности законы, была возможность многократного сравнения различных комбинаций букв и вероятные шансы точного установления самого их числа. Во-вторых, на оборотных сторонах обоих орхонских памятников имелись китайские иероглифические надписи и можно было надеяться, если не на совпадение их содержания с руническими строками, то на прояснение смысла одних текстов с помощью других – давно известных науке.

В связи с этим вновь стоит подчеркнуть, что без открытия Н. М. Ядринцева и публикации вслед за тем обширных трудов двух экспедиций (финской – «Надписи Орхона» и русской – «Атлас древностей Монголии») дешифровка рунического письма Азии была бы, пожалуй, невозможна или, во всяком случае, далеко бы отстояла по времени от 1893 года.

Китайские надписи не совпадали с руническими ни по объему, ни, как выяснилось, по точному смыслу. Они не были буквальным переводом загадочных текстов. Зато ясно указали на происхождение и исторические условия, в которых были созданы эти памятники. Стелы оказались воздвигнутыми в 732 и 735 годах в память тюркского полководца и его брата – кагана. Итак, В. Томсену предстояло разобрать тюркские письмена.

И он сделал это блестяще и очень быстро! Судите сами: воспроизведения текстов появились в 1892 году, а исторический доклад В. Томсена прозвучал в декабре следующего 1893 года, сам же процесс дешифровки был завершён исследователем уже 25 (13) ноября.

Прежде всего В. Томсен определил направление письма, а значит, и направление прочтения строк. Они были начертаны на камнях сверху вниз, но буквы размещались боком, т. е. это были обычные строки, лишь размещенные по вертикали. Сравнение всех мест обеих орхонских надписей, похожих по набору букв (В. Томсен составил специальную таблицу, и читатель должен здесь вспомнить: на каждом камне содержалось по несколько

тысяч знаков!), а также специальное рассмотрение с этой целью особенностей размещения надписей на енисейских камнях позволили ученому «решить этот вопрос совершенно категорически»: и каждая строка, и общий порядок строк на стеле соответствуют чтению справа налево.

Следующий шаг состоял в установлении количества букв, которыми выведены тексты. Их оказалось 38. Число это очень любопытное: столько букв не знает ни один настоящий алфавит – если каждый письменный знак передает один звук, то число букв в азбуке не бывает больше 30.

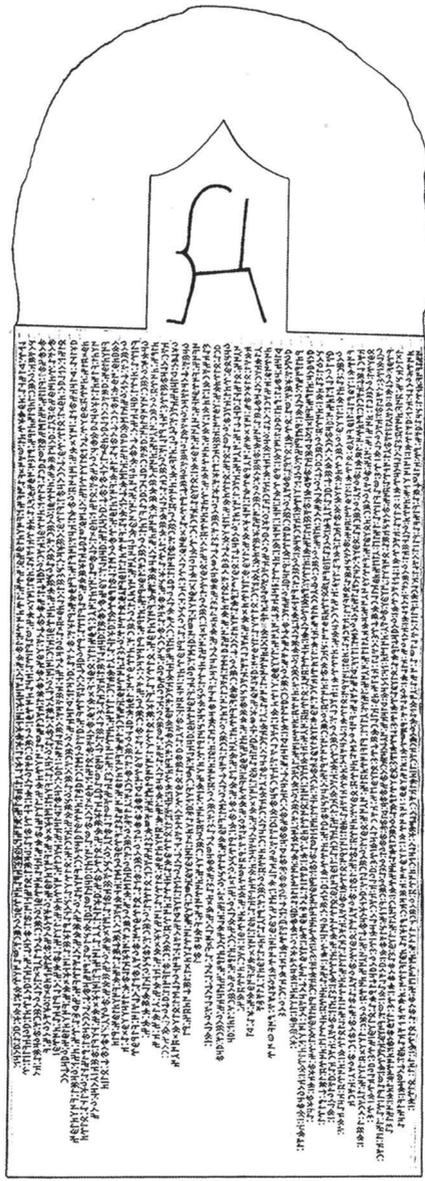
Выходит, решил ученый, что руническое письмо «должно быть или письмом слоговым, или по крайней мере таким, в котором знаки для одного и того же звука в известных пределах разнообразятся, смотря по различным условиям, в которых этот звук находится».

Что же делать дальше?

«Первой моей задачей, – писал В. Томсен, – было выяснить, имеются ли особые знаки для гласных и какие это знаки, и тут успех, в сущности, был достигнут довольно легко». Исследователь исходил, действительно, из вполне очевидного: если в тексте между двумя одинаковыми буквами стоит третья, то или она сама, или те два знака – обязательно гласная (т. е. в сочетании ХУХ или игрек передает гласный звук, тогда икс – согласный, или наоборот). Быть может, такое соображение и можно назвать простым, но «легкому успеху» могли способствовать только те самые сравнительные таблицы В. Томсена и тщательное сличение всех подобных сочетаний знаков в этих огромных камнеписных текстах.

Так ученый нашел три буквы для гласных: одну для «у» и «о», еще одну для «ö» и «ÿ» (звуки известные хакасам, немного похожие на русские «ё» и «ю») и одну – для «и» и «ы». Долго не получалось с четвертой буквой – для «а» и «э» (потому что она по руническим правилам писалась только в конце слов и пропускалась в их начале и в середине).

Стало понятно, что остальные буквы надписей должны обозначать согласные звуки. Как же распознать их? Ведь остался немалый ряд в 34 знака. В. Томсен углубился в выяснение отно-

Тамга и надпись на памятной стеле Кюль-тегина. Монголия.
 По воспроизведению в атласе В. В. Радлова

шений всех этих знаков с известными гласными и понял, «что один и тот же согласный звук выражается различными знаками, смотря по сопровождающему его гласному». Для дальнейшего продвижения к успеху теперь требовалось прочесть хотя бы одно слово. И здесь исследователь встал на путь, пройденный и многими другими дешифровщиками: он решил поискать имена персонажей, названные в камнеписных надписях, те собственные имена, звучание которых известно из китайского сопроводительного текста.

Одним из слов, наиболее часто встречавшихся на обоих камнях, оказалась группа из четырех рунических знаков, последний из которых был уже известен как «и». Отмечая неразгаданные буквы иксом, мы можем записать это слово как «ХХХи». Учитывая, что это слово, «между прочим, довольно часто занимает бросающееся в глаза положение» (прежде всего – в начале новых отделов надписей), и, зная уже, что гласные звуки не всегда обозначались на письме, В. Томсен решил, что перед ним слово Т-Ң-Р-и (в русском написании носовое Н передается двумя буквами, т. е. Т-НГ-Р-и: *тенгри* – «бог, небо»), известное всем тюркским языкам и служившее частью титула верховного правителя: «божественный каган».

Вторым открытием явилось выделение группы знаков, часто встречавшейся на одном памятнике и совершенно отсутствовавшей на другом. Вполне правдоподобно было предположить, что она обозначала имя того человека, которому была посвящена сама надпись. Хотя и с характерными китайскими искажениями, но это имя (как и второе – для другого памятника) было записано в сопровождавших рунические строки иероглифических текстах. В. Томсен отождествил имена и примененные для их записи руны: *Кюль-тегин* и *Бильге-каган*. В первом имени нашло подтверждение определение буквы «т» в смело предположенном прочтении *тенгри*, второе имя подкрепило определение рун для «л» и «г», встреченных в первом личном имени, все гласные оказались на своих местах. Четвертым прочиталось слово *тюрк* – имя древнего народа, с этим окончательно определился и язык надписей.

Дело пошло: «Чтение определенных таким образом знаков в других словах, – писал позднее В. Томсен, – делало для меня

ясными и понятными как чисто тюркские все более и более многочисленными словами, и одновременно эти же слова раскрывали мне поодиночке значение оставшихся еще темными знаков, пока наконец не выяснился мне весь алфавит».

Как все просто и ясно (не правда ли?), когда вам объясняют уже свершенное дело! А ведь В. Томсена, год 1893-й, и Д. Г. Мессершмидта, год 1721-й, разделяет более 170 лет. Между открытием сибирских рунических надписей и обнаружением ключа к их прочтению лежит труд шести-семи поколений исследователей! Труд историков, археологов, лингвистов, историков письма, труд путешественников и краеведов.

Едва придя в себя от пережитого волнения, огромной творческой радости и напряженной работы, сменившей пришедшее озарение, В. Томсен пишет письмо в Россию, стремясь сообщить о своем открытии В. В. Радлову. Ему шлет он и список знаков рунического алфавита – за несколько дней до своего знаменитого доклада в Датской академии наук. По некоторым данным, разгадка тайны рунического письма пришла к В. Томсену 25 ноября 1893 года. Письмо к В.В. Радлову датировано 29 (17) ноября. Поступок этот объясняется не только понятным уважением к одному из крупнейших тюркологов тогдашнего мира, не одним стремлением поделиться радостью с исследователем, лично изучавшим подлинники древних памятников в Монголии и Сибири; датский профессор писал российскому академику, ибо знал, что тот также занят разгадыванием секретов неизвестного письма. К моменту победного завершения трудов В. Томсена В. В. Радлов сумел самостоятельно определить значение 11 из 38 рунических знаков.

Все время оба исследователя делились друг с другом своими находками. Так, В. В. Радлов письмом сообщил В. Томсену, что отыскал среди знаков гласные, и указал их конкретные значения, о чем датский ученый сообщил в своем первом же выступлении: выводы обоих ученых совпадали. Совпадали и независимо полученные прочтения отдельных важных для дешифровки мест памятников, причем разработки Радлова иногда давали Томсену «возможность заполнить пробел» в понимании каких-то знаков.

Судьба настолько крепко связала помыслы этих выдающихся ученых, их сотрудничество было столь близким, что оба они, воздавая друг другу должное, продолжали способствовать успеху общего дела. Первооткрыватель рунического алфавита не только отмечал, что «я нахожу еще темными многие детали самих надписей», но и прямо писал в упомянутом уже письме: «Что касается толкования и перевода надписей, я сожалею только о том, что не являюсь Радловым». Вот ради этого призыва, ради своеобразного и весьма достойного признания и написал свое письмо с результатами дешифровки В.В. Радлову датский профессор. Всеми силами он стремился ускорить процесс прочтения загадочных древних текстов, надеялся на быстрое участие в этом важном деле своего российского коллеги.

В. Томсен не ошибся в своих надеждах. Получив письмо из Копенгагена, Радлов, по словам одного из его учеников-очевидцев, «засел и в один месяц (!) напечатал в транскрипции и переводе 3 больших и 2 маленьких надписи... в количестве 50 экз. и разослал по России и по Европе». Итак, узнав в начале декабря о дешифровке Томсена, В. В. Радлов, уже на первом январском заседании Академии наук в Санкт-Петербурге доложил первое прочтение и перевод огромного по величине и сложнейшего по содержанию текста памятника Кюль-тегина. Ученое собрание приняло решение размножить материалы и разослать их для обсуждения отдельным исследователям и научным обществам. Надо ли упоминать, что первый экземпляр брошюры был послан В. Томсену?

И заговорили, наконец, многие столетия молчавшие письма. Через два месяца, в марте 1894 года, В. В. Радлов выпускает первую часть обширного исследования «Древнетюркских надписей Монголии», в мае следует второй выпуск этого труда и в 1895 году – третий: прочтения, переводы, словари, объяснения знаков алфавита и анализ сочетания рун, описание грамматического строя языка орхонских и енисейских памятников, хронологический справочник, указатель собственных имен, встречающихся в текстах...

Прервем ненадолго рассказ о расшифровке рунических текстов. Необходимо познакомить читателя с биографией россий-

ского академика Василия Васильевича Радлова. Без этого нельзя в полной мере понять и оценить личность этого замечательного ученого.

Фридрих Вильгельм Радлофф родился 5 января 1837 года в Берлине в семье городского комиссара полиции. В Берлинском университете он изучал филологию: монгольский, маньчжурский, татарский, османо-турецкий, китайский, древнееврейский, арабский, персидский и русский языки. Стремясь к исследованию тунгусо-маньчжурских племен Приамурья (в то время совершенно неведомых европейской науке), молодой ученый, только что получивший в Йене степень доктора философии, приехал в 1858 году в Россию. Поездка на Амур не состоялась, но через год доктор Радлов, величаемый теперь Василием Васильевичем, оказывается все же весьма далеко от столичного Петербурга – он преподаватель горного училища в Барнауле.

Все 12 лет жизни, проведенные на Алтае, исследователь не только занимается педагогической деятельностью, но и совершает постоянные и длительные поездки по самому Алтаю, Шории, Туве и Хакасии, Восточному Казахстану, Киргизии, добираясь до Узбекистана и Северной Монголии. Маршруты его экспедиций по Сибири ложатся от Тобольска до Канска. В.В. Радлов с горячим энтузиазмом собирает огромный материал по всем живым тюркским языкам этой обширной зоны, записывает множество произведений устного народного творчества. Никто не мог уже сравниться с ним по знанию речевого богатства восточных тюркских народов. А он в дополнение к этому изучает и их быт, верования, обряды, историю, собирает этнографические и археологические коллекции, сам проводит раскопки.

Наступает пора обобщающих разработок, и в 1872 году В. В. Радлов переезжает в Казань – крупный востоковедческий центр того времени. Основное направление его изысканий здесь – это анализ звуков тюркских языков. В своих теоретических исследованиях лингвист отстаивал и развивал наиболее передовые взгляды эпохи, ставшие истоками современного языкознания. Еще через 12 лет, в 1884 году, ученый избирается «ординарным академиком по части истории и древностей азиатских народов» и начинается петербургский период его жизни.

Завершив описание и классификацию современных тюркских языков, В. В. Радлов остальное внимание переносит на изучение истории этих языков и обращается к древним письменным памятникам, начертанным арабским, уйгурским, сирийским, манихейским, латинским и иными шрифтами. И особое место в работах этого великого труженика науки занимают надписи орхонского и енисейского письма. Он начал их исследование еще до дешифровки рунических знаков, первым принялся за их истолкование сразу же по открытии ключа к их прочтению и более остальных (пожалуй, даже вместе взятых) сделал для постижения этих древнейших в мире памятников тюркской речи.

В. В. Радлов умер в 1918 году, создал особое направление в тюркологии и воспитал плеяду крупных специалистов-тюркологов. В том числе прямым и преданным его учеником был хакасский ученый Николай Федорович Катанов. Восприняв интерес учителя, руническими письменами занимались П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович и виднейший в этой области тюрколог – С. Е. Малов, в свою очередь вырастивший многочисленных учеников, среди которых увлечение руническими надписями сохранили прежде всего А. М. Щербак, Д. М. Насилов и Э. Р. Тенишев.

...Вильгельм Томсен лишь в 1896 г. издал подробное изложение своего открытия – обоснование значения и способа употребления всех знаков азиатского рунического письма. Им были уточнены и некоторые места в прочтении и переводе памятника Кюль-тегина, выполненных В. В. Радловым. Работа продолжалась. Однако сам В. Томсен после этого занялся другими областями языкознания, продолжая лишь изредка обращаться к той отрасли, при разработке основ которой он заслуженно и навеки снискал мировую славу.

РУНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА

Школа. Большинство взрослых, пожалуй, помнят два тесно переплетенных в душе чувства, которыми были наполнены их школьные годы: радости от огромного нового мира, мира новых людей-сверстников и новых, манящих своей недетскостью знаний, и тревоги, постоянной и сильной тревоги от того, что твое неведение и отстраненность от всех этих мудростей, совершенно ненужных тебе в твоей повседневной тогдашней жизни, в любую минуту могут быть обнаружены учителем и продемонстрированы всем и каждому.

Любому читающему эти строки, а значит, и овладевшему русской грамотой, нет нужды объяснять, что всякая письменность имеет свои правила воспроизведения слов и их связи в речи. Каждый, кто хотя бы на мгновение вдруг задумывался, как же правильно вывести на бумаге только что без всякого труда сошедшее с языка или само собою сложившееся в голове слово, какая здесь должна писаться буква, вместе или врозь надо разместить слоги, конечно, понимает, о чем я говорю. А что творится в вашей душе, когда «иностранными» буквами необходимо вывести слова чужой речи? Если не глупцами, то уж во всяком случае, простофилями или мучениками предстают англичане, которые «говорят одно, а пишут другое». Кто поначалу не изумлялся, сколькими способами и какими только наборами знаков не передают французы вроде бы одни и те же гласные звуки?

Действительно, не только по личным привычкам, но и по вполне объективным оценкам бывают письменности, в большей или меньшей степени пригодные для записи того или иного языка. Правильнее, пожалуй, даже сказать о письменах, точнее или условнее передающих звуки данного языка. За всю длитель-

ную историю существования тюркских языков на свете (точнее, от средневековья до современности) для их записи применялось немало различных по происхождению и облику письменных систем. Ныне известны тюркоязычные тексты на уйгурском, арабском, манихейском, согдийском, сирийском, тибетском, греческом, армянском, кириллическом (русском), латинском алфавитах, на письме брахми (индийском) и начертанные китайскими иероглифами.

Даже так называемые рунические надписи, как недавно выяснилось, написаны в степях Евразии (в Южной Европе, Средней Азии, Южной Сибири и Монголии) не на одном, а на восьми различных руноподобных алфавитах, происходящих от двух неродственных по происхождению основ. И орхон-енисейские памятники тоже представляют два близких, но неодинаковых письма: орхонское и енисейское. Третья письменность, родственная этим двум, таласская, была распространена на землях Киргизии и Южного Казахстана.

Вот об особенностях письма на этих трех азиатских алфавитах далее и пойдет речь, так как остальные руноподобные написания Евразии все еще и сегодня остаются не расшифрованными.

Классические древнетюркские рунические алфавиты – орхонский и енисейский (таласский изучен менее) – оказались необыкновенно, удивительно, чрезвычайно удобными для записи тюркской речи. Они передают ее особенности точнее всех перечисленных письменностей, в том числе и применяемых сегодня латинского, кириллического или арабского письма.

Дело в том, что орхонские и енисейские руны согласуются с одним из основных законов, определяющих звучание тюркского слова. Это правило речи называется законом гармонии гласных. В любом слове собственно тюркского происхождения, не испытавшего стороннего влияния и не изменившегося в ходе поздних процессов звучания, могут быть употреблены или только твердые, или только мягкие гласные. Будут соседствовать либо «а», «о», «у» и «ы», либо «э» (или «е»), «ö», «ü» и «и».

Возьмем, для примера, хакасское слово *иртен* (утро). В нем только мягкие гласные. Станем его изменять, все грамматические дополнения тоже будут с мягкими гласными: *иртенги*

(утренний), *иртенінде* (наутро, назавтра) и прочее. А вот в слове *хараа* (ночь) – только твердые звуки. Они будут сохраняться и во всех производных: *харадағы* (ночной), *хараағызын* (ночью) и так далее.

Сравните русские слова тюркского происхождения: казак, басмач, колчан, курага, казан, в которых только твердые гласные, и джигит, кирпич, кишмиш – в которых только мягкие. Возьмем названия городов — Кызыл, Курган, Тура, но Тюмень. Корней Иванович Чуковский тюркский принцип гармонии гласных избрал для образования экзотических имен: Карабас Барабас и Акула Каракула. И если вы в тюркской речи встречаете слова, в которых твердые знаки мешаются с мягкими, то наиболее часто это результат воздействия других языков или поздние изменения первичного звучания.

При учете этого правила образования слов в тюркских языках, сразу становится ясно, например, что имена Виктор или Игорь, где мягкое «и» соседствует с твердым «о», не тюркских корней. Поэтому еще недавно люди, с самого детства не слышавшие русской речи и сохранявшие до старости природное произношение, не могли правильно (с точки зрения русских норм) произносить некоторые имена. В их устах Ананий, например, где соединяются твердое «а» и мягкое «и», вслед за звучанием первого слога превращался в одинаково твердо произносимый Ананай или Онанай, а Евдокия (где мягкие «е» и «и» соседствуют с твердым «о») – в одинаково мягко произносимое имя Эбдекей и т. п.

Закон гармонии гласных, как мы видели, действует и при изменении слов. Если в корне имеется твердый гласный, то и во всех присоединяемых частицах будет тоже твердый. Если мягкий – то мягкий. Поэтому все приставки (а они в тюркских языках ставятся сзади, за корнем слова) имеют по крайней мере два варианта. Так, множественное число показывает частица *лар*, но она же имеет и форму *лер*: «татары» будет *тадарлар*, а «тюрки» – *тюрклер*. Но если в современном хакасском языке произошло сокращение таких частиц до пары звуковых вариантов (с твердым или мягким гласным, например, *ырахтын* «издалека», но *төбіндін* «снизу»), то в древности разновидностей у одного

и того же показателя было больше, тогда соответствие гласного корневого звука с прибавляемым было еще точнее. Возьмем ту же частицу, указывающую на место размещения. Она предстанет в облике *-тын, -тин, -тун, -тўн* («снаружи» – *таштын*, «на востоке» – *кўнтўн* и т. д.)

Вот эту-то главную особенность построения тюркских слов и учитывает древнее азиатское руническое письмо. В нем почти для всех согласных существовало по две буквы: два «б», два «г», два «д» и т. д. Одна из букв каждой пары употреблялась только с мягкими гласными, другая – с одними лишь твердыми. Если бы мы сегодня решили записать древнетюркским письмом хакасские слова *ит* (мясо) и *ат* (лошадь), *тағыс* (толкотня) и *тигес* (неудобный), как и русские слова *был* и *бил*, то они оказались бы совершенно непохожими друг на друга внешне: оба «т», «г» и «с», так же как «б» и «л» были бы в них разного облика (с «ғ» и «г» в хакасском и ныне так). В рунической азбуке составлявшие пару согласные буквы (б – б, д – д и т. д.) настолько отличались по форме, что спутать их было совершенно невозможно. Не были бы похожи друг на друга, например, буквы «р» в записанных рунами хакасских словах *ир* «муж» () и *ыр* «песня» (—), «т» и «р» в *тар* «тесный» (и —) и *тир* «пот, испарина» (и).

Это правило написания, конечно, зависит от языка и, как уже говорилось, специально было применено к своеобразному строю речи у тюркских народов. Но, соблюдая закон гармонии гласных, приведу русские примеры для того, чтобы принцип письма стал понятен любому читателю. Пиши мы по-русски древнехакасскими рунами, разными были бы буквы для «д» в словах *дым* () и *едем* (), *дом* () и *едим* () и тому подобное.

Такое несходство знаков позволяло древним писцам не всегда обозначать гласные буквы – они легко додумывались, исходя из облика окружавших согласных. Так, древние тюркские слова *бар* («быть, иметься») и *бир* («один») писались оба как *бр*, но прочесть одинаково их было невозможно: и «б», и «р» в каждой паре были совершенно разные. При чтении возможности для выбора ненаписанного звука не были слишком широкими, ибо буквы для «у», «о», «ў» и «ө» выводились обязательно. И оставалось угадать только «а», «ы» или «э», «и». Сделать это правильно помогал смысл фразы, в которой применялось слово.

То, что здесь рассказано, – только общий принцип азиатского рунического письма. Были еще и особые правила правописания. Они распространялись не только на выбор одной из двух возможных букв для согласных, но более всего на то, надо ли обозначать ту или иную гласную. Гласная писалась обязательно, если была в слове последним звуком (например, *анда* – «там», *ики* – «два», *алты* – «шесть» и т. д.), и не всегда, но часто – если слово с нее начиналось или в первом слоге. Правда, сказанное относится к знаку для «ы» и «и», так как «а» обозначалась почти исключительно лишь тогда, когда была последней. В непервом слоге, как правило, не писались все гласные (так как их звучание во многом определялось характером звука в первом слоге). Особенно это относится к присоединяемым к корню частицам. В такой ситуации могли лишь обозначаться буквы для «у», «о», «ў» и «ӧ», да и то, если в начале слова были другие звуки.

Практически в каждой надписи правописание не бывает таким четким и ясным. Много допускалось отклонений, и причина этих сбоев, вероятно, не в малограмотности писцов (как нередко думалось нашим ученым современникам), а в разных, не до конца нами понятых расхождениях в звучании слов, с одной стороны, и в школах рунического правописания разных стран средневековья – с другой.

Нормы письма разнообразит и существование в рунической азбуке некоторых букв, каждая из которых обозначала не один звук, а два. Были, например, особые знаки для «ык» или «кы», «ок» или «ко», «ӧк» или «кӧ». При них никогда не требовалось написание самих гласных.

Читатель увидит из помещаемой мною таблицы рунических азбук, что некоторые согласные обозначались только одним знаком (таковы «м», «ң/нг», «з», «ч», «п») и что другие знаки передавали два согласных сразу («нд», «нч», «лд»), что одна гласная буква обычно применялась для записи одного из двух звуков («а»-«э», «ы»-«и», «о»-«у», «ӧ»-«ў»). Был в рунической письменности еще и специальный знак для раздела слов (похожий на двоеточие), но он вовсе не всегда обособлял каждое слово, чаще выделял группы соседних слов или короткие фразы. В це-

№	Русск.	Енис.	Орхон.	Латин	№	Русск.	Енис.	Орхон.	Латин
1	а, э	ᠰ ᠱ	ᠰ ᠱ	а, ä	21	л ²	ᠶ	ᠶ	l ²
2	э	ᠵ	-	ä	22	лт, лд	ᠮ	ᠮ	lt, ld
3	ы, и	ᠮ	ᠮ	ī, i	23	м	ᠮ	ᠮ	m
4	о, у	>	>	о, u	24	н ¹	ᠨ	ᠨ	n ¹
5	ё, ю	ᠨᠨ	ᠨᠨ	ö, ü	25	н ²	ᠨᠨ	ᠨᠨ	n ²
6	б ¹	ᠪ	ᠪ	b ¹	26	нг ¹	ᠪ	ᠶ	η ¹
7	б ²	ᠪ	ᠪ	b ²	27	нг ²	ᠶ	ᠶ	η ²
8	г ¹	ᠮᠮ	ᠮᠮ	γ	28	ñй	ᠶ	ᠶ	ñ
9	г ²	ᠮᠮ	ᠮᠮ	g	29	нт, нд	ᠶᠶ	ᠶᠶ	nt, nd
10	д ¹	ᠶᠶ	ᠶᠶ	d ¹	30	нч	ᠶ	ᠶ	nč
11	д ²	ᠶᠶ	ᠶᠶ	d ²	31	п	ᠶ	ᠶ	p
12	з	ᠶᠶ	ᠶ	z	32	р ¹	ᠶᠶ	ᠶᠶ	r ¹
13	й ¹	ᠶᠶ	ᠶᠶ	j ¹	33	р ²	ᠶᠶ	ᠶᠶ	r ²
14	й ²	ᠶᠶ	ᠶᠶ	j ²	34	с ¹	ᠶᠶ	ᠶᠶ	s ¹
15	к ¹	ᠶᠶ	ᠶᠶ	q	35	с ²	ᠶ	ᠶ	s ²
16	к ²	ᠶᠶ	ᠶᠶ	k	36	т ¹	ᠶᠶ	ᠶᠶ	t ¹
17	ык, кы	ᠶᠶ	ᠶᠶ	īq, q ī	37	т ²	ᠶᠶ	ᠶᠶ	t ²
18	ок, ко	ᠶᠶ	ᠶᠶ	oq, qo	38	ч	ᠶᠶ	ᠶᠶ	č
19	ёк, кё	ᠶᠶ	ᠶᠶ	ök, k ö	39	ш ¹	ᠶᠶ	ᠶᠶ	š ¹
20	л ¹	ᠶ	ᠶ	l ¹	40	ш ²	ᠶᠶ	ᠶᠶ	š ²
					41	раздел	:	:	-

Таблица письменных знаков енисейского и орхонского рунических алфавитов и их передача русской и латинской азбуками.

Составлена автором

лом же, как и во многих других письменностях средневековья, слова на руническом письме не отделялись просветами и нередко составляли единую сплошную строку.

Но и на изложенном дело не кончается. Все сказанное относится только к правилам классического орхонского или классического енисейского письма. Разбор древних надписей осложняется еще и тем, что на их правописание также влияла и степень образованности самого писавшего. Причем я имею в

виду не ошибки человека, нетвердо усвоившего руническую орфографию, а явление совершенно иного порядка. Как ни парадоксально это звучит, но чем выше был культурный уровень писаря, тем больше нарушений классических рунических норм письма он мог допускать. Такому автору мешало знание других языков и иных письмен.

Мы увидим далее, что древние саяно-алтайские грамотеи знали не только руническое письмо, но и многие другие письменные системы, пришедшие издавна вместе с проповедниками разных средневековых религий. И у каждой из этих письменностей было свое правописание, отличавшееся от обычного рунического. Знание этих нерунических орфографических правил, нередко усвоенных писарем ранее орхонских или енисейских норм, часто отражалось в надписях, начертанных рунами. В них невольно вносились чуждые им принципы применения буквенных знаков. Точно так же наши современники, принимаясь за письмо рунами сегодня, обычно переносят на него с детства усвоенное правописание кириллической азбуки: оно кажется им единственно возможным при письме любыми алфавитами.

Понятно, что обрисованная ситуация в наши дни осложняет прочтение рунических написаний, а бывая не просто грамотность, а, если угодно, многограмотность предков часто воспринимается учеными-тюркологами как проявление простой неграмотности. На последующих страницах мы поговорим о счастливо сохранившихся листах с письменными упражнениями, выполнявшимися уже грамотными людьми, взявшимися в раннем средневековье изучать тюркские языки и рунические письмена.

Я отнюдь не стремлюсь здесь посвятить любознательного человека во все тонкости грамотного письма руническими знаками (сегодня, пожалуй, никто не выдержит такого диктанта, так как, кроме всего прочего, многие вопросы рунической орфографии недостаточно изучены). Моя задача – дать почувствовать, что здесь, в самом древнем письме тюркских народов, которое мы сегодня знаем, – была своя система, свои нормы, отличающиеся от того, к чему мы привыкли. И вовсе недостаточно выучить руническую азбуку, чтобы правильно писать рунами. Этому надо серьезно учиться, как и грамотному письму на любом другом алфавите.

Уяснив такое, нам остается сделать последний шаг – понять, что и в давние рунические времена письму и чтению можно было только обучиться у человека, глубоко знающего эту грамоту. То есть у учителя. В школе. Вот в какие временные глубины уходит на берегах Енисея местная система образования. При совокупном изучении особенностей рунических надписей явно проступают даже принципы преподавания древнехакасской грамоты и построения учебников того времени. Так же как и сегодня, основой служило совмещение двух принципов обучения – освоение словарного состава языка и грамматического построения фраз.

Возвращаясь к проблемам наших дней, скажу: не так-то просто сегодня и читать рунические надписи. Даже длинные, при разборе которых выяснению непонятных сочетаний знаков хорошо помогает смысл соседних фраз. А уж короткие начертания, иногда содержащие лишь пять-шесть букв, даже столь крупный ученый, как Сергей Ефимович Малов, назвал ребусовидными.

Дело в том, что, не отступая от норм тюркской речи, всегда можно предложить несколько вариантов прочтения одной и той же надписи, если она коротка. Поэтому в науке принято при разборе рунических написаний помещать их побуквенную запись – тогда любой исследователь вправе самостоятельно попытаться восстановить пропущенные в древности гласные и предложить свое понимание содержания текста. При таких побуквенных записях, называемых транслитерациями, согласные буквы для твердых слогов помечают стоящей выше буквы цифрой 1 (например, « t^1 »), а согласные для мягкого слога – цифрой 2 (скажем, « b^2 »). Пользуясь этим приемом, приведу примеры написания разных слов в рунических надписях: l^1t^1y – алты («шесть»), $o^2l^1n^1nz$ – огланыңыз («ваши юноши»), $t^2mr^2k^1p^2$ – темир капыг («железные ворота»), $b^1o^1d^1n^1$ – бодун («народ, армия»), $b^2m^2z^2$ – битиг («надпись»), k^2ym^2 – күмүш («серебро»), $b^2r^2m^2m$ – бертим («дал»), p^2t^1m – эр атым («мое мужское имя»)...

Вильгельмом Томсеном была произведена дешифровка рунического письма по текстам, найденным на Орхоне. И он сам, и В. В. Радлов обратили внимание на определенные особенности, имевшиеся в письме енисейских памятников и отличавшие их от орхонских. Хотя в основном набор письменных знаков на камнях, найденных в Сибири и в Монголии, совпадал, но среди енисей-

ских рунических букв были такие, которые не встречались среди орхонских. В тех и других текстах применялись также своеобразные, не похожие друг на друга формы одних и тех же букв.

В дальнейшем эти наблюдения были уточнены, и выяснилось, что средневековое тюркоязычное население Сибири и Монголии пользовалось двумя близкими, родственными по происхождению, но всё же разными алфавитами. Подобная картина часто наблюдается в истории, когда два или более народа вступают в тесное культурное общение. Для примера вспомним сегодняшние национальные азбуки народов Южной Сибири. Современное хакасское, алтайское и тувинское письмо очень близки друг другу, так как все вместе восходят к одной алфавитной основе – русской кириллической азбуке. Но и в хакасском, и в алтайском, и в тувинском письме есть своеобразные буквы, отличающие эти азбуки друг от друга и, уж конечно, от русского алфавита. Подобным образом были близки друг другу и подобным образом отличались и древние рунические алфавиты: енисейский и орхонский.

Поэтому на приведенной мною таблице имеются две разные колонки и, сравнивая их строки, каждый может видеть различия двух рунических алфавитов. К тому же использование в енисейском письме большего, чем в орхонском, количества букв для гласных (например, специальной буквы для «э») приводило и к различиям в правописании. Кроме главных расхождений между двумя этими руническими азбуками были еще местные отклонения в наборе применявшихся знаков и в правилах их написания.

Во всех последующих разделах нашего рассказа это важное обстоятельство – существование не одной письменности (которую часто напрасно и излишне обобщенно, а потому неверно, называют устаревшим термином «орхоно-енисейской»), а двух различных самостоятельных рунических алфавитов Азии (енисейского и орхонского) – будет обязательно учитываться.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Разгадка древнего письма, постижение его законов, способность прочесть неведомые тексты – что может быть более захватывающим для исследователя, проникающего благодаря этому в совершенно новый, ни для кого еще недоступный, многообразный мир былой человеческой жизни, с ее событиями, думами и надеждами! Читать, читать и читать! Разбирать надпись за надписью – все до последней! Вникать и вникать в смысл слов, высеченных на камнях и несущих новые и новые сведения! Искать другие надписи! Узнать как можно больше!

Разве непонятно это стремление? Уверен, что каждый человек, взявший в руки эту книжку и пробегающий сейчас глазами эти строки, очень хочет узнать, что же было написано на поверхности скал, ради чего испещрены руническими знаками огромные камни, зачем вырезались краткие строки на предметах. И, вполне понятно, обо всем этом я обязательно расскажу. Но чуть позднее.

Сначала очень важно понять, что значение древних письменных памятников не определяется одним лишь содержанием их текстов. Даже переведя на современные языки их все, мы не сможем с необходимой полнотой определить подлинный культурный уровень оставившего надписи общества. Нельзя оставить без ответа вопрос: откуда и как появилась в нем письменность? Кто, когда, и ради чего ею пользовался?

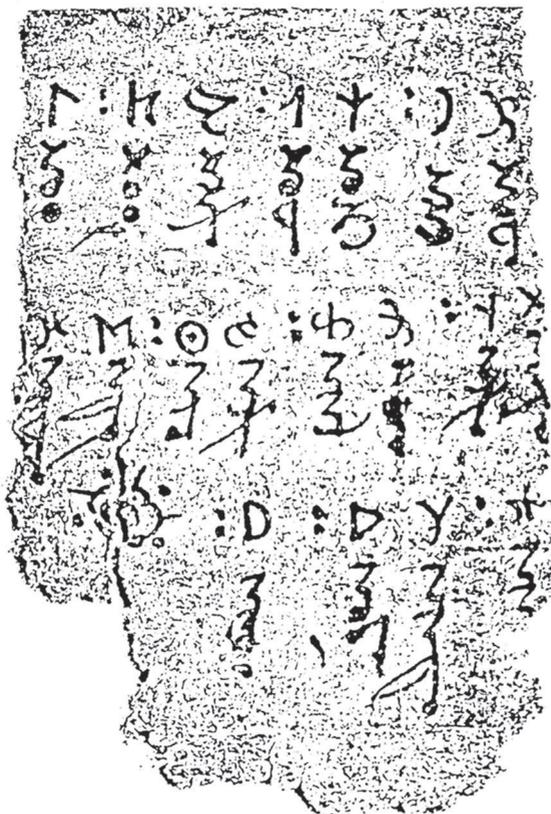
К решению первого вопроса в науке, начиная с конца XIX столетия, выработалось два основных подхода. Сторонники первого учитывали тот несомненный факт, что в раннем средневековье тюркоязычные народы соседствовали со многими культурными странами, знавшими письменность задолго до VIII

века, к которому относятся наиболее ранние известные нам достоверные тюркоязычные рунические надписи Южной Сибири и Центральной Азии. Буквенный характер рунических знаков сразу же отсекал теоретически вероятное влияние письменной культуры иероглифического мира Дальнего Востока. Не подходила и письменная среда Северо-Западной Индии, в древности и средневековье достигавшая Восточного Туркестана и юга Средней Азии, но отличавшаяся слоговым характером буквенных знаков и потому не знавшая отдельного обозначения гласных звуков.

Для поисков возможного влияния оставался обширный древний и многообразный западный регион азиатских алфавитов. Подавляющее большинство письменностей, бытовавших там в раннем средневековье, произошло из общего источника – той или иной разновидности так называемой арамейской письменности. Это письмо, появившееся около 30 веков назад, стало государственным в могущественнейших державах Востока: Ассирии и Древней Персии. Вслед за арамейским языком оно стало средством международного общения на обширнейшей территории от Египта до Индии и позднее, с распадом древних империй, вместе с формированием на их землях самостоятельных государств, легло в основу большинства местных алфавитов: пехлевийского (персидского), парфянского, бактрийского, хорезмийского, манихейского (пальмирского), согдийского и других. Для всех них характерно и унаследованное от первоисточника написание строки справа налево, как обычно идут и рунические надписи.

Поскольку арамеи были народом семитоязычным, а в семитских языках основное значение слов передают не гласные, а входящие в них согласные звуки (сравним, например, *китаб* – «книга, письмо», *катаба* – «он писал», *кутиба* – «написан», *ка-тиб* – «писец»), то им была присуща древняя система обозначения на письме одних согласных и пропуска гласных (вспомним, здесь, как эту манеру преодолели арабы, обозначающие гласные точками над или под знаком для согласного). Такая письменность называется согласной (консонантной).

Если обобщить сказанное, то будет понятно, что ученые, отыскивая возможный источник заимствования письма древними тюркскими народами, не только опирались на общую

Учебная запись рунического алфавита с пояснениями манихейским письмом. Чернила, бумага. Монастырский комплекс в урочище Тойок, Турфанский аозис, Восточный Туркестан. Хранится в Берлине.

По воспроизведению А. фон Лекока

культурную ситуацию той эпохи, но и учли характерную для рунических надписей традицию «экономить» на обозначении гласных букв, увидев в этом вполне вероятную связь с древними консонантными письменностями семитского происхождения. Уже В. Томсен осторожно заметил, что данное сходство при учете подобия облика некоторых знаков может указывать на происхождение рунического письма от алфавита арамейского корня. В качестве источника создания наших рун он называл пехлевийскую азбуку.

В этом направлении развивали свои гипотезы и многие другие исследователи. Последняя по времени работа предполагает творческое восприятие древними тюрками форм согдийского скорописного письма. И хотя большинство ученых склонилось к подобному мнению, необходимо все же сказать, что почти вековые поиски рунического прототипа в письменах арамейского корня не выглядят убедительными.

Во-первых, нет сходства ни с одной из этих письменностей в облике, пусть не всех, но хотя бы большинства древнетюркских букв. Во-вторых, вполне очевидно, что из 22 букв, составлявших алфавиты арамейской группы, нельзя прямо произвести вдвое большее число рун. В-третьих, бессмысленно было бы превращать скорописные и связные начертания согдийского или иного курсива в линейное, непригодное для быстрого и связного написания древнетюркское руническое письмо, совершая шаг назад в технике самой письменности.

Все это, конечно же, осознается исследователями. Подразумевая арамейские корни рунического письма, они по большей части говорят о творческом заимствовании, изменении буквенной основы для формирования собственного алфавита и т. п. Наиболее последовательно такую гипотезу выразил крупный британский лингвист сэр Джерард Клосон. По его мнению, руническое письмо было специально изобретено в конце VI века по приказу тюркского кагана Эштеми, причем за основу была взята иранская азбука арамейского корня, дополненная путем введения нескольких букв греческого алфавита, а также усложненная элементами тайнописи.

Такая гипотеза, как и все близкие ей по подходу, не учитывает того, что руническое письмо не было единым, а значит, и не могло быть изобретено в одном месте по воле одного человека. Если даже не учитывать все те восемь разных алфавитов степной Евразии, о которых уже пришлось упоминать, то надо принять во внимание, что самые ранние памятники Саяно-Алтайской Сибири и смежных регионов, демонстрируют нам два классических рунических алфавита – орхонский и енисейский, имеющих серьезные отличия. Может быть, не этот довод будет самым важным при отказе от приведенного мнения авторитетного ученого,

поскольку сходство енисейского и орхонского письма очевидно, и вполне допустимо полагать, что некогда они произошли от одного общего алфавита. Серьезнее учесть другое.

Чрезвычайная точность и удобство записи слов тюркских языков рунами прямо-таки наталкивает на предположение об изобретении азиатского рунического письма специально для записи тюркской речи. Но окажись это так – будь рунический алфавит составлен по единой продуманной системе – в нем, вероятно, не было бы целого ряда наблюдаемых отклонений от общей схемы построения азбуки. В самом деле, как тогда могли бы мы объяснить, например, соединение в одном алфавите двух принципов записи согласных: то каждой руной только одного звука (мягкого или твердого), то одной руной уже сочетания сразу двух согласных («лт» или «лд», «нд» или «нт» и других, им подобных)? Ведь те же два звука могут быть записаны двумя имевшимися в азбуке отдельными буквами для каждого из них. Для чего такое дублирование? Разве оно увязывается с принципом общего строгого построения алфавита его мудрым изобретателем?

Есть и другие противоречия, необъяснимые при допущении, что над созданием рунического письма некогда трудились древний лингвист или языковедческая комиссия. Например, во всех случаях, казалось бы, соблюден принцип записи любого согласного (твердого или мягкого) с любым из сочетающихся с ним гласных (твердым или мягким). Но ведь в руническом письме вполне употребимы и буквы, отражающие другой принцип записи слога: одна буква для звука «к» может передавать только его соседство с «о» или «у» () и не может с «а» или «ы»; другая буква для «к» – только для использования этого звука в паре с «ы» (), но не с «а», «у» или «о», есть и третья буква для «к», она пишется лишь для слога с «ö» и «ü»(). Всего же для звука «к» в этом алфавите существует пять разных рун. Зачем?

Как видим, в рунической азбуке нет строгого соблюдения единого принципа записи звуков и их сочетаний, что было бы обязательным при рациональном процессе ее формирования во времена не столь отдаленные от первых известных науке рунических памятников.

Состояние рунической азбуки, отмечаемое в равной степени и для енисейского, и для орхонского письма, скорее указывает, что она не могла быть предметом изобретения, совершенного специально для записи текстов на тюркских языках и созданного со знанием и учетом всех звуковых особенностей тюркской речи. Скорее, за каждым из рунических алфавитов лежит долгий, быть может, многовековой путь развития и плавного изменения и совершенствования некой более древней письменности-основы. Этапы этой эволюции, шаг за шагом изменявшие в сторону тюркских языков первоначально принятые нормы архаичного письма, и отразили, надо думать, некоторые специфические противоречия в передаче звуков, которые отмечаются в рунической азбуке на стадии, представленной известными ныне письменными памятниками.

Наши наблюдения позволяют теперь вспомнить второй довольно распространенный подход к отысканию корней рунического письма. Он также сформировался уже в девяностых годах XIX века. Ряд русских исследователей, хорошо знавших быт степных тюркоязычных народов, высказали мысль о происхождении рун из так называемых тамг, т. е. геральдических знаков применявшихся в качестве личных меток – подписей, печатей, показателей собственности, как тавра для клеймления скота, и т. п. Такие знаки всегда имеют довольно простые линейные и геометрические формы, в некоторых случаях действительно напоминающие облик рунических букв.

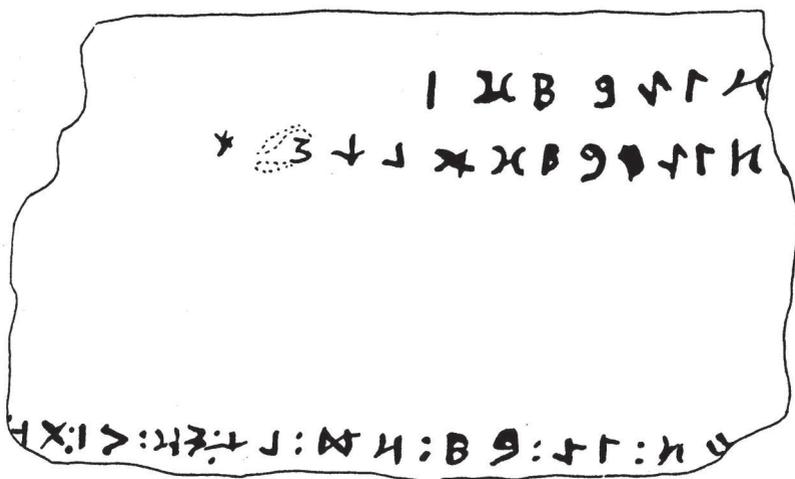
Однако знаки-метки имеют собственные закономерности графического развития, ни в чем не совпадающие с особенностями изменения письмен любого рода. Даже иероглифов, в основе которых также лежит символический рисунок. Кроме того, в тех землях, где в древности несомненно употреблялись тамги и руны, они никогда не совпадали по облику. Все это свидетельствует, что руническое письмо не могло произойти от тамг-меток. К тому же каждый знак-тамга имел у использовавших его людей свое название.

Существовала и третья гипотеза происхождения письма, основанная на облике некоторых рунических знаков. Так, одна из рун – в виде вертикальной стрелки – читается как «ок» (или

«ук»), что на всех тюркских языках и означает «стрела», другая – в виде полумесяца – произносится как «ай», что и значит у всех тюрков «месяц, луна». Получается, что по крайней мере две рунические буквы передавали собою целые слова, а их облик восходит к изображению называемых предметов. Таков принцип рисуночного (пиктографического) письма, хорошо известный науке, поскольку он был опробован многими древними народами и дожил до наших дней. Он знаком каждому из опыта своего детства или благодаря фантазии собственного ребенка. Применяется он сегодня и там, где необходимо передать несложные сведения любому человеку независимо от языка, которым он владеет. Вспомните, скажем, знаки дорожного движения или символы, выводимые на упаковочных коробках («не кантовать», «осторожно, стекло» и т. п.), олимпийские обозначения различных спортивных состязаний или знаки, характеризующие погоду в телевизионном прогнозе.

Сторонники идеографического происхождения рунического письма возводят к изображению копья (тюркское *сүңг/сюнгу*, *сүңг/сюнгу*) и букву «с²», имеющую вид прямой вертикальной линии а енисейский знак «т», завершающийся обращенным вверх уголком , объясняют изображением горы (тюркское *тағ*), одновременно возводя орхонское «т» к изображению лошади (тюркское *ат*) и т. д. Надо ли говорить, что были приняты попытки возвести внешний вид всех рунических букв к такого рода рисункам, объясняющим появление этой самобытной письменности от древнетюркских изображений? Полагаю, что читатель и сам понимает, что такая догадка вполне возможна. Ибо она проста. Но сомнительна, «так как тут, – говоря справедливыми словами выдающегося лингвиста Е. Д. Поливанова, аргументировано показавшего возможность идеографического истолкования названных мною выше отдельных знаков, – приходится вступать на заведомо скользкий, лишенный критерия достоверности путь».

Доводы, не позволяющие принять происхождения рунического письма от тамг, могут быть использованы и при критике другой гипотезы, утверждающей, что эта письменность применялась тюркоязычными народами издревле – с раннего же-

Учебные записи рунического алфавита. Чернила, бумага.
 Монастырский комплекс в урочище Тойок, Турфанский оазис,
 Восточный Туркестан. Хранится в Киото.

Рисунок автора по воспроизведению О. Ф. Сертка

лезного века, т. е. по крайней мере уже две с половиной тысячи лет назад. Обе гипотезы не учитывают, что в самом строе рунического алфавита есть определенная «не-тюркскость», которая, пожалуй, вообще не позволяет говорить о формировании этого письма в тюркской языковой среде.

Как, например, у говорящих по-тюркски появились специальные знаки для обозначения соседства двух согласных? Ведь в самих тюркских языках согласные всегда принадлежат к двум разным слогам и, следовательно, не могут по природе своей составлять какого-то особого единства, которое требовало бы графического обозначения специальными буквами (типа рун «нд»-«нт», «лд»-«лт» и т. д.).

Кроме того, особого внимания для уяснения основ происхождения рунического письма требует принятая в нем манера обозначения гласных. Прежде всего – способ передачи одной буквой двух звуков («о» и «у», «ё» и «ю»,). Почему для других гласных есть всегда свои собственные знаки для каждого звука («а», «э», «ы», «и»-«е»), а для этих существовали «общие» буквы?

Возможно, оттого, что в языке, породившем руническое письмо, был только один губной гласный твердый (или «o», или, скорее, «у») и только один губной гласный мягкий (или «ö», сходный с русским «ё», или «ÿ», похожий на «ю»). Однако такой ситуации не было даже в древнейшем пратюркском языке, зато она известна для языков других лингвистических семейств (в частности, для прасемитских).

Сторонники изначальности рун для тюркского мира часто опираются на находки древних надписей, которые кажутся им похожими на рунические. На самом деле это ошибка, порожденная поверхностным сходством резных знаков других письменных систем с древнетюркскими руническими. Не составляет исключения в этом плане и знаменитая надпись на серебряной чаше из Иссыкского кургана, раскопанного в Казахстане и содержащего захоронение жреца-правителя (так называемого «золотого человека»).

Автор этих строк склонен считать, что древнетюркское руническое письмо является вершиной большого исторического айсберга, не только подошва, но и основной массив которого скрыты в океане времен. В строе рунического алфавита можно проследить несколько стадий плавного видоизменения назначения письменных знаков. Первоначально они, вероятно, принадлежали к слоговому письму: каждая буква передавала сочетание гласного и согласного звуков, причем гласный следовал за согласным (как в слове «мама», такой порядок прозывается открытым слогом). Затем знаки главным образом читались как закрытые слоги (т. е. порядок звуков был обратным: сначала шел гласный, потом согласный – скажем, «ам-ам»). От этого этапа развития и остались в ходу руны из многочисленного ряда для «к», сохранившего, как мы видели, свою слоговую природу. На третьей стадии буквы начали по преимуществу передавать только по одному согласному звуку (или по одному гласному, для последних всегда были и специальные буквы). Используя редкие в применении, но сохранившиеся в азбуке руны, можно в известной мере восстановить то письмо, которое некогда было общим предком как для орхонского, так и для енисейского алфавита. Это проторуническое слоговое письмо представлено на наших

страницах в виде турнирной таблицы.

В ходе прослеженной эволюции число букв в обиходе сокращалось и достигло парного состояния, столь удобного для передачи согласных в зависимости от соседствующего с ними гласного. Можно думать, что именно эта черта рунического письма и привлекла внимание неведомого нам древнетюркского языковеда, лингвистический талант которого, таким образом, более всего проявился в выборе среди многих современных ему систем письма той, которая в наибольшей степени подходила к звуковому строю тюркской речи.

Итак, эти трудные для восприятия страницы понадобились мне для того, чтобы терпеливый читатель понял два обстоятельства. Во-первых, определение истоков и условий происхождения рунической письменности древних тюркских народов – дело совсем не простое и еще очень далекое от своего завершения.

ЗВУКИ	i e	ï ë	a	ä	o u	ö ü	-
-	⊗	∠	∟	∩	>	∩	
k		△	∩	∩	∩	∩	
t		∩	∩	∩	∩	∩	
š		∩	∩	∩	∩	∩	
s		∩	∩	∩	∩	∩	
d	⊗	∩	∩	∩	∩	∩	
č	∩	∩	∩	∩	∩	∩	
m	∩	∩	∩	∩	∩	∩	
p							
b							
g							
j							
l							
n							
h							
z							
ž							
hč							
nj							
nd							
ld							
словоразделитель							:

Выявленные знаки проторунического слогового письма – предка енисейской и орхонской письменности. Слог, обозначавшийся руной, определяется пересечением строки (согласный звук) и колонки (гласный звук).

Составлено автором

Значит, и простым ответам на этот вопрос не следует доверять с легкой душой. Во-вторых, мнение автора этих строк заключается в том, что руническая письменность не была изобретена внутри самого тюркоязычного мира, а была им заимствована на каком-то этапе своей длительной истории в уже готовом виде и без особых изменений, с сохранением пережиточных черт прежнего развития применена для записи текстов на тюркских языках. Когда это произошло и в каком месте, сегодня точно определить невозможно из-за полного отсутствия данных.

Можно довольно уверенно отметить другое. Уже к началу далекого от нас VIII века в тогдашнем тюркоязычном мире Сибири и Центральной Азии бытовало не единое, общее для всех тюркских народов письмо (которое обычно так и называют древнетюркским или орхоно-енисейским), а исторически близкие, но вполне уже самостоятельные алфавиты: енисейский и орхонский.

Причем южносибирское енисейское письмо по набору применявшихся в нем знаков выглядит старше орхонского. Прежде всего об этом говорит большее, чем в орхонском, количество использованных букв (смотрите таблицу). Дело в том, что в каждой старой азбуке, долгое время не подвергавшейся сознательному реформированию, обычно имеется больше букв, чем употребляется людьми на практике. Укажу, например, на русскую азбуку, где до 1918 года были буквы «кси», «пси», «ижица» и другие, мало или вовсе не применявшиеся на письме. Можно и не ходить столь далеко в прошлое: обратите внимание, что в читаемом вами сейчас тексте практически отсутствует буква «ё» (за исключением случаев, когда отдельно называется именно этот звук). В словах мы ее уже не пишем (точнее, не печатаем, так как в рукописях она применяется), а ведь в азбуке она сохраняется по-прежнему.

Приблизительно такую же картину находим и в руническом письме. Изучение сохранившихся учебных записей людей, упоминавших рунический алфавит, показало, что в нем было 48 письменных знаков, хотя, как помним, в орхонских памятниках применялось лишь 38 букв, выявленных при их дешифровке В. Томсеном. В енисейской же азбуке и в самих надписях приме-

нялось не менее 40 рун. Остальные руны или вовсе не использовались для создания текстов, или применялись в них редко, иной раз – исключительно редко.

Главной причиной расхождения рунических алфавитов было то, что каждый из них был государственной, официальной письменностью отдельных стран, имевших не только свои азбуки, но и свои строго соблюдаемые правила письма.

Орхонский алфавит применялся во Втором Восточно-Тюркском каганате, существовавшем на землях современной Монголии в 682–745 годах, а затем в сменившем его Уйгурском каганате (745–840 годы), государственное устройство которого во всем подчеркивало преемственную связь с предшествующей державой. Енисейская же письменность была присуща Древнехакасскому государству. На его коренных землях – в Хакасско-Минусинской котловине в бассейне Среднего Енисея – найдены сотни рунических надписей, но среди них встречена только одна короткая надпись, выполненная орхонской письменностью, созданная во времена Уйгурского каганата на маленькой переносной плитке.

Орхонские по письму тексты встречены лишь на основной территории названных центральноазиатских каганатов в Монголии, а также в оазисных центрах Восточного Туркестана – там, куда отошли разбитые князья после гибели Уйгурского каганата и где существовали религиозные общины манихейцев – единоверцев древних уйгуров. Среди наскальных надписей Горного Алтая известны некоторые характерные по облику знаки, отличавшие орхонскую азбуку и свидетельствующие тем самым, что некогда и в этих землях бытовало орхонское руническое письмо. Это положение подтверждают обнаруженные на Алтае две молитвенные надписи (на костяном предмете и на скале), выполненные орхонскими рунами в период Уйгурского каганата.

Древнехакасское по государственной принадлежности енисейское руническое письмо получило очень широкое распространение. Первоначально эта письменность, вероятно, применялась лишь на коренных землях к северу от хребта Западного Саяна, в Хакасско-Минусинской котловине. Наиболее ранние образцы енисейских надписей, известные сегодня, относятся к VIII

веку. Они представляют уже очень развитое, подчиненное выработанным правилам письмо, т. е. нет сомнения, что енисейская грамота распространилась здесь много раньше VIII столетия. Ныне крайними северными находками древнехакасских надписей являются Тугутюпская стела и строки на скальном обрыве горы Городовая Стена – и то и другое в районе современного поселка Новоселово, на обоих берегах Енисея.

С ростом могущества Древнехакасского государства его официальная письменность становилась все более известной соседним народам. Некоторые из них не только читали по-енисейски, но и начали использовать это письмо в своем обиходе. Очень важно отметить, что такое культурное воздействие началось ранее военных побед, приведших в середине IX века к быстрому росту территории, подвластной древнехакасским правителям, происходившим из местного династийного рода Кыргыз. Например, уже в конце VIII века надгробные надписи одного из местных тюркоязычных племен Тувы – чиков (в китайских летописях их имя передается как *цигу*, в тюркских надписях – *чик*) были в ряде случаев вырезаны енисейским алфавитом.

Осмысляя этот факт, давайте будем помнить еще одно очень важное обстоятельство – к моменту восприятия енисейского письма население Тувы уже не было бесписьменным. В то время оно входило в пределы мощного и культурно развитого Уйгурского каганата, употреблявшего орхонское руническое письмо. Правда, памятники этого алфавита еще не найдены в пределах Тувинской котловины. Но там отмечено другое, может быть, даже более интересное и значимое явление древней письменной культуры: среди обнаруженных надписей встречаются свидетельства существования у чиков Тувы особого варианта рунического письма, предшествовавшего и появлению здесь орхонского алфавита! Руны этого алфавита отражают более раннюю стадию развития этой письменности – доорхонскую и доенисейскую. Пока это единственный район, в котором можно отметить бытование самых древних форм рунических письменных знаков.

Выходит, что к моменту появления в Туве енисейского рунического алфавита жившие там люди уже были знакомы по

крайней мере с двумя другими руническими письменными системами. Енисейское письмо в VIII – начале IX века в силу пока не вполне ясных обстоятельств оказало мощное воздействие на соседние народы, обладавшие своей развитой, нередко официально принятой письменностью. Кроме надписей тувинских чиков, очень заметно влияние енисейской азбуки на облик знаков многих известных письменных памятниках самих уйгуров. Даже в их столичных центрах, располагавшихся на территории современной Монголии, даже в камнеписных текстах, посвященных памяти великих полководцев и правителей Уйгурского каганата (таких, как стела кагана Боян-чора (Моюн-чюра) и Карабалгасунская стела), явно проявился переход писцов и резчиков к использованию некоторых букв енисейской формы.

Легко понять, что воздействие древнехакасского алфавита весьма и весьма усилилось в ту эпоху, когда начав большую войну, конные армии со Среднего Енисея перевалили Саянские хребты, обошли и преодолели Кузнецкий Алатау, пересекли Танну-Ола. Верховный правитель Древнехакасского государства писал тогда уйгурскому кагану: «...твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя». Вполне возможно, что это предупреждение-вызов было начертано енисейскими рунами. Согласно китайским летописям, угроза была действительно реализована и самодержец древних хакасов «под личным предводительством предал огню ханское стойбище и жилище царевны» на Орхоне, в столице разгромленного Уйгурского каганата.

Эти события произошли в 840 году. Разгромив древних уйгуров, войска средневековых хакасов, предводительствуемые князьями-кыргызами, захватили земли не только Тувы и Монголии, но и Горного и Степного Алтая, Красноярско-Канского района и Прибайкалья. Границы государства прошли по Иртышу, Оби, Ангаре, Селенге, пустыням Монголии. На всей этой огромной территории управление перешло к кыргызской аристократии.

Порядок был суров, и слава владык-кыргызов была велика. Она сохранилась даже по прошествии многих веков. Имя древних кыргызов стало символом степной тюркоязычной аристократии. Именно с тех давних пор, с середины IX в., в составе

большинства современных народов Южной Сибири и жителей ряда других земель появились рода-сёоки (сеоки) с именем Кыргыз (Хырғыс). Они есть не только в составе хакасов, алтайцев и тувинцев, а даже на западе у башкир. Древние кыргызы передали свое имя предкам современных киргизов, тогда жившим не на Енисее и даже не на Тянь-Шане, а в Монголии и в Восточном Туркестане. Киргизами или кыргыз-кайсаками долго именовали, как известно, живших от Волги до Иртыша казахов. Кочевые узбеки с XV–XVI веков называли аристократов кыргызами, противопоставляя их правящей династии рода мангыт. Поныне буряты и монголы зовут древние курганы своих степей кыргызскими могилами (хиргисийн ур, хэрэксур), живущие в тайге якуты-саха называют кыргызами народ-предшественник и в ряде легенд связывают с пришельцем-кыргызом свое происхождение.

В большинстве названных случаев, распространение имени кыргызов не имеет прямой связи с этногенезом, происхождением названных народов, но с несомненностью указывает на былую общность политической истории: их предки входили в единое крупное государство, столетиями управлявшееся аристократическим родом Кыргыз и принадлежавшим к нему Кыргыз-каганом. С уничтожением этой южносибирской державы Чингизидами гордое имя кыргызов вышло за пределы породившей их страны и распространилось по евразийскому Монгольскому государству. Вместе с ним, как показывают археологические находки, распространилась по степям и мода на древнехакасский стиль оформления железного снаряжения знатных всадников и их коней. Характерные черты этого стиля стали частью официальной государственной культуры монголов, а затем – и подвластных им народов Азии.

В IX веке расселившись по обширным владениям в Южной Сибири и Центральной Азии, новая знать, воинские гарнизоны и поселенцы принесли с собой и распространили енисейское руническое письмо. Оно было государственной, официальной письменностью Древнехакасской державы и в обязательном порядке вводилось во всеобщее употребление. Енисейские надписи найдены по всей обрисованной только что территории: от Забайкалья до Иртыша.

Камни с надгробными текстами, высеченными по древнехакасскому обычаю, встречены у могил, во множестве оставленных новыми обитателями Тувы и Монголии. Воспринимая этот обычай, начали ставить подобные памятники с надписями и местные аристократы Центральной Азии и Алтая. Енисейские по алфавиту строки оказались нанесенными на скалы Алтая, Тувы, Монголии. Древнехакасская разновидность рунического письма, судя по процарапанным надписям на металлических предметах, применялась и населением Казахстана. Одно из бронзовых зеркал с такой надписью обнаружено на «дальнем Западе» – в долине реки Илек в Актюбинской области, почти на Южном Урале. Судя по применению характерных букв, древние хакасы расписались на стенах некоторых жилых монастырских пещер в Турфанском оазисе Восточного Туркестана. Под влиянием енисейского алфавита сложилась руническая письменность в Семиречье (так называемое таласское письмо).

Широкому распространению енисейского рунического письма в большой мере способствовало и использовавшее его манихейство – государственная религия Древнехакасской державы, насаждавшаяся во всех ее пределах и без боев захватывавшая соседние страны.

Енисейская письменность полностью вытеснила орхонское письмо из официального обращения даже у былых его носителей – самих уйгуров и тюрок Монголии и Алтая. Самобытная орхонская письменность, известная нам с 20-х годов VIII века, просуществовала после разгрома Уйгурского каганата еще около столетия – до 30-х годов X века. Но сохранялось оно уже только в монашеских манихейских общинах Восточного Туркестана. Надписи, сделанные тюрками на бытовых предметах, в это время выведены одними лишь енисейскими рунами.

Не следует забывать, что все тюркоязычное население Южной Сибири и Центральной Азии было в средневековье разнописьменным. Одновременное знание писцами других рунических азбук (орхонской, южноенисейской, верхнеенисейской) время от времени проявлялось в енисейских надписях, оставленных местным населением. Составители и резчики надписей невольно совершали ошибки, ставя привычные им буквы других

алфавитов в создаваемые енисейским письмом камнеписные тексты. И все же государственная дисциплина (а она была суровой) и представление о вершинах грамотности требовали от них употребления официального – енисейского письма.

У самих древних хакасов енисейская письменность активно бытовала вплоть до монгольского нашествия в XIII веке и даже какое-то время позднее. Разгром самобытного сибирского государства центральноазиатскими ордами привел и к смене государственного письма. Оно стало монгольским, а в положении бытового, устаревшего и неавторитетного у чиновников новой администрации оказалась теперь уже енисейская руническая письменность. Однако она не исчезла сразу.

Ныне выделены две надписи, созданные древнехакасским руническим письмом в период XIII–XV веков. О них еще придется говорить далее. Здесь надо отметить, что в обоих этих надписях применена особая, книжная орфография. Весьма показательны, что такое правописание характерно для религиозных сочинений и обычно применялось в монастырских общинах. Вероятно, носители религии предков (а такой религией в Древнехакасском государстве с VIII века было манихейство) продолжали сохранять в своей среде и древнюю енисейскую письменность. Даже в условиях монгольского владычества в Южной Сибири.

Из летописей известно, что свободолюбивое население Саяно-Алтайского нагорья многие десятилетия боролось против иноземцев, и даже в 1273–1293 годах, на целых два десятилетия, сумело изгнать их с родной земли. По крайней мере на территории Тувы и Хакасии в эти годы вновь было восстановлено управление местной знати из рода Кыргыз. Видимо, в это-то время и предприняла воссозданная южносибирская государственная власть попытку вернуть в обиход традиционную енисейскую руническую письменность.

Существуют, хотя и довольно глухие, но все же явные указания на то, что хакасская знать применяла какую-то свою, неведомую соседям письменность даже многие столетия спустя – в пору присоединения Хакасии к России. Последний факт использования такого загадочного для окружающих письма засвидетельствован русским сообщением времен Петра Велико-

го – в 1701 году. В августе-сентябре красноярские посланцы во главе с Романом Торгашиным заключили на берегах Абакана с представителем джунгарского хана зайсаном Абой и хакасским князем Ботю-ажо мирный договор. И вот оказалось, что у этого «у подлинного договору написано в конце татарским письмом; а что написано, того перевести в Красноярске некому». Что же это была за письменность, неизвестная даже многочисленному штату сведущих толмачей красноярской воеводской канцелярии, постоянно общавшихся со всеми народами и странами близлежащей Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока? Уж не сбереженные ли в аристократическом хакасском кругу енисейские руны?

Как видим, судьба рунической письменности в Азии была очень непростой, длительной и многообразной. Нет никаких сомнений, что дальнейшее изучение рунических надписей еще преподнесет пытливому уму немало сюрпризов и увлекательных загадок.

Отмеченное вытеснение одной письменности

Руническая надпись на спине изваяния, найденного Д. Г. Мессершмидтом в долине реки Ерба. Хакасия.
Рисунок автора

стью других внешне вполне может восприниматься как акт некоего «культурного нападения». Хотя, как приходилось говорить, широкое воздействие енисейского алфавита отмечается уже за пределами ограниченного Саянами и еще не приступившего к захватам других земель Древнехакасского государства во второй половине VIII века (на этом руническом шрифте созданы надписи народа чиков в Туве, тюрков Горного Алтая, он повлиял на облик многих знаков уйгурских надписей, то есть их писцы владели этим алфавитом наравне с орхонским), все же не приходится отрицать, что обширное распространение древнехакасской государственной письменности шло вслед за грозным продвижением по азиатским просторам древнехакасских армий.

Так и встает сама собою перед глазами картина властного приказного акта: мощная, закованная в броню фигура правителя, еще покрытого походной пылью, устремившего длань к испуганно-покорной толпе поверженных противников – «Отныне пишите только по-моему!». Вполне понятно, что такая шутливая фантазия, конечно же, не отражает реальных условий перехода на новое письмо тех земель и народов, которые были присоединены к Древнехакасскому государству. Совершенно необходимо, однако, не только отметить факт официального внедрения по всей территории громадной державы енисейского алфавита и отказ от использования других, вплоть до самого завоевания еще употреблявшихся рунических письменностей, но и понять природу этого характерного явления.

Кроме вполне очевидного назначения, присущего любой официальной письменности, – служить укреплению авторитета пользующейся им власти, демонстрации на мировой арене самостоятельности и независимости этой державы – у государственной письменности и передаваемого с ее помощью государственного языка есть другая, несомненно, более важная и, конечно же, главная задача. Письмо служит для объединения всего включенного в рамки страны населения. Без общего языка и общей, всем понятной письменности ни одно государство не может существовать как единое целое. Ведь любая держава состоит из отдельных краев, население которых говорит по-своему даже тогда, когда принадлежит к одному народу. Еще чаще,

практически всегда и всюду, государство объединяет людей разных национальностей, бывает многоязыким. Введение языка, единого для всех, хотя бы (и прежде всего) в сфере официальных, общегосударственных отношений, неизбежно. Неизбежно и введение одной, общей письменности.

Существует и должна быть нами также учтена другая известная в истории причина, непременно вызывавшая широкое распространение единой письменности. Она состоит в использовании того или иного языка и алфавита в качестве священной письменности мировых религий древности, средневековья и нашего времени. В этом случае письмо обычно далеко выходит за пределы даже самых крупных стран, стирая все политические границы и образуя огромные пространства духовного единства. Таким письмом, как увидим на следующих страницах, оказались и енисейские руны, воспринятые и распространенные не только в Центральной, но и в Средней Азии сибирско-тюркским махнейством, сложившимся на Саяно-Алтайском нагорье.

Итак, читателю уже известно, когда, кто, где и как пользовался различными руническими письменностями Азии. Ныне настала пора поведать о том, что же содержат сами древние надписи Сибири, о чем они сообщают и для чего были некогда созданы.

«Я ПЕРЕСТАЛ ОЩУЩАТЬ СОЛНЦЕ И ЛУНУ»

Самую большую группу памятников древней сибирской письменности составляют сегодня надписи на знаменитых енисейских надгробных камнях. Как раз один из таких памятников и увидел в долине Уйбата Д. Г. Мессершмидт в том 1721 году. Начертанные на стелах тексты составляют основу всех изданных атласов рунических надписей, это они привлекают внимание посетителей в музейных собраниях Минусинска и Кызыла, это по ним изучают специалисты главные особенности письма и языка предков, стремятся уяснить устройство общества и понять ход исторических событий. Сегодня подобных памятников найдено больше восьмидесяти. Последняя по времени находка сделана в 2015 г. на краю поля у Аскизского тракта близ поворота на с. Камышту. Крупная стела была свезена туда при очистке пашни, как это делалось в Хакасии в былые годы, и мы уже не узнаем, к какому захоронению витязя она принадлежала и каким был этот археологический комплекс.

Прославляющие деяния полководцев надписи на каменных стелах, как мы помним, были высечены также и орхонским алфавитом в государствах древних тюрков и уйгуров – на землях теперешней Монголии. Они заметно отличаются от енисейских и представляют собою огромные, многострочные тексты. Рассказ о живых событиях одной-единственной жизни, события конкретной биографии начинаются в тех камнеписных текстах от момента создания мира, сотворения земли и неба, предвращаются кратким изложением славных деяний предков. А завершаются призывами к потомкам, назиданиями современникам.

Орхонские стелы ставились далеко не каждому аристократу, даже не всякому верховному правителю. Их водружали толь-

ко в честь редких деятелей, особо отличившихся перед своим государством. Поэтому за полтора века существования державы древних тюрков, а вслед за ними и государства древних уйгуров, взятых вместе (682–744 и 745–840 годы), было создано не так уж много подобных письменных памятников. Сегодня нам известно только одиннадцать каменных обелисков, прославляющих деяния крупнейших полководцев и мудрецов этих стран.

Здесь нет необходимости рассказывать о стелах с орхонскими руническими надписями Монголии. О них много написано и учеными, и писателями, и поэтами. Любознательному читателю не составит труда найти издания, доходчиво и увлекательно излагающие памятные тексты, 12 веков назад высеченные в мемориалах правителя Бильге-кагана, его брата – витязя Кюль-тегина, государственного советника Тоньюкука и других героев народа тюрков. Так же как и славных богатырей древних уйгуров – кагана Боян-чора (Моюн-чур), Бёгю-кагана и прочих. В Хакасии проще всего, пожалуй, найти книгу, изданную в Абакане в 2013 г. (см. приложенный в конце список рекомендованной литературы).

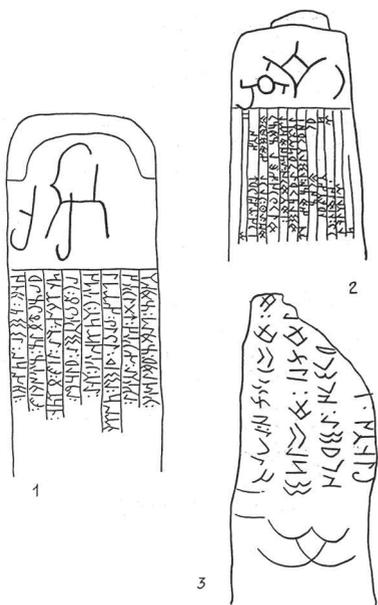
Наша книга адресована тем, кого интересуют памятники сибирского рунического письма. О них, выполненных не орхонским, а енисейским алфавитом, написано гораздо меньше, но именно они оставлены прямыми предками современных народов Саяно-Алтая и имеют прямое отношение к высшим ценностям их культурного наследия.

В Древнехакасском государстве, с IX века объединявшем все народы Южной Сибири, обычаи отличались от Тюркских и Уйгурского каганатов. Камни с памятными надписями устанавливались не близ храмов редких выдающихся деятелей, а у могил многих аристократов – князей и славных воинов. Поэтому за тот же период времени было создано во много раз большее число памятников с руническими письменами. Сегодня, как говорилось, подобных памятных енисейских стел известно уже более восьмидесяти. Наиболее ранними, относящимися к середине VIII века, являются некоторые стелы Хакасии и Тувы. Позднее, в результате завоевания Тувинской котловины, там наравне с сохранением самобытного широко распространяется и классический древнехакасский обряд водружения стел с памят-

ными надписями, под енисейским влиянием небольшое число своеобразных по оформлению камнеписных памятников появляется и на Горном Алтае, но там этот обычай так и не прижился. Большинство енисейских памятников в виде стел с надписями принадлежат к IX–X вв., хотя обычай их создания затухал постепенно и продолжал кое-где соблюдаться еще и в XI, и в XII вв.

Енисейские надгробные надписи отличаются от орхонских не только по численности, но и по назначению, облику и содержанию текстов. Во всем этом вновь соблюдались собственные правила южносибирской державы. Тексты орхонских обелисков Второго

Восточнотюркского и Уйгурского каганатов начинались с высеченной на вершине памятника тамги – с фамильно-личного герба аристократа, и рунические строки орхонского текста соответственно направлялись от вершины к основанию камня. Енисейские же надгробные стелы оформлены совершенно иначе: на них тамга умершего также высечена в начале надписи, но стоит она всегда внизу камня, у его основания и строки горестного текста идут от земли к небу. Енисейские тексты во много раз короче орхонских. Но важнее всего вновь то, что они сочинены и высечены в соответствии с собственными правилами. И установки, лежавшие в основе этих правил выдерживались строго.

Размещение тамги и текста на стелах Второго Восточнотюркского (1) и Уйгурского (2) каганатов и Древнехакасского государства (3). 1 – Онгинский памятник (по атласу В. В. Радлова), 2 – памятник Илэтмиш Бильге-кагана (Моюн-чюра) (по Г. И. Рамstedту), 3 – памятник из Койбальской степи (в рунологии именуется Оя). Хакасия. Хранится в Минусинском музее.

Рисунок автора

Все это позволяет, даже не читая надписи, легко определить в какой традиции, а значит, в какой стране выполнена та или иная памятная стела. Если же характер расположения на камне тамги и надписи соотнести с обликом алфавита, примененного для начертания текста, всмотревшись, орхонские или енисейские руны использованы в данном случае, то можно, вновь не читая самого текста, точно так же определить в Тюркском и Уйгурском каганатах или в Древнехакасском государстве был создан любой камнеписный памятник.

Согласно обычаю, тексты на памятных древнехакасских стелах высекались от первого лица. Каждый из тех, кто удостоился вечной славы, как бы сам рассказывал через века о главном, о том, что составляло суть его жизни. Строки надгробной надписи были стихотворными. Тексты могли быть очень лаконичными – в одну-две строки, или довольно пространными. У части из них фразы не закончены самими резчиками, у других – обрываются из-за выбоин, позднее появившихся на камне, у многих камней обломлены и утрачены вершины с окончанием рунических строк. Люди и время не были милостивы к этим памятникам.

Вот некоторые из енисейских камнеписных надписей (в прочтении и переводе автора). Число строк отмечено цифрами, слова в скобках отсутствуют на камне и вставлены мною для ясности.

«(1) Моё имя героя-эра – Анар Таз-огя. Моё владение и имеющееся (у меня) золото (я оставил) [т. е. умер]».

Памятник с реки Ташебы, Хакасия

«(1) От моей супруги и моих родственников я удалился [т. е. умер], о, печаль и горечь. (2) (Я –) именитый Чёкюнг-тутук, о горе, я удалился (от этого мира). (3) Моё владение и мой хан, о горе, я удалился (от вас). От (моего) золотого колчана я удалился. (4) Я убил (в боях) тридцать пять героев-эров. (5) (Мой титул) был «доверенное лицо княжества». (6) Ваш хан ощутил (Ваше) отсутствие, Ваши товарищи проклинаят себя (что не уберегли Вас). О, горе Вам [слова этой строки адресуются умершему]. (7) Моих врагов было столь много, что мы разлучились!»

Памятник из окрестностей деревни Означенной, Хакасия

«(1) (Вот) мое имя: я – Эль Тоган-тутук. В моем божественном владении-эле я был его правителем (и) у народа шести уделов я был князем. (2) О горе, с моим владением, моей супругой, моим сыном (и) моим народом в мои шестьдесят лет (я был разлучен [т. е. умер]».

Памятник с реки Уюк, Тува

«(1) (Я –) столь суровый Телеш Тириг. (2) С моей супругой, (живущей) в тереме я был разлучен, о горе! (3) Моими тремястами свободно пасущимися конями я не наслаждался».

Тува,

место первоначальной установки памятника неизвестно

«(1) (Вот) мое геройское имя: я – Йашкыс (?). (2) Прокладывающая дорогу моя геройская доблесть, о горе!, (3) моя геройская доблесть (и) мои домочадцы, о горе! (я расстался с вами). (4) Я (благо)устроил моё владение, (5) (а затем) (вместе) с моими товарищами и моими сыновьями (или: юными соратниками) я потерял дорогу (жизни и ушел без возврата)».

Памятник с р. Уюк, Тува

«(1) О горе, солнце и луна, я не наслаждался (вами) [т. е. этим миром]! (2) В девять лет я (уже) служил имеющему знамя хану и следовал (за ним). (3) Я не знал печали, она (же) шла по пятам!».

Памятник из урочища Саргал-Аксы, Тува

«(1) (Я –) сын полководца Бай-апа, (мое имя) Кюлюг-чор. (2) Я вырос без печали, горе (только) было вот: (3) на небе находящимся солнцем, на земле находящимся моим владением я не наслаждался, (4) от моей супруги, (живущей) в тереме, (и) от моего родного сына я удалился [т. е. умер]».

Памятник с реки Барык, Тува

Как вы, читатель, могли убедиться на этих примерах, повествования о подвигах и основных достижениях в жизни излагались на южносибирских памятниках не как перечень значимых дат и событий, а были облечены в лаконичную форму горестного стенания, плача, жалобы о том, что умерший безвременно покинул беспечальную и счастливую жизнь, своих близких, своего владыку и подданных, своих соратников.

Нет в енисейских надгробных надписях ни обращений к бо- жествам, ни ожидания загробного воздаяния, представлений о возможности вечного и блаженного бытия за пределами земно- го. Напротив, человеческая жизнь: высокое положение в обще- стве, богатства и слава, семья и дети, солнце на небе и лунный свет – мыслились авторами этих памятных рунических текстов как единственное и абсолютно счастливое время, а смерть как горестная и безвозвратная утрата.

Используя переводы С.Е. Малова и автора этой книжки, вчи- таемся в камнеписные строки разных енисейских памятников: «(2) Я вырос без печали, горе (только) было вот: (3) на небе на- ходящимся солнцем, на земле находящимся моим владением я не наслаждался!» (Тува, Барык IV), «(3) Прежде я был без печали, (4) (теперь же) я удалился от находящейся в тереме моей супру- ги...» (Тува, Барык II), «(10) У меня были четвероногие (?) кони, у меня был восьминогий скот, – я жил без печали. (11) Печаль... быстро ко мне явилась: я умер, увы, о горе!...» (Тува, Элегест), «(2) В девять лет я (уже) служил имеющему знамя хану и следовал (за ним). (3) Я не знал печали, она (же) шла по пятам!» (Тува, Сар- гал-Аксы). Подобные примеры можно умножить.

По убеждениям писавших, потусторонний мир не сулил этим людям отрады, она существовала для них лишь в земной жизни: недаром традиционное и постоянное завершение над- гробной строки – *бѳкмедим* «я не наслаждался». На одной из стел, стоявших в Хакасии на реке Уйбат, встречаем следующие слова, обращенные к умершему: «Витязь, тысячу увеселений Вы приоб- рели, (но) Вы не насладились (ими)».

В соответствии с этим мировоззрением тексты енисейских эпитафий (а их, напомним, сегодня известно более 80) предна- значены для вполне стандартно построенного описания жиз- ненных успехов умершего: приобретения им статуса свободно- го и полноправного мужчины (*эр*), обладания соответствующей этому положению рыцарской доблестью (*эрдэм*), более всего выражавшейся в ратных и охотничьих, но также и посольских, иных государственных делах, в разряд которых входило и созда- ние собственной семьи, и благоустройство владений (называв- шихся *эль*).

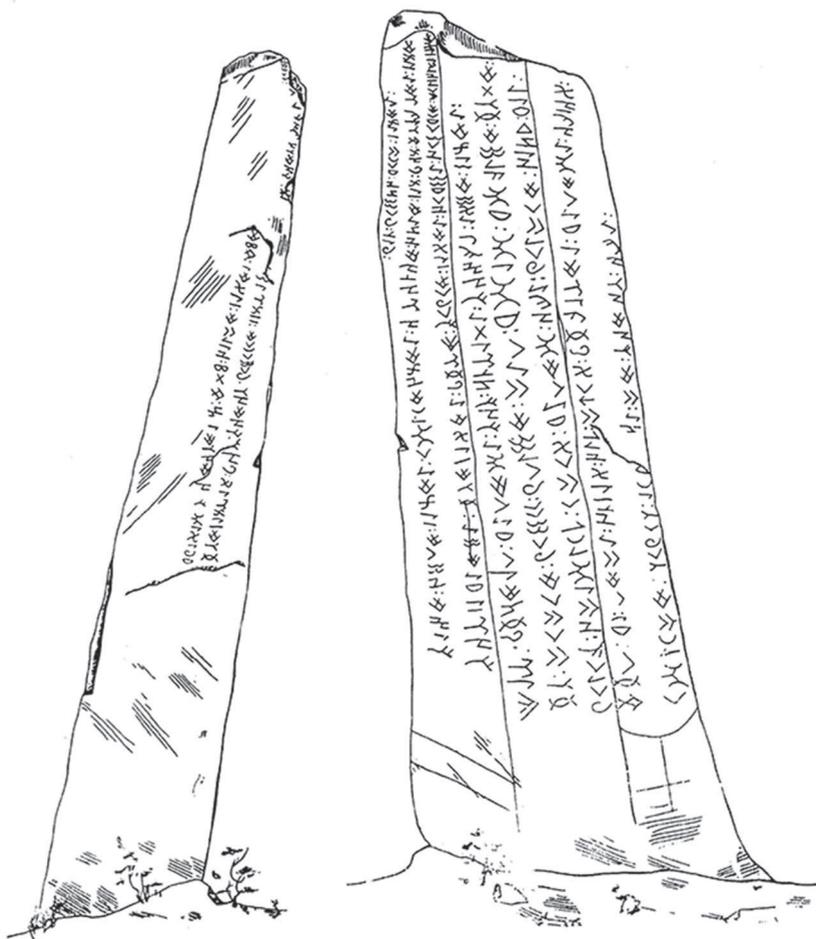
Давайте задумаемся в открывшийся нам факт: люди вполне сознательно на века высекали горестные строки расставания с этим миром. И ни в одном случае (!), ни на одном камне (!) не выражена надежда на то, что за славные дела в этом мире, за праведную жизнь и служение обществу кто-либо из наших предков жаждал получить счастливую вечную жизнь в потустороннем мире! Нет. Зато на многих камнях тяжким молотом и зубилом высечено: «Я не знал печали, печаль же была вот: ...». Горести истинные состояли в окончании земной жизни.

Выходит, хотя жители древней сибирской державы верили в верхние силы и их верховным божеством было Великое Небо, для присущего им мировоззрения изначально не были характерны воззрения о рае и аде, о загробном суде и каре за содеянное. Если это предположение верно, то следует признать, что каменные тексты тысячелетней давности донесли до нас древнейшие языческие представления предков, еще не знакомых ни с одной мировой религией.

Попробуем присмотреться внимательнее к этой древней местной обрядовой особенности. Она многое может поведать нам о главных чертах древней жизни и тех воззрениях, что были присущи исконному населению Южной Сибири.

Прежде всего, отметим, что перед нами произведения древней литературы и что составлены они профессионалами – поэтами и писцами – и высечены специалистами-каменотесами.

Для того, чтобы убедиться в последнем, достаточно пристально взглянуть на высеченные на камнях буквы. По оставшимся при их выдалбливании бороздкам и ямкам нетрудно увидеть, что мастера, создававшие одну и ту же надпись, никогда не использовали какого-нибудь одного орудия (а ведь именно так бы и было, если бы строки высекал любой случайный человек, лишь в силу горестных обстоятельств взявшийся за эту работу). Каждая надпись на каменной плите всегда вырублена с помощью нескольких рабочих инструментов. Обычно это три-четыре зубила с различными по форме рабочими концами. Следовательно, над созданием надписей работали люди, имевшие специальный набор разнообразных стальных

Стела с древнехакасской надписью. Көжээлиг-Хову на р. Эжим, Тува.

По Л. Р. Кызласову

инструментов. Иными словами, они были профессиональными каменотесами.

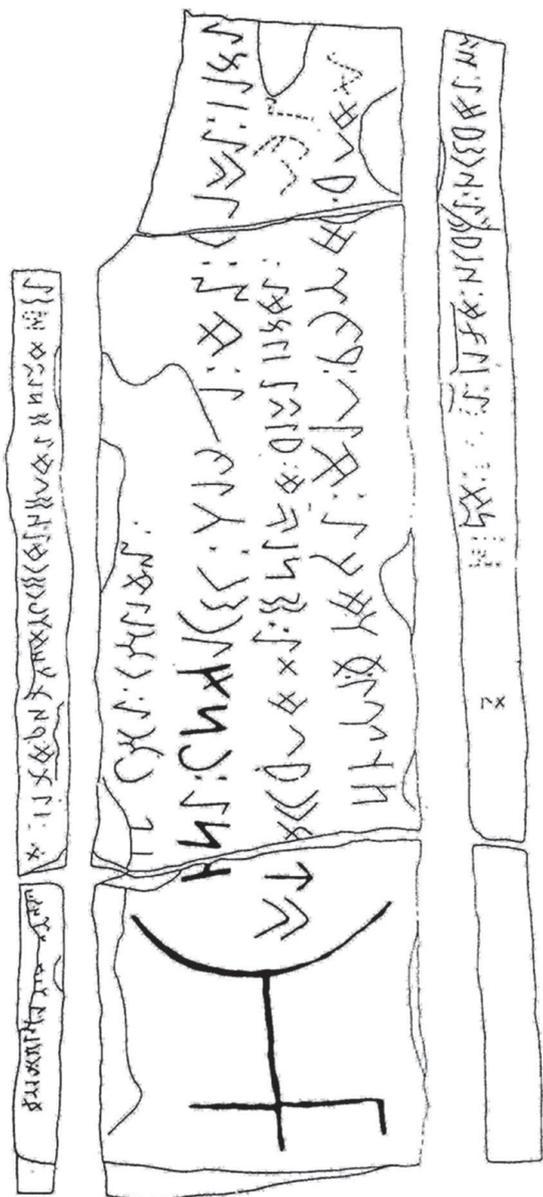
Сравнивая следы их работы на разных стелах, можно заметить и другое: надписи древнехакасской традиции, в каких бы краях не устанавливали памятник погибшему (а мы знаем их в Туве и Монголии), наносились с соблюдением одних и тех же общих правил. Сначала буквы намечались легкими ударами по ин-

струменту с очень острым коническим концом (типа современного керна, которым размечают металл слесари). Затем каждую руну высекали с помощью зубила с небольшим прямым рабочим краем (длиною от 7 до 12 мм). И, наконец, шлифовывали вдоль каким-то узким, может быть каменным, тёрочником. Словоразделительные отметки (в виде двух вертикально расположенных точек) часто наносили уже после завершения всего текста, перечитывая написанное. И применяли зубила с круглым (иногда полым) или овальным концом.

Нельзя не отметить и другое. Памятные надписи высечены явно без особого внимания к их облику: на неровных камнях и кривыми строками, разными по величине буквами. Видя это, можно подумать, что внешний вид памятника был безразличен для его создателей. Так и считали многие ученые, усматривая в этом явный признак грубости нравов и неразвитости устоев средневековых саяно-алтайцев. Однако при специальном изучении этого явления выяснилось совершенно другое: были поняты важнейшие особенности мировоззрения наших предков.

Для нанесения средневековых текстов ими часто избирались скульптуры древнейших времен, ко времени создания рунических строк простоявшие в степях не одно тысячелетие. Такова, например, уйбатская стела, обнаруженная Д. Г. Мессершмидтом. Другие енисейские надписи были вырублены на стелах-менгирах раннего железного века. Оказалось, что ни один камень в средневековье не был специально добыт в каменоломнях и не был обработан ради надгробной надписи. Когда видишь следы набора из 3-5 каменотёсных инструментов, применённых для высекания каждой памятной енисейской надписи, понимаешь, что обработка камня (по большей части довольно мягкой осадочной породы – песчаника или сланца) не представляла для мастера-профессионала особой сложности. Осознаёшь, что он был способен и снаряжён подготовить и выровнять, но не имел права тронуть древнюю поверхность.

Следовательно, облик енисейских писанных стел не служит свидетельством неумелости их создателей, а является весьма устойчивым показателем особенностей мировоззрения. Предки

Древнехакасская надпись конца IX века. Местность Эль-Бажи, Тува.
Хранится в Минусинском музее.

Рисунок автора

очень точно именовали эпитафийные стелы *беңгү (бенгю) таш* – «вечный камень», поскольку вечным для них был только камень, изначально, от создания мира стоявший на земле. Таковыми, как видим, они считали рукотворные каменные столбы неведомой им древности. Даже самые величественные собственные произведения они полагали бренными. Чтобы создать вечный памятник, им надо было сойтись с подлинной вечностью, не мысля сотворить её. Их представления о вечности отличались от наших и составляли, можно думать одну из основных черт общетюркского (еще пратюркского) воззрения о сотворении всего космического и земного.

Хотя каждый надмогильный памятник с помощью рун повествует об отдельном человеке и приведенные в нем сведения увязаны с конкретной судьбой и ее событиями, следует осознавать, что все енисейские надписи построены в соответствии с едиными правилами изложения. По форме они представляют перечень того, чего лишился безвременно ушедший из жизни человек. Несомненно, создателю надгробного текста недостаточно было знать детали окончившейся жизни, следовало еще иметь представления о том, как их следует изложить на самом камне, какими словами передать факты, мысли и чувства. Для этого применялись особые, устойчивые фразы и словесные формулы.

Нигде не говорилось о смерти прямо. Кончина описана как уход, отстранение от привычного: от людей и дел, от родного края. Безвременность и трагичность смерти передается, как мы видели, сожалением о краткости счастья бытия, которым не успел до конца насладиться умерший. Практически в каждой надписи встречаются одни и те же слова или сочетания слов, которыми выражаются эти мысли: *адырылдым* «я удалился» (точнее и буквально: «я был удален», «я был разлучен»), *бөкмедим* «я не наслаждался». Всегда присутствуют горестные восклицания: *йыта* «увы», *эсизиме* «о, горе». Обязательно указываются взрослое имя умершего (*эр атым* «мое мужское имя»), его доблесть (*эр эрдемим* «моя мужская доблесть»), упоминаются его властитель (*ханым* «мой хан») и владения (*элим* «мой эль»), супруга (*куйда кунчуйым* буквально: «моя принцесса в тереме»), сыновья и дочери, сподвижники и соратники.

Таковы явные своеобразные черты надгробных текстов. В далекие века их построение выдерживалось настолько строго и обязательно, что сегодня специалисту бывает достаточно даже небольшого уцелевшего куска камня с надписью, даже сохранившегося фрагмента текста в несколько слов, чтобы точно определить, что перед ним остатки древнехакасского надгробного памятника.

Знакомство с особыми нормами составления таких надписей на камнях, со своеобразием выражения в них мыслей, владение определенной старинной лексикой и возвышенным стилем изложения, наконец, умение составить текст, отвечающий необходимым ритмическим законам, – все это, впервые показанное трудами И. В. Стеблевой, свидетельствует о существовании в раннесредневековом южносибирском обществе знатоков особого рода – создателей и составителей рунических памятных текстов. Иными словами, интеллигенции: литераторов и поэтов.

Строгость, каноничность, явная отработанность этих текстов, как и содержащиеся в них устаревшие слова и древние взгляды, как и сама широта и распространенность обычая их создания, с несомненностью говорят о глубокой, многовековой литературной традиции, своеобразной и самобытной.

В этом нет ничего необычного. Мы как-то забываем, что в каждом древнем обществе был поэт. Это его отличал дар богов – особое умение обходиться со словом. Это он обладал искусством, тайной священной речи – стихосложением. Только поэт мог должным образом прославить богов, слагая в их честь гимны и песнопения. Только поэт мог восславить героев, воспеть мудрых правителей.

Поэт был хозяином слова. Слово же было древней созидательной силой. Существующим считалось лишь то, что было названо, имело имя. Лишь то было вечным, что было воспето в стихах. Не в воле поэта была жизнь соплеменников, но в его власти была вечность. Только благодаря поэту любой герой, любой властитель мог обрести вечную славу. Ради этого каждый вождь старался иметь своего поэта, осыпал его милостями, окружал почетом. И поэт слагал песни в честь деяний сильных мира сего.

Эти особенности древней жизни сегодня яснее других прослежены учеными для индоевропейских народов. Понятие «вечная слава» оказалось связанным с искусством поэта и у греков времен Гомера, и у ариев времен сложения ведических гимнов. Кто из читающих сейчас эти строки не слышал о придворных поэтах Европы, воспевавших рыцарство своих владык, о древнерусском певце Бояне, прославлявшем княжеские подвиги, о придворных стихотворцах иранских шахов или багдадских халифов?

Теперь мы видим, что свои поэты были и в ставках князей и полководцев древних тюркских народов. Стихотворцы, слагавшие горестные строки древнехакасских надгробных памятников, могли узнавать о событиях оборвавшейся жизни не из уст скорбящих родственников умершего. Возможно, они сами входили в состав его приближенных и лично наблюдали его подвиги и походы, не понаслышке знали о его богатстве, составе семьи, числе дружины и т. п. Поэтические строки рождались не только ради воздаяния должного перед вечностью, но и среди пиров и церемоний, проходивших при дворах средневековых владык.

Древние хакасы намеренно высекали надписи на каменных плитах. Они знали, что камень вечен. Создание памятника с высеченным именем героя и строками его прощальных слов прославляло его перед всеми будущими поколениями людей. Прославляло навечно.

Заслужить такое прославление было одной из жизненных целей преуспевающей знати. Но удавалось это не всякому. Рассказ о том, каковы были жизненные ценности в представлении жителей Древнехакасского государства, следует вести особо. Тема эта очень интересна, и понять ее можно именно благодаря содержанию надгробных надписей далеких веков. Но эти страницы отведены для другого – давайте вернемся к енисейским надписям на камнях.

Достойным памятника с прославляющим умершего текстом мог оказаться человек по нашим представлениям совсем юный – один из камней был установлен в честь тринадцатилетнего подростка. Другая надпись посвящена герою, погибшему в 21 год. На отдельных стелах восславлены деяния и зрелых мужчин

(дважды 39-ти лет, а также 42-х и 43-х лет), и почтенных старцев (60 и 62 лет), однажды даже 90-летнего патриарха.

Следовательно, право на эпитафию имел всякий, достигший положения полноправного свободного члена общества (эти люди назывались словом *эр* – «мужчина, герой, воин»). Требовалось лишь совершить важные для всего общества, для государства деяния. Возможностей для этого, по представлениям той эпохи, было значительно больше у могучих владык, у князей и государственных служащих, иными словами, у знати. Собственно говоря, именно в обязанности аристократии и входили государственные дела и заботы. Это было не только их правом, но и их долгом. За достойное, славное выполнение своего предназначения и прославляли в веках имя того или иного правителя. И об этом тоже говорят сами надписи, ведь в каждой из них повествуется, что умерший «удалился» от своих владений. Они названы словом *эль*, обозначающим подвластные земли и их население.

Обычай водружать в честь умершего вертикальную плиту или камень появился на Енисее очень давно: уже в I веке до нашей эры. Он возник здесь вместе с первыми говорившими по-тюркски людьми и характеризует так называемую таштыкскую археологическую культуру. Тогда такая необработанная плита на поминальном пиру изображала умершего; перед нею

Ранняя древнехакасская надпись, VIII век. Ташебинский чаатас, Хакасия. Хранится в Минусинском музее.
Рисунок автора

помещали и часть угощения для мертвого: напитки и яства. Надписей тогда на вертикальный камень не наносили. Вероятно, древний поэт, участвуя в этом обряде и стоя рядом с каменным символом умершего, исполнял от лица поминаемого человека песню-плач, в которой прославлял его деяния и скорбел о безвременной кончине. Так было на рубеже нашей эры.

Со временем, девять веков спустя, развитие этого обряда привело к высеканию на поминальной плите текста подобного же содержания. Надпись – наиболее поздняя и явно привнесенная составляющая давным-давно сложившегося обряда. Форма строк и размещение букв на енисейских стелах показывают, что текст высекался уже на вертикально установленном камне, он лишь дополнял завершённый памятник – бессловесный менгир, знакомый по многим предшествующим столетиям. Эта особенность, по-разному проявляющаяся на многих енисейских надмогильных памятниках, хорошо видна, например, на одной из наиболее ранних эпитафий – стеле с Ташебинского чаатаса (Хакасия). Ряд букв дважды теряет здесь прямое направление и не только изгибается дугами, загнутыми по направлению письма, но и ступенчато срывается к низу строки. На этом памятнике явно проступает и иное подтверждение нанесения текста уже после установки стелы, лишь на завершающем этапе обряда. Пустая вершина камня, пригодная для резьбы, но не занятая ею, доказывает цельность камнеписного текста. Однако фраза в нем остается незаконченной: «Моё имя героя-эра – Анар Таз-огя. Моё владение-эль и имеющееся (у меня) золото (я оставил)». Очевидно, древнехакасский обычай, по крайней мере в VIII в., требовал быстрого изготовления надписи на уже водруженном камне – за один прием. Отсюда и неразмеченность камнеписных строк, и незавершенность конечных фраз. Последняя особенность также присуща нескольким енисейским памятникам.

С завоеванием иных земель распространился и обычай памятных стел с надписями. В Тувинской котловине возникли новые формы енисейских эпитафий. Памятные тексты IX–X вв. во многих случаях оказались на безкуранных одиночных или образующих ряды стелах, вероятно, отмечавших своеобразные поминальные обряды. Для нашей темы важно, что эти стелы не водружались

специально, резчики средневековых надписей использовали стоявшие на своих первоначальных местах, нередко в прямоугольных каменных оградках, менгиры и скульптуры (так называемые оленные камни) раннего железного века. Такова, например, стела из урочища Сайгын. Вполне понятно, что и в этих случаях текст стал последней, дополнительной частью памятника и наносился уже на вертикально стоящий в степи камень.

Выход эпитафийного письма за первоначальные пределы среднеенисейских долин привел в Туве и на Алтае к соседству архаичных поминальных стел без текстов, по-старинке водружавшихся тамошними жителями, с исписанными рунами памятными камнями. Однако среди местных тюркоязычных горцев новый обычай так и не получил широкого распространения – большинство символов умерших (ставившихся не к востоку от курганов, как у древних хакасов, а к западу или северу от жертвенных, не погребальных курганчиков) сохранило вид немых необработанных камней. Люди лишь стали высекать на них рунами имя и титул умершего. Но даже это делалось исключительно редко. Не проставлялась на таком памятном камне и личная тамга усопшего. Вот примеры таких лаконичных надписей из Тувы: «Бёнгю-чур» – и всё, только семь рун (урочище Сайгын), «Ичряки Кюч Кыяган (буквально: Внутренний (чин) Сильный Кыяган)», «Юкюнч Тириг» (оба памятника – у горы Оттук-Даш). Подобная надпись встречена на стеле и на Горном Алтае, но она все-таки чуть более пространна: «Его имя мужаэра – Ёнгю Ай» (Талду-Айры).

Памятная стела из урочища Сайгын, Тува. Местная традиция лаконичной надписи. Использован камень с изображением раннего железного века.

По Ю. Л. Аранчину

Первоначальная связь именно с упомянутым древним обычаем таштыкской культуры рубежа нашей эры объясняет многие особенности енисейских рунических памятников и самих средневековых хакасов: установку стелы у погребения; построение текста от первого лица, словно сам умерший ведет рассказ о своей жизни и смерти; обязательное высекание в начале текста личного гербового знака этого человека – его тамги, – указывающего, кому принадлежит памятник и о ком повествует надпись; необработанность («неаккуратность») плиты, на которой высечена надпись, – подчас ее поверхность настолько неровна, что кажется на прочтение надписи каменотес и не рассчитывал; наконец, правило устанавливать памятник не каждому из умерших, а лишь некоторым, по-видимому, особенно заслуженным людям.

Затухание такого обряда в Южной Сибири надо, очевидно, связывать с изменением мировоззрения, то есть с вытеснением древней местной веры одной из мировых религий. Это вероисповедание нам ныне известно: имя ему – манихейство. Новая религия в корне изменила воззрения людей и вместе с этим отношение к умершему. Этот процесс, можно думать, отразился на содержании некоторых памятных надписей.

Так, среди этих горестных, но вполне самодовольных, возвеличивающих умершего строк, в одной из наиболее оберегаемых и чтимых областей применения енисейского письма встречаем вдруг совершенно иные мотивы. Встречаем всего в трех памятниках – по одному на каждую саяно-алтайскую страну. После традиционного перечня доблестей почившего героя, провозглашенного от первого лица, в 16-й строке поминальной чикской стелы из Эль-Бажи (Тува) высечено: «Я следовал ошибкам, точно ценностям». На западном ребре стелы из урочища Тугутюп (Хакасия) во вполне обычной фразе поминального плача разбираем: «О, моей (священной) землёю, о, моим (греховным) земным бытием я не наслаждался». Наиболее ясно наступившие в южносибирском обществе мировоззренческие перемены проступают в тексте поставленной местному князю краткой эпитафии на реке Боро-Бургазы (Алтай): «С (моим) князем, о горе, (меня) гибельная алчность разлучила; с (моей) женою, (находящейся) в белом тереме я разлучился».

Перед нами просьбы о прощении прегрешений и заблуждений, признание греховности мира и его обитателей – черты столь свойственные мировым религиям: представления о земных радостях сменились осознанием окружающих пороков, суд человеческий сменился судом божьим. Как ни ограничены эти материалы, они позволяют по-новому понять и содержание 7-й строки древнехакасской эпитафии из Суджи (Монголия): «Моему вероучителю я даровал прибежище на сто человек». По-видимому, речь здесь идет о закладке монастыря для сотни монахов-подвижников.

Из летописей соседних народов нам известно, что в Древнехакасском государстве, как и в соседнем Уйгурском каганате, в 60-е годы VIII века была принята государственная религия, получившая название по имени своего основателя, – манихейство. Сам Мани жил в III веке на территории теперешнего Ирака и Ирана, в пределах тогдашней Сасанидской империи, и его учение соединило в себе многие воззрения тогдашнего Востока: оно впитало одно из ранних ответвлений христианства, греческую философию, взгляды зороастрийцев. Основой вероучения, которое другими религиями считалось еретическим, явились представления о постоянной борьбе сил света и тьмы, добра и зла, о необходимости воздержания и нестяжательства и тому подобные воззрения. Спасаясь от преследований, Мани и его сторонники перемещаются в Иран и Среднюю Азию, а затем достигают Восточного Туркестана и Китая. Здесь манихейство воспринимает многие буддийские черты. Затем совершается пока никем не раскрытая историческая загадка: эта всюду гонимая вера становится официальной религией трех тюркских государств сразу: Уйгурского, Древнехакасского и Кимакского каганатов.

Хотя енисейские рунические надписи на камнях принадлежат к эпохе, когда манихейская доктрина уже была признана на Саяно-Алтайском нагорье в качестве государственной религии, в этих камнеписных текстах (кроме четырех упомянутых) практически нет названных воззрений. На перечисленных мною единичных стелах есть характерные слова и специальные термины, которые с несомненностью свидетельствуют о знакомстве составителей надписей с манихейством (например, употребляется

сирийское слово *мар*, обозначавшее учителя манихейской веры; есть слово *азун*, означавшее земной мир в противовес небесному, и некоторые другие).

Усиление воздействия манихейства в описываемом здесь поминальном обряде проявляется в другом – в конце X века в пределах Древнехакасского государства обычай установки стел с надписями постепенно начинает выходить из употребления. В XI веке кое-где продолжают еще встречаться лишь единичные подобные памятники. Оставление традиции высекания надписей с горестными сетованиями умершего об утраченной жизни произошло под влиянием уверенности манихеев в том, что оплакивать умершего не следовало: его душа уже устремлялась в царство Истины и Света, в то время как живущие продолжали пребывать в мире, наполненном смешавшимся Добром и Злом, то есть в незавидном положении. Вызванные манихейством изменения идеологии общества на рубеже X и XI веков проявилось не только в прекращении создания памятных надписей, но и в других, прослеженных археологами особенностях жизни. Описывать их здесь не место, но должен сказать, что неслучайно именно к этому времени относится и сложение новой древнехакасской археологической культуры, называемой аскизской и существовавшей в Южной Сибири до прихода сюда русских, вновь изменивших культурный облик страны.

Преемственная историческая связь енисейских эпитафий с древними обрядовыми особенностями рубежа нашей эры объясняет не только важные внешние и внутренние особенности этих текстов, но и, пожалуй, отсутствие самого такого обычая у других тюркских народов средневековья – у собственно тюрок и уйгуров. Их поминальные памятники выглядели иначе. Образ умершего не символизировали ни простая плита или водруженный камень, его отображала каменная портретная скульптура – так называемые тюркские каменные бабы. В виде своего изваяния умерший, как считалось, также принимал участие в общем пиру с живыми (в руке у скульптуры обязательно изображалась чаша). И, вероятно, от его имени также пел о подвигах и горестях сказитель. Но слова этих песен так и остались на века в устной, незаписанной форме. Этому препятствовала сама ка-

менная скульптура – ее облик отвечал собственным канонам и требованиям, и ее нельзя было так же просто, как необработанный камень, соединить воедино с надписью. При первых попытках создания памятных надписей у народа тюрков, как можно судить по редким примерам, строки наносились на основания скульптур, ниже изображения умершего. Эти надписи также выполнялись официальной письменностью каганата – но это было не руническое, а согдийское письмо и сами тексты создавались на согдийском языке.

Когда в начале VIII века владыки Восточнотюркского каганата стали по образцу императорского Китая устанавливать памятные камни с текстами, они ставили их отдельно от скульптур умерших. Но этот обычай сопровождения скульптур надписями так и не стал массовым. Ему препятствовали повсеместное изготовление и установка в пределах Тюркского и Уйгурского каганатов памятников в виде изваяний, возникшее еще в VI веке. В землях Центральной Азии стелы с надписями, нанесенными по енисейскому канону, как говорилось, начали ставить лишь в тех районах, которые к середине IX века были захвачены Древнехакасским государством.

Вероятно, распространение мировых религий в среде тюрков и уйгуров, других близких им по культуре тюркоязычных народов привело к исчезновению обычая установки скульптурных памятников, как это произошло и с обрядом создания древнехакасских надгробных надписей. Скульптуры продолжали сооружать лишь на языческой периферии степного мира Евразии. Последними приверженцами этого обряда в тюркоязычном мире были, насколько нам известно, половцы европейских степей. Они ставили изваяния в память своих умерших аристократов и их жен вплоть до монголо-татарского нашествия.

ВЕЧНЫЙ КАМЕНЬ НА ВЕЧНОЙ ЗЕМЛЕ

Южная Сибирь известна своим удивительно разнообразным и очень красивым пейзажем: горы, степи, леса, быстрые реки... Алтай и Тува суровы и каменисты, долины Хакасии мягче и плодороднее.

Но есть в ландшафте этих мест одна обязательная и заметная деталь, являющаяся созданием рук древнего человека. Сложенными из камней конусами и полусферами тянутся в долинах Алтая и Тувы цепочки древних захоронений-курганов. Повсюду на берегах Среднего Енисея возвышаются земляные курганы, обставленные массивными каменными столбами. Они сооружались долгое время и очень давно: 23–27 веков назад. Видимые издали, эти курганы уже в средневековье – в VIII–XII столетиях – были характерной древней деталью пейзажа. Жителей Древнехакасского государства отделяло от создателей этих курганов от одной до двух тысяч лет – практически столько же, сколько отделяет нас сегодняшних от средневековых хакасов.

На камнях этих древних курганов в Хакасии тоже обнаружены енисейские рунические надписи. Пока их известно немного – около десятка. Все они коротки и не превышают одной строки. Изучение этой совершенно новой для науки группы текстов еще далеко от своего завершения и их общее истолкование в целом пока еще не сложилось. Однако создается впечатление, что те начертания, которые удалось прочитать, имеют сходное содержание. Понять назначение таких надписей непросто. Излагаемое далее понимание этих своеобразных памятников енисейской письменности – лишь первая из гипотез.

Обнаружены надписи, явно обозначающие наименования той местности, в которой находится древний курган. Так, на

Енисейские надписи на курганных камнях раннего железного века. Хакасия.

1 – Чарых-пиль, 2 – Кара-курган, 3 – Усть-Сос.

Рисунки автора

каменной гряде Чарых-пиль, протянувшейся на правом берегу реки Большой Сыр, правого притока р. Камышта, слева впадающей в Абакан, на одном из вертикальных камней, окружавших гробницу, читаем: *Таш кыра арт ташлыг йол* «(Это) горный перевал Каменистой пашни (и) каменистая дорога».

Пониманию иной группы размещенных на курганных камнях текстов, на мой взгляд, помогает строка, некогда высеченная на камне Кара-кургана на реке Уйбат. Лаконичный текст несколько похож на заклинание и гласит следующее: «Будь на восточной стороне пограничным камнем витязя-эра! Следуй (этому) (прочитавший)!». Не менее категорично звучит подобная надпись на другом кургане, стоящем на территории поселка Усть-Сос

на реке Абакан: «Знай, (прочитавший): (это –) вечный камень и вечная земля! Разъясняй (это) (другим) и берегай (его)!». Еще короче, но не менее строга третья надпись, найденная на реке Уйбат: «Витязь-эр, знай (т. е. повинуйся)!». С такого же требования («Знай!») начинается и четвертая надпись подобного рода, вырубленная горизонтальной строкой на одном из камней кургана, входящего в знаменитую череду монументальных гробниц Салбыкской долины. Эта надпись пока еще не разобрана полностью, но ясно, что и в ней речь идет о «моих владениях».

Что это? Откуда этот грозный тон столь кратких текстов? Поскольку это есть в каждой надписи, совершенно очевидно, что древнему курганному камню, отмеченному енисейской рунической надписью, придавалось особое значение. От окружающих строжайше требовалось знание этого особого статуса (и разъяснение его несведущим), а также сохранение установленного положения.

Можно думать, что перед нами межевые надписи древних хакасов. Они отмечали границы княжеских земельных владений – элей. Вероятнее всего, вехой, указывающей на край земель, служил сам древний курган. Но нанесение на один из камней этого кургана предупреждающей надписи имело особый смысл.

Во всех раннесредневековых судебныхниках Европы, составленных и записанных одновременно рассматриваемым нами сибирским памятником, в так называемых «варварских правдах» VII–IX веков, при различных имущественных тяжбах доказательством служили показания свидетелей, утверждавших: «Я это слышал своими ушами и видел своими глазами». Древнехакасские межевые надписи, отмечавшие границы наследственных земельных владений, тоже, как видим, опирались на подобные правовые нормы. Они предупреждали любого: «Знай (а буквальный перевод примененного в них слова *кёр* будет „смотри!“), соответствующее древнерусскому слову „виждь“): здесь граница моих владений, ты ступаешь на чужую землю!». Никто в дальнейшем уже не мог сказать, что выгнал свой скот на чужое пастбище по неведению, что косил чужой луг, пахал поле или жал хлеба по ошибке, считая угодьяд своими.

Но древние межевые надписи неверно воспринимать как транспаранты у проезжей дороги, типа «Приветствуем Вас на границе такого-то района» или «Земли такого-то хозяйства». Высеченные на камнях тексты были, вероятно, прежде всего направлены против возможных притязаний на земельные уделы. Общеизвестно, как часто в средние века возникали споры и разного рода конфликты при определении традиционных и, казалось бы, привычных для людей границ, владений и участков. В среде общинников и крестьян это нередко приводило к кровавым столкновениям, а когда речь заходила о претензиях феодалов – к жестоким и порой продолжительным войнам.

Хотя прямых письменных свидетельств нет, но можно думать, что такие войны велись и между древнехакасскими князьями. Об этом красноречиво свидетельствуют построенные в каждой речной долине Хакасии раннесредневековые каменные крепости. Можно вспомнить здесь и вполне обычный для всех героических богатырских сказаний Южной Сибири соответствующий сюжет: действия многих эпических произведений развиваются вокруг рассказа о захватах чужих или защите от врагов собственных владений.

Обозначать особыми отметками границы своих земель было в средневековье вполне обычным делом. В Древнехакасском государстве для этого достаточно было высечь на скале или камне древнего кургана свой личный гербовый знак – тамгу. Так поступали деды, так поступали отцы, так поступали сыновья и внуки... Археологи, зная этот обычай, стремятся зарисовать все разновидности средневековых тамговых знаков, встречающиеся в той или иной долине. Благодаря этому нередко удается определить, как распределялись владения и кому принадлежали земли в далеком IX или X веке.

Так, удалось узнать, например, что небольшой долиной реки Есь в Хакасии (левого притока реки Абакан) на протяжении по крайней мере семи поколений (т. е. полутора веков) владела одна и та же феодальная семья. Причем традиционно нижнее течение этой реки принадлежало одной, а среднее – другой ветви этого семейства. Другая семья феодалов распространяла свою власть на всю современную Койбальскую степь и противосто-

лежащий левый берег Абакана от реки Уйбат до Енисея, на севере достигая земель близ станции Оросительной. На Среднем Енисее таким способом выявлено несколько крупных княжеств раннего средневековья. Установлено, что вся территория Тувы после ее захвата Древнехакасским государством в середине IX века была разделена на шесть наделов, которыми владели шесть княжеских фамилий. Последнее обстоятельство прямо указывается в енисейских рунических памятниках – Тува именуется в них «шестиудельной (страной) Кешдим», а население ее «народом шести подразделений» (*алты баг бодун*). По указанным на эпитафиях именам, сопровождавшимся изображениями личных тамг этих людей, можно иногда узнать имена и титулы владельцев некоторых земельных угодий

Обычай отмечать владения высеканием тамговых знаков имел широкое распространение. Он позволяет проследить сегодня и некоторые изменения тех или иных древних границ, увидеть, как в пограничных конфликтах одерживала верх то одна, то другая сторона: поверх старых знаков пришлые тамги незамедлительно покрывали новый, спорный участок земель.

Пограничных же надписей, как видим, выбивалось куда меньше. Следовательно, можно полагать, что межевые тексты наносились на камни курганов далеко не во всех случаях (на скалах таких надписей до сих пор вообще не встречено). Важно обратить внимание и на другую особенность таких межевых текстов. Иногда они вырезаны тонкими линиями и маленькими знаками, как это сделано на кургане в поселке Усть-Сос. Трудно думать, что выполненная подобным образом надпись могла быть предназначена для широкого обозрения. По-видимому, сам факт нанесения на камень кургана такого текста был своеобразным юридическим и даже священным актом, закреплявшим права на владение данной территорией. Возможно, это производилось лишь в особо спорных случаях и в присутствии свидетелей. Тогда именно к ним, очевидно, и были обращены слова «Знай!», «Разъясняй!», «Оберегай!». Если наше предположение верно, то появляются некоторые возможности для реконструкции важного элемента правовой практики древних хакасов, касающейся официальной процедуры закрепления земельных

границ за тем или иным лицом. Обнаружение новых надписей и новые исследования, будем надеяться, помогут лучше понять и эту особенность в жизни предков.

Не случайны упоминания и о вечности земли и курганных камней. В случае с надмогильными енисейскими надписями мы уже видели, что установленные в древности камни и содержащие их сооруженные в незапамятные времена курганы считались изначально существовавшими, возникшими в самом начале мира и стоящими во все времена – прошлые, нынешние и будущие. Следовательно, указание на вечность камней было указанием на их незыблемость и мифологическую первозданность.

Княжеское землевладение в средневековой Хакасии было наследственным. Это со всей ясностью следует не только из особенностей размещения тамговых знаков, принадлежавшей многим поколениям одной семьи и, благодаря геральдическим изменениям в облике этих гербов, составляющие длинные типологические цепочки, по сути рисующие семейные генеалогические древа, но и из самой лексики межевых надписей. Наносить межевые надписи на «вечные камни» на «вечной земле» можно

лишь тогда, когда известно, что земля принадлежала твоим предкам и будет принадлежать потомкам.

Особо отметим, что рассматриваемый в этом разделе материал вновь подтверждает, что общество Южной Сибири не было каким-то диким собранием неорганизованных кочевников, а имело вполне обычные для оседлых народов развитые формы землепользования и землевладения.

Надпись о сельскохозяйственном жертвоприношении на плите кургана Узун-оба на реке Уйбат. Хакасия.

Рисунок автора

Об этом же свидетельствует и еще одна надпись на курганном камне, некогда высеченная близ разъезда Оросительный в Хакасии. Здесь в четыре вертикальных строки было написано следующее: «Владения Татара (то есть мужчины по имени Татар). Духу-хозяину (местности) дары преподносятся и наши посеы оберегаются». Таково редкое свидетельство земледельческого жертвоприношения, некогда совершенного у кургана Узун-оба древними хакасами. Грамматическая форма глагола в этой надписи указывает, что речь в ней идет об обычных, постоянных, периодически повторяемых действиях. По-видимому, обряд умилостивления духа – хозяина пашни – производился здесь ежегодно, приурочивался к севу. Из старинных летописей нам известно, что древние хакасы сеяли хлеб в апреле – мае.

Обычно в наших краях не слишком жалуют древние курганы. Несмотря на законы, охраняющие древние могилы, не так-то много найдется людей – руководителей и работников различных землеустроительных и строительных организаций, – которые станут раздумывать, как провести работы, не разрушая курган. Еще более пренебрежительным бывает отношение к курганным камням.

Я очень надеюсь, что эти немногочисленные странички, посвященные древнейшим надписям на курганных каменных столбах, помогут людям понять чрезвычайно высокую историческую и культурную ценность каждого древнего камня, как бы непритязательно он ни выглядел на первый и к тому же, простите, непросвещенный взгляд.

ПИСЬМЕНА НА СКАЛАХ

Камни с руническими надписями, составившие славу енисейскому письму, своим необычным и строгим построением текстов надолго определили восприятие и других лапидарных памятников, оставленных древними хакасами и их саяно-алтайскими соседями. Хотя уже финская археологическая экспедиция издала в альбоме «Енисейские надписи» не только строки, выбитые на камнях, но и короткие тексты, некогда вырезанные на скалах, эти последние многими специалистами расценивались, исходя из уже известного материала, то есть также как надгробные, памятные письмена. Даже в 1952 году крупнейший знаток рунических памятников С. Е. Малов писал о надписях, высеченных на горных плоскостях, как об «эпитафии на скале» (вслед за древними греками эпитафиями называют надгробные надписи). В наши дни так расценил одну из горноалтайских наскальных надписей тюрколог С. Г. Кляшторный, а лингвист И. В. Кормушин поместил в свою книгу «Тюркские енисейские эпитафии» три наскальных надписи из Тувы и Монголии.

Грустно отметить, но придется сказать: современные языковеды, коллективно и в одиночку неустанно подготавливающие и выпускающие большие трудоемкие сводные издания наскальных надписей Южной Сибири, искренне полагают, что на каменных плоскостях наших утесов в древности мог писать кто угодно и что угодно. Однако, как выясняется, мало знать современные и древние языки тюркских народов, любое прочтение памятников рунической письменности, оторванное от понимания культуры создавшего их общества, приводит не к неудаче, а порождает самообман, разведающий научное восприятие прошлого.

Сегодня, когда количество наскальных надписей, известных науке, заметно возросло – только в долине Енисея их обнаружено (и опубликовано) не менее пятидесяти, а по всему Саяно-Алтаю отыскано уже не менее трех сотен – стало ясно, что они никак не связаны с надмогильными текстами ни по содержанию, ни по форме. Наскальные надписи Южной Сибири представляют особый мир раннесредневековой мысли наших предков, до этого совершенно неведомый науке. Сегодня можно уверенно судить об их назначении по многим десяткам надписей, обработка и осмысление которых в общих чертах закончена.

Почему и о чем писали древние люди на теле скалы, взирая с высоты вершин или оглядывая от самого подножия гор благодатные долины или тесные ущелья? Что доверяли они знакам, вырезанным над быстро бегущими струями могучих и чистых рек?

Пытаясь проникнуть в этот своеобразный мир, прежде всего, уясним главное: средневековые енисейские надписи нанесены на скалы обычно мелкими или даже очень мелкими буквами, причем зачастую они не выбиты глубокими линиями, а прочерчены тонкими или тончайшими, хотя и твердыми, бороздками. Эти надписи нелегко найти. Обычно их обнаруживают исследователи, отыскивающие древние наскальные рисунки, – ведь нередко следует вплотную приблизиться к поверхности выхода породы, почти прижаться к ней лицом, чтобы увидеть буквенные строки.

Все это убеждает, что древние рунические тексты нанесли на скалы вовсе не в надежде, что они будут замечены и прочтены другими людьми. Значит, и содержание их должно быть особым, глубоко личным, даже интимным.

Будем обо всем этом помнить, разбирая древние надписи, только такой подход приведет к пониманию истинного предназначения рунических письмен, нанесенных на скалы. В целом, исходя из современной логики, их можно было бы разделить на две большие группы разной направленности: духовные и светские надписи. Среди наскальных начертаний подавляющее большинство составляют явные религиозные тексты, надписей, созданных по обыденным причинам (какими, повторяю,

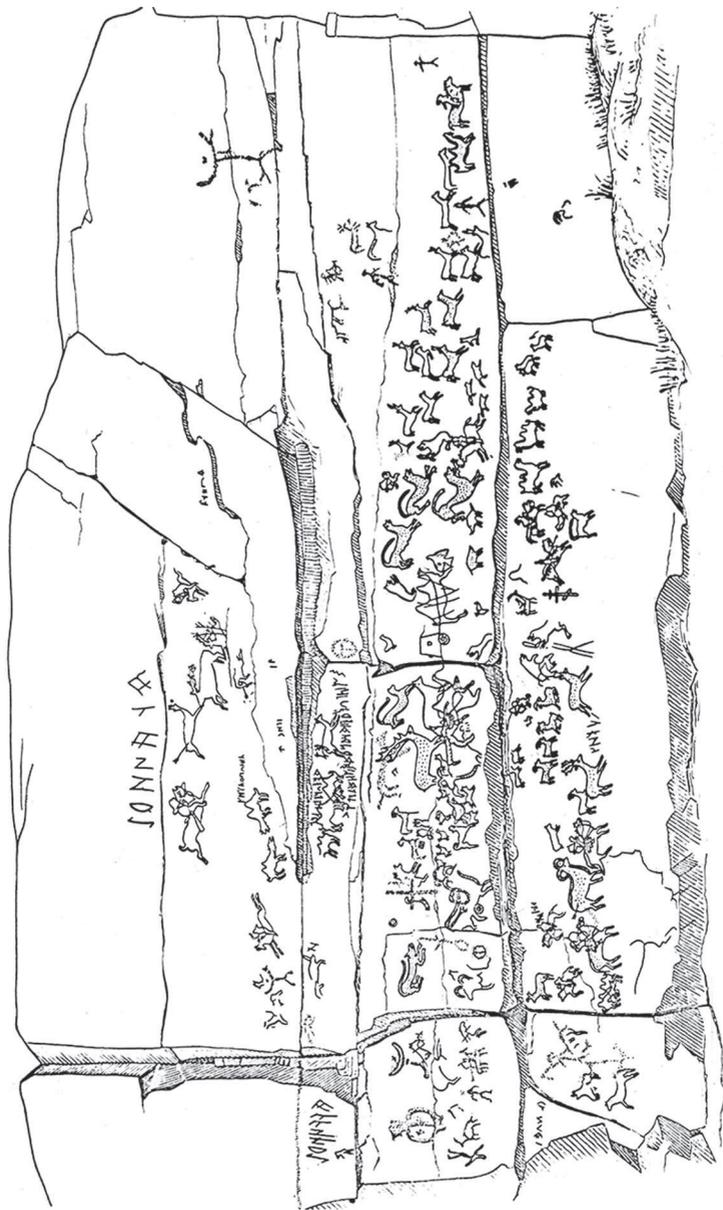
они кажутся нам сегодня), гораздо меньше. С них и начнем рассказ.

Довольно часто на скалах встречаются имена и титулы людей: Юл-апа (Хая-Бажи в Туве), Алп Сол (у реки Тэс в Монголии), Чигчи (Тепсей в Хакасии). Нет сомнения, что такими начертаниями люди отмечали свое пребывание у определенных скал. «(Мы –) твой Темир-чур и Йаг-чур – оба», – читаем на горе Туран (правый берег Енисея). Как узнать, что осталось недосказанным в этой краткой фразе? Оба здесь были? Но в ту далекую эпоху никто не оставлял надписи от праздности и скуки, как принято ныне. Да и руны вырезаны не на какой-то туристической достопримечательности прошлого. Значит, наиболее вероятное, как мы вскоре увидим из дальнейшего изложения, завершение фразы будет все же: «оба (здесь молились)».

Высеченные на скалах имена нередко принадлежат титулованным аристократам: «Кадыр Бильге-тутук-б[ег]» (Хая-Бажи). Часто вместо имен или рядом с ними выбиты и личные гербовые знаки родовой знати: «(Это) тамга знаменосца и трубача Ягыз-чура» (Ховд-Сомон в Монголии).

Понять одно из назначений таких отметок, вероятно, помогает более пространная надпись с Хая-Бажи, содержащая уже приведенное выше имя. «(Вот) благое дело, – выведено на поверхности скалы, – я, Йигин-сангун, написал: „Арык и земля [Кадыр Биль]ге-тутук-бега”». Получается, что в каких-то случаях нанесение надписи на скалу воспринималось как благое дело. И совершить такое деяние было не зазорно даже крупному полководцу (именно этот чин обозначался словом *сангун*). В чем же состоит благость? Можно подумать, что вассал прославил своего господина, указав в тексте, что близлежащие земли и прорытый арык принадлежат его владыке. Но и здесь дело, по-видимому, обстоит не столь просто: понятие «благого», несомненно, принадлежит к области духовного.

На той же скале Хая-Бажи есть и другая руническая строчка, помогающая понять смысл подобных надписей: «(Я –) Ынанчу Кюлюг-чигши-бег (звучное имя и громкий титул!). Ради моей героической доблести я спустился (с гор). Благим из того, что я сделал в шестиудельном Кешдыме (древнее название Тувы), было,

Скала Пичиктиг-хая (Сулекская писаница). Средневековые рисунки и енисейские надписи выше них.
По воспроизведению финской экспедиции И. Р. Аспелина 1887 года

пожалуй, (то, что) я, Удур-чигши, освоил Кара Сенгир». Вероятно, эта строка была нанесена одним из древнехакасских князей, принимавшим участие в захвате Тувинской котловины в первой половине IX века. Вместе с войсками он перевалил Саянские хребты («спустился с гор») и после раздела вновь обретенных земель на шесть уделов получил в управление ту часть, которая примыкала к горе Хая-Бажи, в древности носившей название Кара Сенгир (буквально: «Черный Выступ Горы»). Горделивую же надпись он смог оставить лишь в знак того, что совершил деяния во благо – обжил («освоил») эти земли, до того, видимо, недостаточно окультуренные.

Вспомнив о тексте, прославляющем Кадыр Бильге-тутук-бега, проложившего оросительный канал и, вероятно, распахавшего долину, можно предположить, что именно эти преобразования, превращающие до того дикую степь в благодатную, возделанную местность, и служили основанием к возвеличению князей, владевших окрестными землями. Но возвеличение-то это происходило нанесением рун на близлежащих скалах – объекте священном. То есть в этом поступке была и светская, и духовная сторона, отвечавшая религиозной нравственности. При учете сказанного будет, надеюсь, понятным и скрытый смысл более коротких строк. Например, енисейской надписи с реки Тэс в Монголии: «(Я –) Тюпек Алп Сол написал: благополучным я (здесь) поселился». Надо понимать, что благополучие это было послано свыше за праведные помыслы и дела.

Для историка культуры, конечно, важно, что в этих кратчайших надписях предков, нанесенных явно в необычных условиях, отражено не только религиозное мировоззрение, устремленное на добро и благо, но и реальные дела прошлого. Так, на Алтае встречена надпись, повествующая об отправлении торгового каравана и мольбы о благоприятном для владельца течении дела: «(1) (Вьючные) палки-прижимы соединились. Облегчайте (то, что) я навьючил. Равноценное (товару) выплачивайте. (2) Унося (или: уводя), облегчайте (то, что) он нагрузил» (гора Жалгыз-Тюбе). Благодаря обнаружению этого наскального начертания, устанавливается размещение одной из караванных станций древности. Через эту местность в высокогорной

Чуйской степи поныне проходит важнейшая на Алтае дорога, знаменитый Чуйский тракт, ведущий в Монголию. Зная дневной ход каравана (а это 9 часов верблюжьего хода – от 25 до 36 км, в горах же 25–27 км), археологи Алтая могут теперь искать места постоянных ночевок торговцев средневековья. Есть на этой древней трассе и другие ориентиры: надпись отстоит от одновременного ей Яломанского городища на р. Катунь на 7 дней пути.

Поскольку личные имена, высеченные на скалах, нередко имеют титулы, то возможно и другое объяснение причины их появления на камне. Об этом говорит содержание трех других надписей. Очень интересный текст был некогда вырезан на скале Городовая Стена (правый берег Енисея, против села Новоселова): «(1) (Я –) Алп Сол. Когда положен предел греховному (и) Небо (т. е. Бог) и Владычица Мать Кем-река (т. е. Енисей) соединяются в благоустроенности, мы (все) приносим благу пользы и достигаем сана (или: званий). (2) (Так и) я стал богат».

Эта надпись, несмотря на религиозную мораль, побуждающую совершать благие деяния веры и избегать греха, ясно указывает также на то, что, по представлению древних хакасов, достигаемый в жизни успех – возможность накопления богатств и получение чинов и званий – находился в зависимости от благочестия человека, его способности творить общественно значимые дела и этим приближаться к гармонии божественного мира. Высокий уровень духовного совершенства, отвечающий совершенству окружающего священного мира, являлся залогом высокого положения, занимаемого человеком в среде соплеменников, в государственной системе. Для нас сейчас не особенно важно, что таким образом оправдывалось в средневековье наследственное право на власть и правление. Важно выявить существование общественного идеала, требовавшего от знати соответствия определенным морально-нравственным нормам.

Можно полагать, что согласно этим представлениям была возможной и иная направленность восприятия: если уж человек оказался наделен властью и богатством, значит, он в достаточной степени совершенен духовно. Каждая ступень продвижения по службе была, следует думать, сопряжена со все большим

внутренним возвышением личности. О том, что подобная ситуация воспринималась в Древнехакасском государстве именно так, говорит одна из надписей уже многократно упоминавшейся скалы Хая-Бажи. Здесь в крупном гербовом знаке-тамге в IX веке была вырезана надпись, адресованная владельцу этого аристократического символа: «Пользуйся этой долей, неся заботы опоры правителя» (опора правителя, *таянгу* – крупный государственный пост раннесредневековой южносибирской державы). На той же горе частично сохранилось начало и другой подобной надписи: «Ваше возвышение витязя...».

Надписи такого рода, пожалуй, можно было бы назвать хвалебными. Указывая имя и титул, предки тем самым демонстрировали благосклонность судьбы к тому или иному человеку, то есть превозносили его личные заслуги.

Но, вполне вероятно, имелась и третья причина, побуждавшая людей наносить на скалы свои имена. Известна довольно многочисленная группа надписей, состоящих из названий тех или иных географических пунктов: «Бегущая река (или река Эсель)», «Кара Сенгир» (имя горы, буквально: Черный Выступ Горы), «Кара-Сенгирская переправа» (все они – на скале Хая-Бажи), «Скала с изображениями», «Тепсейская переправа» (обе – на горе Тепсей).

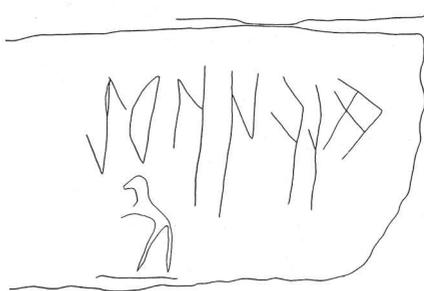
Понять назначение подобных коротких текстов позволяют некоторые более пространственные надписи. В ущелье Мугур-Саргол в Туве у самой воды Енисея на скальной глыбе начертано: «(1) У тысячи героев на (реке) Ане (на современной карте – р. Она) славу мы сумели (уничтожить? перенять?). (2) (Это –) река Енисей (Кем). Написал Кулун». Нет сомнения, что в этих строках обозначен маршрут боевого похода, совершенного в начале IX в. из Хакасии в Туву в период борьбы Древнехакасского государства с Уйгурским каганатом за обладание долинами Верхнего Енисея. Выйдя с боями по горной тропе (по которой ныне проведена автомобильная трасса Абаза – Ак-Довурак) к реке Хемчику, отряд древнехакасской армии спустился затем по ее течению к Енисею. О достижении его и повествует надпись, оставленная дружинником по имени Кулун (буквально «Жеребенок» – имя явно не аристократическое).

Выходит, в определенных случаях наскальные надписи могли оставлять путники (неважно, мирными или военными были их путешествия), обозначая тем самым факт благополучного достижения ими той или иной местности: реки, переправы, горы. Думается, что к надписям такого рода принадлежат и приведенные ранее строки. Остается ответить на вопрос, зачем древние странники делали это.

Вдумаемся в две другие «посетительские» наскальные надписи. На горе Тепсей можно прочесть следующую фразу: «Тепсейская переправа – благодатная переправа». На знаменитой скале Хая-Бажи есть строка, еще более откровенно превозносящая указываемый объект: «Мой владыка и мои подданные (знайте): Кара-Сенгирская (переправа или, возможно, местность – вспомним тексты об ее освоении) – дело мудреца».

Итак, можно предполагать, что, нанося надпись на скалу, люди чтили местность, в которой они поселились или которую достигли; благодарили судьбу, которая благосклонна и возвышает своего избранника; свидетельствовали о благополучно завершившейся опасной переправе через могучие реки или победно проведенном военном походе. Но для чего все это необходимо было зафиксировать на скальных выходах? Читаем следующие выведенные древними рунами строки.

«С неба (исходящей) благодатью обладающее божество Тепсей», – начертано на и поныне одноименной горе на правом берегу Среднего Енисея. Эта строка – ключ к пониманию едва ли не всего многообразия енисейских наскальных надписей. Гора Тепсей, как и

Енисейские надписи
на Сулекской писанице.
Рисунок автора

многие другие горы Южной Сибири, была для предков священна. Над рисунками всемирно известной Сулекской писаницы, находящейся на реке Черный Июс (верховья Чулыма), дважды начертано древним письмом: «Вечная скала». Вечная – это скала, бывшая от самого начала Мира и будущая всегда, до конца Вселенной. Поклонение божественной горе и ее превознесение выражено в другой надписи на том же хребте: «На очень мглистой скале, на (в высоте) парящей скале я написал. Надпись отвесной скалы вечна». Как видим, и здесь речь идет о вечности. Это мировоззрение также восходит к далекой языческой старине Саяно-Алтая.

С помощью надписей, нанесенных на священные горы, знайки енисейского письма обращались к Богу. Гора, как мы убедились, разбирая строки Тепсея, и сама искони была таким божеством. И в то же время дух горы способствовал общению с Верховным Божеством древних хакасов и их саяно-алтайских соседей – предков тувинцев и алтайцев, шорцев и чулымцев, иных народов, – тогда входивших в общее южносибирское государство.

Вот еще одна надпись, в средневековье нанесенная на скальный выступ горы Тепсей (к сожалению, центральная часть строки скопирована недостаточно ясно, проверить же ее уже невозможно – она уничтожена волнами Красноярского водохранилища): «Тепсейская переправа. Нужда и голод (?) исчезните. Бог мой, снизойди на землю!». «Боже, снизойди до нас!» – было некогда начертано над рекой Тубою. «...Мой бог, снизойди (до меня)!» – завершилась и еще одна строка, существовавшая на горе Тепсей, начало которой не удастся разобрать в единственной, до сих пор не изданной прорисовке 1904 г.

Что же это за Бог, единый, величественной фигурой сменивший или, если хотите, подчинивший многочисленных древних духов гор, рек и других природных объектов? Содержание наскальных надписей позволяет разобраться и в этом вопросе. Поскольку это явление раннесредневековой южносибирской жизни – новость для современной науки, привыкшей считать шаманизм высшим духовным достижением сибирских народов, не будем спешить и внимательно присмотримся к камне-

писным строкам, оставленных предками. Шаг за шагом проследим особенности тех убеждений, которые приводили людей к священным скалам и побуждали краткой надписью поведать о своем посещении. Кроме этих разрозненных начертаний, ни один письменный источник, известный сегодня исследователям – знатокам прошлого, не сможет поведать о смене мировоззрения, наступившем в наших краях 1200 лет назад.

Среди енисейских наскальных надписей отчетливо выделяется группа кратких текстов, содержащих самоуничижительные оценки писавших. Характерная лексика, применяемая для этого, не оставляет никакого сомнения в том, что в этих случаях мы имеем дело с приверженцами единобожия. Ясное и полное отражение этого встречаем в выведенной енисейскими рунами строке на скале Гурвалжин-ула в Монголии: «Я, раб божий, написал (это)». Этот памятник помогает восполнить недосказанное в некоторых других надписях: «Недостойный раб (божий) написал (это) и (стал) здоров» (Хая-Бажи, Тува), «Я – Оз Ат-апа-адгач (?), грешный (буквально: заблудший) витязь, пребывающий в долгу (перед Всевышним (?))» (гора Лисичья, Хакасия).

В свою очередь приведенные строки способствуют верному пониманию упоминаний «презренных», «недостойных», «низких» людей в иных текстах – всюду так выражается осознание религиозной греховности писавшего: «Пишущий эту (надпись) Ынанг греховен (буквально: низок)» (Хая-Бажи), «Вдова Юл-апы, презренная, возвысься!» (Хая-Бажи), «(Я –) греховный Йеген», «Его имя героя-эра – Греховный Йеген» (обе – Ялбак-Таш, Алтай). В этом ряду становится понятным и содержание одной весьма краткой резной надписи на горе Тепсей: «(Я –) скверный [раб] (божий)».

Связанные с единобожием енисейские наскальные надписи не называют имени божества, и это, конечно же, не случайно. Но применяемые для его обозначения слова весьма показательны. В ряде резных строк божество именуется *тенгри* – древним, еще к седому язычеству восходящим словом, в котором оно означало Небо. В наших надписях, как мы видели по обращенным к Тенгри призывам, этим словом уже называют единого бога, связанного с небесами своим пребыванием, но повелевающего также и земными пределами.

В отдельной краткой надписи, вырезанной на стене пещеры той же горы Тепсей новая для Южной Сибири божественная суть ясно определена через понятия, хорошо знакомые нам по мировым религиям других земель: «Божественный Владыка». Иными словами та же идея повелевающего божества, распоряжающегося человеческой судьбою, выражена в благодарственной енисейской надписи у подножия горы Дэл-ула в Монголии: «Мой Небесный (или Божественный) Повелитель, (хвала Тебе,) (поскольку) болезни завершились, у меня нет печали!». Другое, весьма характерное обращение к высшей силе встречаем на утесе в устье р. Чуи на Алтае: «Обретённый мой Отец, снизойдите (до меня)!» (Ялбак-Таш). Хотя, судя по надписям, в Южной Сибири той поры существовали и благие пастыри, коим поклонялись верующие (на той же скале начертано: «О, мой святой (или: отшельник)!»), в разбираемом случае не приходится думать, что отцом назван кто-то из них. Смысл глагола, стоящего здесь в вежливой форме повелительного наклонения, именно «спускаться, сходить», то есть речь, вне всякого сомнения, идет о пребывающем на небесах боге (сравните: «Отче наш, Иже еси на небесех»). Подтверждение этого встретим далее на Алтае в надписи со скалы Бичикту-Бом.

Приведенные надписи позволяют восполнить и недомолвку весьма важного для нашей темы наскального текста, выведенного в две строки: «(1) Божественный (Владыка), который должен преградить (дорогу) Тьме, (явись, помоги)! (2) (Я –) Ат Йиген. Преподношение (?) (и) песнопение (?) (предназначены Тебе (?))» (гора Хутук-ула, Монголия).

Среди авторов наскальных текстов, вероятно, бытовало представлением о том, что людям не дано произносить имя своего Бога: «(1) Поскольку я не должен называть имя (божие), (2) я написал (это) пятью (пальцами), предназначенными (для письма)» (Ялбак-Таш). К надписям, в которых бог не назван, следует добавить особо краткие мольбы, выведенные на скалах: «(Я –) Бар (мужское имя). Избавь (или: освободи) (меня от греха)!», «(Я –) Киш. Избавь (или: освободи) (меня от греха)!», «(Я –) Иним. Избавь (или: освободи) (меня от греха)!» (все – Ялбак-Таш, Алтай), «Его имя героя-эра – Йевиг. Избавь (или: освободи) (его от

греха)!» (Адыр-Кая, Алтай). Из этих надписей следует, что в молитвенной практике существовали вполне устойчивые формулы, направленные на очищение души верующего. По представлениям писавших человеческая душа имела, вероятно, божественное происхождение. Думать так позволяет надпись на скале Крес-хая в Хакасии, содержащая мольбу о личном духовном совершенстве: «Вложите совершенную душу (букв. нутро)!».

Мирянин должен был и сам заботиться о своей душе и, следовательно, имел средства для искупления грехов. Недаром на алтайской скале читаем призывы: «Очистись (т. е. искупи грехи)!», «Уверуй и очистись (т. е. искупи грехи)!» или покаянное «(Я –) заблудший, отыскивающий (истинный путь,) (написал это)» (Ялбак-Таш). Обличение пороков духовником и наставление на путь истинный играли в этом значительную роль. Вероятно, делавшими это проповедниками оставлены не только две приведенные надписи, но и следующая резная строка: «Я осудил (его), сказал (наставление) и он искупил (грехи, очистился)» (Ялбак-Таш). Благодаря этому краткому тексту можно догадаться о какой брани идет речь в надписи на горе Лисичьей в Хакасии: «Капчук (или: презреннейший – буквально: совсем презренный) написал (это и) твоя хула очистилась». Вероятно, писавшего побудила к покаянию обращенная к нему обличительная речь духовника. Вполне понятно, что среди верующих духовное очищение имело важнейшее значение, ведь, согласно одной из надписей на горе Ялбак-Таш, «(Души) оступающих (на пути праведном) ловят (бесы)».

Судя по приводившейся выше двухстрочной надписи на скале Городовая стена (правый берег Среднего Енисея), искоренение греховного вело к гармонии окружающего мира, служило признаком благой человеческой жизни, было условием получения, как увидим в дальнейшем, церковных званий и духовного совершенства («богатства»). Напомню эти важные для нас строки: «(1) (Я –) Алп Сол. Когда положен предел греховному(букв. низкому) (и) Небо (или: Бог) и Владычица Мать Кем-река (т. е. Енисей) соединяются в благоустроенности, мы (все) приносим благую пользу и достигаем сана (или: званий, чинов). (2) (Так и) я стал богат». Подобную по содержанию, но гораздо более ко-

роткую и оттого недосказанную надпись встречаем на Алтае: «Получите имя (или: звание) и смиритесь! (буквально: склоните (голову? сердце?))» (урочище Манырлу-Кобы на р. Кара-Кол).

На стене Тепсейской пещеры на Енисее вырезано моление: «Привидься лик Его». На прямую встречу с божеством, согласно убеждению предков, могли рассчитывать не только праведники, но и грешники. На алтайской скале читаем: «(1) (Мой бог,) предстань перед грешным мужем! (2) (Это) я написал» (Бичикту-Бом, Алтай). И здесь же добавлено иной рукою – «(И) твоему сыну человеческому (явись, Боже)!».

Совершенно очевидно, что новая религиозная доктрина, призывая к добродетели, одновременно осуждала земное бытие, наблюдая в нем массу ужасных пороков. Некогда на скале Кёк-хая в Хакасии красными чернилами и тростниковым пером была сделана надпись в три строки. От рук недобрых людей – наших современников, у всех них пострадали правые, начальные части, однако во второй строке ясно различима следующая значимая для нас фраза: «... этот земной мир – из разряда обмана и зла, демон, покой (?) (и) разум (или: спокойное разумение)...». Кем бы ни был оставивший ее человек, размышления и письмо были его постоянными занятиями, а писчий прибор он носил с собою.

Миссионерами новой религии были созданы на алтайских утесах две следующих енисейские надписи. Разделенные многими таежными километрами и горными хребтами, они весьма близки по содержанию, лексике и выражению мысли: «(1) Следуй благому. (2) Доброе сотворив, для того, чтобы как бы посеять человечность, приободряясь, ищи (?) смирения (или: покоя) и вдвоем (со мною? с богом в душе?) странствуй!» (Бичикту-Бом), «Приободряясь, странствуй – нельзя поддаваться (превратностям) (буквально: быть сгибаемым)!» (Мендур-Соккон).

Существование в Южной Сибири религиозных проповедников подтверждается и содержанием самой большой среди известных наскальных надписей, вырезанной на стене темной пещеры горы Тепсей (правый берег Среднего Енисея). Три ее строки содержат 154 руны. Этот текст открывает для нас совершенно новую страницу духовной жизни древних хакасов. Он

ния божественного слова здесь видится иною. Ради личного общения с божественной мудростью в изолированной тиши скальных полостей поднялся на неприступную и очень высокую скалу человек и, сконцентрировавшись в молитвах, по прошествии какого-то времени (речь, видимо, должна идти о ряде дней или более), постиг до того ускользавшую от него мировоззренческую суть. Но моление его обращалось к отвесной и священной скале, благодаря снисхождению которой до его просьб, явился страждущему лик божественного владыки (вспомним здесь ранее приведенную четвертую строку, отдельно вырезанную в пещере). Судя по использованной лексике, тут проявилась не вера через чудо, а знание через текст (возможно, устный).

В Хакасии давно известны и два других памятника рунического письма, начертанные чёрной тушью в высокопортальной пещере кряжа Тогыс аас на Белом Юусе (хак. Ах үүс). Одна из надписей, о которых речь пойдет в другом разделе книги, связана с древним проявлением культа гор и кратко отмечает моление, прямо обращенное к богу, вторая, сильно поврежденная, пониманию пока не поддается. Однако место нанесения, использование туши и, судя по форме черт, кисти для письма, без сомнения указывает, что надписи оставлены писцами-профессионалами. Для раннего средневековья таковыми были священники.

Остается сказать, что ритуальные бдения во тьме пещер были свойственны для хакасов вплоть до XIX в.

Итак, енисейские наскальные надписи впервые раскрывают для исторической науки факт существования в раннесредневековой Южной Сибири и Северо-Западной Монголии монотеистической религии. Ею, как мы уже говорили, с VIII в. стало манихейство. Надписи не оставляют сомнения в том, что писавшие верили в верховное божество, в ряде случаев именуемое древним словом *тенгри*. Однако, если в орхонских эпитафиях Тенгри – покровитель всего богоизбранного народа (тюрков) и его правителей, божество енисейских надписей характеризуется иначе. Само слово *тенгри* уже не означает в надписях Небо, а понимается как Единый Бог. Важнейшим признаком новой религии служит личная связь верующего с божеством. Формула *теңрим*

(*тенгри*) «мой Бог» свидетельствует, что южносибирское общество уже созрело до формирования или принятия монотеизма с его вполне осознанной ролью отдельной личности, отраженной в доктрине личной воли и личного спасения верующего.

Показательно, что верховный бог именуется также и «божественным господином» или «владыкой». В этом (вспомним русское «Господи!») следует видеть отражение древних религиозных воззрений Ближнего Востока (в нашем случае, возникшего в Месопотамии манихейства), переносивших в идеологию социальное устройство рабовладельческого общества. Для понимания новой для Южной Сибири религии весьма существенно также, что верховное божество именуется в надписях Отцом. Подобное употребление слова, как известно, вполне обычно для христианства и манихейства. Надо отметить, что создатели енисейских надписей применяли для обозначения бога местоимения Он или Ты, иной раз совсем опускали обращение или вообще были лишены возможности называть божественное имя. Последняя особенность как раз и отличает манихейскую доктрину, в которой имя Наивысшего неведомо, его составляют некие буквы, известные лишь «Царю Высшего Мира». И тому, кто сможет себе представить хотя что-то об этих буквах, будет тем самым открыта великая тайна. Возможна и обратная последовательность постижения: имя божества может быть известно только человеку, обретшему Высшую Тайну. Ни один манихей вообще не мог знать Наивысшего Имени, и для любого верующего истинное божество оставалось безымянным. Вероятно, поэтому в рунических надписях продолжает употребляться старое, восходящее к общетюркскому язычеству наименование божества (*тенгри*) или применяются указанные описательные его обозначения.

В надписи на скале Кёк-хая, к сожалению, не до конца ясной, упоминается демон. Употребленное там слово *йек* (сохранившееся в хакасском языке в произношении *чик*) является заимствованием из санскрита, указывая на знакомство с буддийскими текстами, и совершенно обычно для тюркских манихейских текстов.

Совершенно новой для Саяно-Алтая чертою мировоззрения становится отраженное в надписях понятие о рабском

(кул) положении верующего перед богом. В этом вновь весьма явно отражается социальная традиция Ближнего Востока, оказавшаяся накрепко связанной со всеми вышедшими оттуда мировыми религиями. Религиозное применение слов с явным социально-приниженным значением дополняется и одним из компонентов личных мужских имен – *эль*, буквально означающему «подлый, низкий», и мною переводимом как «греховный». Это слово восходит к названию места у дверей жилища, согласно общетюркскому этикету, унижительному для усаженного там человека.

Крайнее религиозное самоуничижение последователей новой веры проявляется в надписях не только в социальной терминологии, но и, как мы видели, в моральных определениях, отражающих презрение: *ак* «презренный», *исиз* (*эсиз*) «скверный, злой», *ин* (*эн*) «низкий». Важно, что в надписи на скале Кёк-хая так характеризуется не отдельный человек, но весь земной мир, бренное существование человечества. В манихействе, как известно, злое начало повсеместно противостоит доброму, а способность осуществить осознанный выбор меж ними, ради поддержания светлого, – долг каждого манихея.

Адресованные богу наскальные надписи нередко не содержат имен писавших, в ряде случаев именно их заменяют самоуничижительные определения. Иногда автор текста выступает от лица всего верующего человечества. Все это весьма характерно именно для монотеистических религий: небесный владыка сам знает своих рабов, а верующие равны между собою, поскольку едины перед богом.

Взаимоотношения божества и его почитателей, согласно наскальным енисейским надписям, не исчерпываются поведением всемогущего господина Мира и его земного раба. Богу здесь присуща и отеческая забота о малых и сирых. Верующие прямо называют себя детьми (сыновьями) божьими. Согласно надписям, Бог для людей – защита от вполне житейских бед, прежде всего от болезней. Но на него же, судя по всему, уповают они и в главном – в освобождении каждого от грехов – недаром на скалах рядом с именами писавших не раз вырезано краткое моление: *чер* «Избавь!», а то и «Вложите совершенную душу!». Под

избавлением и освобождением – одним из основных понятий в манихействе – мыслилось отделение светлого начала от темного, духовного от материального, избавление человеческой души от тела (как условие вечной жизни).

По новой для Южной Сибири религии божество, как следует из наскальных молений, может спускаться на землю. На это направлены мольбы верующих и на Среднем Енисее (на Тубе и Тепсее) и на алтайских реках Чуе и Кара-Коле. Именно в манихействе боги нисходят с небесных высот для битвы с силами Мрака, ради разделения смешавшихся на земле Света и Тьмы.

Писавшие на скалах люди, несомненно, обладали свободой религиозной воли. Их обращение в новую веру происходило благодаря осознанному обретению иных духовных ценностей (Ялбак-Таш), отказу от прежних заблуждений (эпитафия из Эль-Бажи). Призывы очиститься, уверовать и очиститься, возвыситься (Ялбак-Таш, Хая-Бажи) обращены на скалах к самим верующим (включая женщин) – в их власти было избрать путь к спасению своих душ. О том же свидетельствует и сам факт письменных воззваний к верховному божеству – его приверженцы сами стремились обратить на себя внимание высшей силы. Рассмотренные уничижительные самоопределения молившихся являются следствием религиозного покаяния писавших. Все эти особенности присущи любой из мировых монотеистических религий, но, как известно, особенно активная роль осознанной воли человека во вселенской борьбе Света и Мрака отличает манихейскую доктрину. Согласно ей от выбора и поступков верующего зависит не только спасение его собственной души, но и других душ, всех частиц божественного Света, плененных материальным миром.

Тепсейская пещерная надпись отметила духовные искания одного из манихейских проповедников, стремившегося на пользу людям к постижению некоего Слова. Возможно, речь здесь идет об уяснении части учения («три великими словами» назывались три темы манихейской доктрины: слово о богах и демонах, слово о сотворении мира и человека и слово об апостолах веры, самом Мани и религиозной этике). Так или иначе, но тепсейская надпись и место ее нанесения открывают нам

способ уяснения божественной истины, избранный этим человеком – длительное бдение при светильнике в темноте пещеры, расположенной далеко как от вершины, так и от основания отвесной скалы, добраться до которой было не только непросто, но и опасно. Отсюда следует, что новая вера Южной Сибири была религией божественного откровения и обладала собственным священным Писанием, требовавшим истолкования. Обращает на себя внимание устойчивость словоупотреблений в целом ряде пространственно весьма удаленных друг от друга наскальных надписей, имевших сходное молитвенное содержание. Кроме приводившихся самоуничтожительных терминов, следует назвать повелительные формы глаголов *чѣк* «опустись, снизойди», *чер* «освободи, избавь» и *ери* «очистись, искупи (грехи)». Вероятно, это указывает на бытование постоянных речевых формул, единых богослужебных текстов. Во многом благодаря систематически повторяющейся лексике и удастся сегодня прочесть столь краткие наскальные надписи.

Новая религия, отразившаяся в енисейских надписях, принесла с собою монашеское странничество. Миссионерские путешествия известны всем мировым религиям, в том числе и манихейству. Они являлись одной из важнейших обязанностей подвижников любого ранга. В енисейских надписях такое странничество связывается, как мы видели, с «сотворением добра и человечности». Эти традиции распространения религии за ее первоначальные пределы настолько ревностно исполнялись новообращенными южносибирскими приверженцами Мани, что мы теперь по распространению енисейского рунического алфавита ясно видим следы их религиозной деятельности как к востоку от Саяно-Алтая, на землях Прибайкалья и Забайкалья, так и к западу от него – на землях сегодняшнего Казахстана и Кыргызстана.

Раскрывающаяся согласно южносибирским наскальным начертаниям религиозная доктрина, требовала от своих единоверцев, обитавших в бренном земном мире (*азун*), в средоточии обмана (*ал*) и зла (*есиз*), изживания греховного (*ин*) и приношения благой (*йег*) пользы, следования хорошему (*йег*), сотворения добра (*йег*) и распространения человечности (*кишилиг*), пребы-

вания в бодрости, духовного возвышения и очищения, даже внутреннего совершенства, смирения и стойкости в преодолении трудностей, прежде всего (или в частности) встречаемых в миссионерских странствиях, требовала веры, преодоления сомнений и постижения истины на пользу людям. Эта религия несла с собою убежденность в существовании могущественного Бога, преграждающего путь Мраку, готового откликнуться на мольбы верующего и в случае нужды снизойти до него. Перед нами идеология добра и человеколюбия, позволяющая вспомнить афоризм самого создателя этой религии пророка Мани: «Там, где нет любви, все деяния несовершенны».

Нам важно осознать, что в обычаи этой религии входило не только изустное, но и письменное обращение к божеству и единомерцам. И хотя, полагаю, сама традиция оставлять надписи на почитаемых скалах, может предшествовать на Среднем Енисее появлению новой веры, она не только вошла в нее, но и служит ее отличительной особенностью. Как мы видели, приверженцы этой религии писали всюду – в Хакасии и Туве, на Алтае и в Монголии, – даже в тех землях, где, по-видимому, до тех пор наскальное письмо не имело распространения.

Очевидно, что по мнению верующих письменное слово сильнее, чем произнесенное, воздействовало на божество или было доступнее ему. Неслучайно ряд надписей содержит прямое указание *битидим* «(это) я написал» (Монголия – Гурвалжин-ула, Алтай – Бичикту-Бом, Хакасско-Минусинская котловина – Тепсейская пещера, Тува – Хая-Бажи) или считает достижение желаемого результатом создания надписи (Хая-Бажи, Лисичья). Показательны в этом отношении строки Ялбак-Таш: «Поскольку я не должен называть имя (божье), я написал (это)...». Адресованы врезанные в камень слова и самим ревнителям новой веры. Наскальные надписи, связанные с манихейской религией, открывают существование профессиональных грамотеев, видевших во владении письмом свое жизненное предназначение (Ялбак-Таш), а скопления молитвенных текстов на отдельных скалах (Ялбак-Таш – 32 рунических строки, Бичикту-Бом и прилегающая долина – 20, Тепсей – около 30, Хая-Бажи – 16) указывает на некогда бывшие неподалеку манихейские монастырские обители.

Неслучайно манихейство считают одной из наиболее энциклопедических религий мира, как известно, не только ставившей текст и письмо в разряд высочайших добродетелей, но и считавшей широкую грамотность и ученость насущной необходимостью, позволяющей отличать добро и зло в этом сложно смешавшемся мире. Ради этого, согласно источникам, при каждом манихейском монастыре существовала своя библиотека и класс для обучения. Особенно важно, что манихеями, стремящимися к созданию всеобщей мировой религии, преподавание и письмо велось всюду на местном языке и с использованием местной письменности. В Южной Сибири они приняли и использовали древнее енисейское руническое письмо местных народов.

Быть может, создание надписи служило выражением известной манихейской триады о единстве помысла, слова и поступка: благой помысел (постижение религиозного закона) порождал благое слово (молитву) и завершался благим делом (нанесением надписи). Наскальные начертания Алтая отмечают не только само такое деяние, но и предшествующее ему произнесение благого слова – именно так, полагаю, следует понимать резные строки Ялбак-Таш: «Я, Сюлен Йеген, сказал (благое слово) (о чем и написал)», и горы Текпенек: «Я произнёс (молитву) (о чем и написал здесь)».

Наравне с обнаруженными и исследованными профессором Л. Р. Кызласовым храмовыми городами на реках Уйбат и Бюрь в Хакасии, приведенные здесь рунические надписи, выполненные официальной енисейской письменностью Древнехакасского государства, доказывают утверждение и распространение в его обширных пределах манихейской религии. Нельзя признать случайным, что датировка изучаемых камнеписных текстов совпадает со временем возникновения и существования на Енисее раскопанных священных манихейских центров, непрерывно действовавших с VIII по XIII в. – свыше пяти столетий.

Разве не удивительно, читатель, для нас сегодня встретить вдруг на родных горах и скалах горячие и искренние мольбы к Высшей Силе, мольбы, звучащие тысячелетие назад? Разве не по-новому открывают они для нас живые души предков – людей

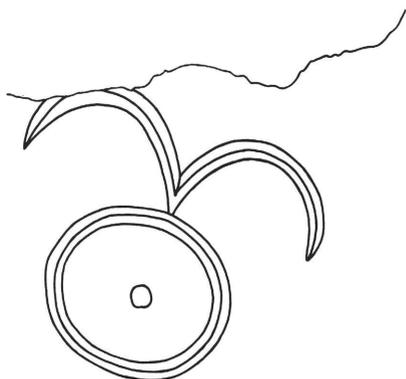
ищущих, думающих, страстных, мятущихся? Разве не по-новому ощущаем мы теперь степень их любви к родной земле и поклонения ей?

Прочувствовав это, мы уже не удивимся, встретив на скале над той же Тубою мольбу: «Да живу я сто [лет]!». Как они были похожи на нас в главном! Как мы похожи на них! Что же изменилось за тысячу лет в людях?

Будем откровенны (ведь вы читаете этот текст внутренним голосом, про себя, и мы в этот момент даже не наедине с вами, а вы сами – наедине с собою), мы готовы признать и принять присущие далеким предкам стремление к богатству и славе, кичливость, алчность, жадность, жестокость и грубость, но разве готовы мы признать и принять их духовные искания, настойчивые попытки внутреннего самосовершенствования, философичность и мудрость в восприятии окружающих людей и мира? А ведь все это было десять веков назад в Сибири. Мы ничего не слышали о мудрецах этого края, об академиях, ученых диалогах или страстных проповедях. Где сказано об этом? Кто это видел? Кто знает? Нет таких летописей. Нет книг с записями высказываний мудрых наставников. Нет пожелтевших философских манускриптов. Но есть надписи на скалах. Краткие. Всего в несколько слов. Читайте и думайте над тем, какими в действительности были тысячелетие назад ваши сибирские предки.

«Вложите совершенную душу!» – начертано на скале близ с. Фыркалы в Хакасии. Вот о чем в отчаянии молил человек своего Бога: «Вложите совершенную душу!». Душу живую, благодать просили и поклонявшиеся другим горам люди. Потому и начертано на Тепсее или над Белым Июсом короткое слово *кут*, обозначающее эти понятия.

Приведу, пожалуй, еще один наскальный текст, переданный только четырьмя буквами на плоскости скалы Куня близ города Абакана. Это единственное известное сегодня заклинание злого духа, выведенное на скалах Хакасии: «Потеряй дорогу! Отвратись!». Рядом с этими обрядовыми восклицаниями высечена и тамга – личный знак того человека, который стремился с помощью неведомого нам сегодня обряда избавиться от преследовавшей его, как он считал, нечистой силы. Широко известно, что

Личная тамга и надпись IX века на скале близ озера Фыркал. Хакасия. Гласит:
«Вложите совершенную душу!». *Рисунок автора*

многие народы считали возможным выслеживание человека по его следам всякой нечистью. Вспомним современный хакасский приговор, обычный для путников: «Алын чолым ачых ползын, ай-соом туйух ползын!» – «Да будет впереди моя дорога открытой, да будет позади наглухо закрытой».

Следует отметить особо: и для периода принятия мировой и развитой религиозной системы (манихейства), и для периода древнего и самобытного язычества оставленные наскальные надписи в равной мере свидетельствуют о характерной тяге к духовному самосовершенствованию оставивших их средневековых наших предков.

Вновь скажу: ни одна из известных науке летописей не сможет поведать исследователям больше об идеологии манихейской религии Саяно-Алтая и ее обрядовых особенностях, чем предельно краткие, раскиданные на сотни горно-таежных километров и трудно обнаруживаемые енисейские рунические наскальные надписи. Вот и рассудите теперь, надо ли без тщательного осмотра специалистов ломать наши скалы на бытовой камень и щебень, взрывать их, выравнивая дороги, или затапливать рукотворными морями? Много ли в мире подобных мест, в которых духовные искания предков стали естественной частью окружающей природы? Какие духовные истины, по-

стигнутые предками 10–12 веков назад, какие подтверждения их напряженных нравственных поисков уже бездумно утрачены нами?

Очень важно, что большинство известных науке наскальных надписей, обнаруженных в Южной Сибири и в Монголии, выполнены енисейским руническим алфавитом. В Монгольских степях найдено небольшое число надписей, сделанных орхонским письмом. Прежде всего, это нанесенные красной краской разрозненные строки на скале Хойту-Тамир. Однако же в целом ныне представляется очевидным, что для носителей орхонского алфавита (тюрков и уйгуров) не была характерна сама манера нанесения надписей на скалы. Быть может, это прямо связано с особенностями конкретной религиозной практики, ибо, повторим, – подавляющее большинство енисейских наскальных текстов имеет религиозное содержание. Следует, естественно, учитывать и тот факт, что именно наскальные надписи являлись сугубо личным делом писавших и не были рассчитаны на прочтение посторонними. При тщательных поисках, далеко еще не завершенных, наскальные надписи подобного рода могут быть найдены и за пределами известного ныне ареала.

Пример подобного развития событий – быстрое увеличение числа надписей, обнаруженных на территории Горного Алтая. Буквально за два последних десятилетия количество наскальных надписей здесь выросло с нескольких экземпляров до десяти десятков.

Горноалтайские надписи обладают хорошо заметной самобытностью, которая прежде всего проявляется в облике применявшихся на письме знаков. Все эти тексты выполнены только енисейским алфавитом. Но форма отдельных букв («м» – с плавной дугой вместо угла и «б» – с округлой вершиной, некоторых других) свидетельствует о том, что до распространения здесь енисейского письма в обиходе находился орхонский алфавит. Вместе с тем найдена только одна наскальная надпись, нанесенная этим алфавитом. Можно полагать, что носители орхонского письма не имели традиции писать на горных обнажениях. Обычай пришел вместе со включением Алтая в пределы Древнехакасского государства, одновременно с введением

официального письма и религии державы – енисейского рунического алфавита и манихейской веры.

Активный археологический поиск, развернувшийся в Казахстане и Кыргызстане после распада СССР и обретения этими странами независимости, закономерно привел среди прочего и к открытию многочисленных наскальных надписей. На удивление подавляющее большинство из них оказалось выполнено рунами енисейского типа. Стало вполне очевидно, что и так называемое таласское письмо этих мест сложилось при активном влиянии енисейского рунического письма, пришедшего с миссионерами из пределов Древнехакасского государства и наслонившегося на бывшую до этого местную рунологическую основу. Под явным обрядовым воздействием появилась в Кыргызстане и Казахстане сама традиция нанесения на скалы молитвенных рунических надписей. А особенности их правописания указали на те религиозные центры, в которых местные писцы получили образование – ими оказались манихейские монастыри Южной Сибири и Западной Монголии.

Мне остается сказать, что в Сибири есть еще одна зона распространения наскальных рунических надписей. Это берега Лены. По некоторым признакам можно предполагать, что и здесь получило распространение енисейское письмо или сказалось сильное его воздействие. Но сегодня это только гипотеза. К большому сожалению, специально и с необходимой тщательностью никто не занимался собиранием и копированием ленских рунических надписей. Опубликованные прорисовки главным образом сделаны исследователями, недостаточно полно знавшими особенности этой письменности. Поэтому в таких воспроизведениях надписи не могут быть прочитаны.

НАДПИСИ НА ПРЕДМЕТАХ

Вечен не только камень. Столетия и тысячелетия переживают, сохраняясь, и дела рук человеческих. Совсем необязательно, чтобы эти творения были торжественными и монументальными. На долгие века, оказывается, создаются людьми и вполне обыденные вещи и вещицы, необходимые, казалось бы, только сегодня и только по какому-то случаю. Археологи находят целехонькими даже колкие и ломкие в употреблении глиняные горшки, стеклянные кубки, фарфоровые поделки. Что же говорить о каменных или металлических – особенно не ржавеющих золотых, серебряных, бронзовых – изделиях? Многие, очень многие вещи переживают не только своих создателей, но и их далеких потомков. Особенно если они сделаны на совесть.

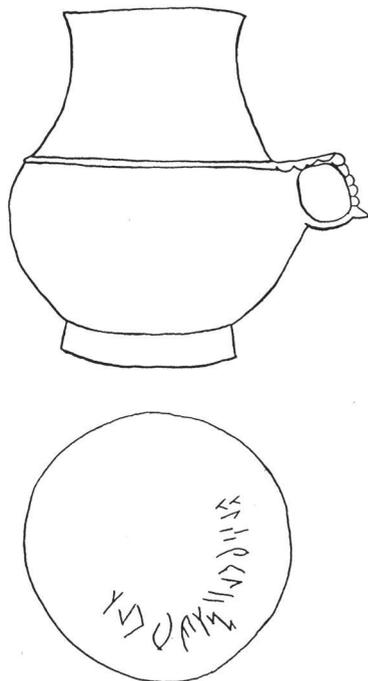
«Жизнь коротка – искусство долговечно». В точном соответствии с этой латинской поговоркой хранятся сегодня в наших музеях удивительные творения средневековых южносибирских мастеров – повседневные и праздничные, бытовые и культовые. Думаю, тот, кто прочитал предыдущие страницы, не удивится, узнав, что на многих подобных изделиях сохранились древние рунические надписи.

По содержанию они очень разнообразны. Что вообще может быть написано на различных предметах? Пожалуй, строчки любого содержания, известного Вам, читатель, по свидетельствам, принадлежащим ко всяким иным культурам, эпохам и народам.

Сегодня делают надписи на подарках, преподносимых по торжественному случаю. Есть они и среди енисейских надписей на предметах. На изрядно истершемся доньшке небольшого серебряного сосудика – кубка для пиров, читаем, например: «Будь(те) имеющим имя, будьте имеющим тамгу». Это – благо-

пожелание. Некогда вырезанное на пиршественной чарке, оно приоткрывает завесу над очень важным для жизни предков, но ни в одной летописи не описанным обычаем. Достигнув зрелого возраста, юноша получал взрослое, мужское имя. Об этом вскользь уже упоминалось на предыдущих страницах, в рассказе о содержании надгробных надписей-эпитафий (оно определено там как *эр атым*). Теперь настала пора добавить, что вместе с новым именем новый полноправный член общества (*эр*) наделялся и собственным тамговым знаком, по облику продолжавшим единую графическую традицию мужских предков своей семьи. Учитывая сам факт создания надписи на сосудике, естественно предположить, что, кроме того, ему преподносилась и личная чаша, то есть юноша уже имел право занять достойное место в мужских собраниях, участвовать в общих пирах.

До прочтения этой небольшой надписи можно было лишь догадываться обо всем этом. Ныне же можно уверенно представить и существенные элементы, и саму процедуру признания совершеннолетия юного средневекового воина. Этот обычай был распространен среди древних тюрков и уйгуров (их посмертные портретные изваяния всегда воспроизводят в руках умершего его личный сосуд для пиров – все эти изображения не совпадают по форме, т. е. отображают в руках умерших разные конкретные изделия, использовавшиеся при жизни), а также среди средневековых хакасов (об этом говорит наша надпись и многочисленные надгробные надписи, отмечающие

Серебряный сосудик и надпись на его донце (увеличено). Хакасия. Хранится в Государственном Эрмитаже.

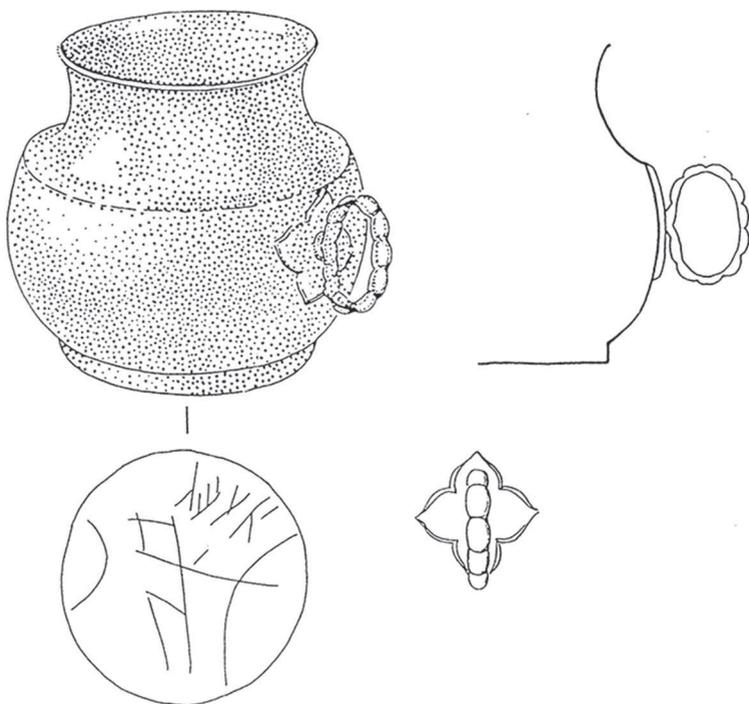
Рисунок автора

мужские, полученные по обряду посвящения имени (*эр аты*) и тамги умерших).

Назначение другой группы надписей, сделанных на вещах, также легко предугадать. В каждой культуре и у каждого народа, имеющего письменность, бытуют так называемые владельческие надписи на предметах. Они прямо указывают, кому принадлежали те или иные изделия. Так, на бронзовой накладке, обрамлявшей конец поясного ремня, и отлитой в IX–X веках (найдена у села Беллык на правом берегу Енисея и хранится ныне в Минусинском музее), начертаны три буквы *чур* – имя собственное или титул обладавшего этим поясом человека. На обломке зеркала – одном из трех памятников рунического письма, впервые обнаруженных Д. Г. Мессершмидтом в 1721–1722 годах, – выгравировано (согласно давнему прочтению академика В. В. Радлова): «Зеркало Кюд Аруг-бега». А на другом зеркале (также по чтению этого крупнейшего тюрколога): «Человек Анкас Тёшек, кусок моего зеркала». Бронзовые зеркала, часто привозимые из далекого Китая, были очень дорогими, драгоценными вещами. Как видим, люди не только хранили, но даже метили те обломки этих зеркал, которые продолжали использовать. Нам следует заметить, что обе надписи на зеркалах указывают на мужчин как на их владельцев. Суровые воины и отважные охотники, они следили за своей внешностью.

Приведем здесь и одну владельческую надпись, обнаруженную В. В. Радловым при раскопках могильника в Катандинской степи на Алтае. Она была вырезана на донышке серебряной чаши. Только четыре буквы, которые читаются как *элиг чаң*, т. е. «правитель в ранге чаңг». Последнее слово заимствовано из китайского языка и тоже означает «правитель». Вероятно, также, что эта надпись была сделана на подношении, торжественно осуществленном по случаю назначения на должность неизвестного нам аристократа.

Рунические надписи, некогда нанесенные на серебряные и золотые пиршественные сосуды, явление нечастое. Но они открывают нам даже интереснейшую и до обнаружения этих изделий совершенно неизвестную область средневековой сибирской жизни. Обратимся к находкам, сделанным в 1930-е годы

Серебряный сосудик с тамгю и надписью на донце.

Раскопки В. В. Радлова у д. Катанда, Горный Алтай. Хранится в Государственном Историческом музее, Москва. *Рисунок автора*

Саяно-Алтайской экспедицией С. В. Киселёва и Л. А. Евтюховой. Ради чего, скажите на серебряном кубке, в 1935 г. добытом при раскопках у деревни Туяха на Алтае, двое сменявших друг друга владельцев последовательно вырезали в центре его доньшка свои личные гербовые знаки, а позднее уже в других руках также дважды наносились и не связанные с тамгами краткие рунические надписи? В первый раз гравировка подтверждала высокое качество серебра – «Драгоценное серебро». Ради чего оставлена эта надпись? Указывать качество серебра и ценность сосуда нанесением специального краткого текста не было, очевидно, нужды ни мастеру-создателю, ни владельцу чаши. Рунические надписи, подтверждающие высокую стоимость сосуда, очень редки, но всё же известны. Кроме туяхтинского известен

лишь ещё один подобный текст, нанесенный на одном из золотых сосудов, происходящих из кургана, раскопанного в 1939 году на Копёнском могильнике-чаатасе в Хакасии. На доньшке золотой кружечки здесь оказалось начертано буквально следующее: «Лучшее (или: чистейшее) из золота».

Интересно было бы определить пробу драгоценных металлов, пошедших на изготовление обоих сосудов. Однако, подтвердив или опровергнув правдивость рунических надписей, такой анализ не приблизил бы нас к пониманию смысла создания таких надписей на сосудах.

Зато назначение этих рунических отметок раскрывают две другие подобные надписи. Так, во второй надписи того же туятинского кубка оказывается заключена краткая фраза «Будьте выплаченными», в целом мало понятная без сравнения с другими материалами. Вернемся к находкам Копёнского чаатаса. Здесь были обнаружены не разрозненные кубки, а целый набор драгоценной посуды – четыре золотых сосуда, стоявших на серебряном блюде. На двух из них и были вырезаны надписи. Первую мы уже привели.

Вторая гласила: «Предназначенную князю подать мы преподнесли». В этом лаконичном тексте употреблено древнейшее общетюркское слово *бег* – «князь» (в современном хакасском языке оно имеет форму *пиг*). Подать же названа *кюмыс* (слово можно прочесть и как *кюмыш*), что буквально значит «серебро», но здесь – это уже производный смысл, название особой формы дани, выплачиваемой сосудами, изготовленными из драгоценных

Золотые сосуды с надписями на донцах (увеличено). Копёнский чаатас, Хакасия.

Раскопки С. В. Киселёва
и Л. А. Евтюховой. Рисунки автора

металлов. Надпись относится ко всему набору парадной утвари.

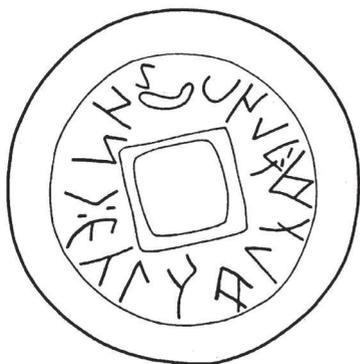
Благодаря этим хакасским находкам становятся во всем понятны алтайские. Размещение второй туяктинской надписи впритык к предыдущей при свободном пространстве остального поля на донце кубка создает общий текст, который указывает как на факт, так и на ценность поднесенной правителю дани: «(Подати) будьте выплаченными: (вот –) драгоценное серебро».

Так, при полном молчании всех других повествующих о южносибирском прошлом источников, только благодаря трем сосудам с надписями мы узнаем о существовании на Саяно-Алтайском нагорье системы сбора податей в пользу верховных правителей и одной из форм такой дани, подносимой в виде драгоценных пиршественных сосудов. Эта черта рисует более высокий, чем представлялось историкам, уровень социально-

экономического развития Древнехакасского государства и соседних каганатов. Узнаём мы даже и наименование этой подати: ее именовали *кюмюс* (буквально «серебро»). Все три надписи относятся к концу VIII – началу IX веков. Но, к слову сказать, у современных кетов, малочисленного лесного народа живущего ниже по Енисею, государственный налог до сих пор называется *кюмюс* – ясно кто в средневековую пору приучил кетов к этому слову, принудив охотников к выплате дани.

Встречаются на древних предметах и пояс-

✓ λ N # ω k y ☐

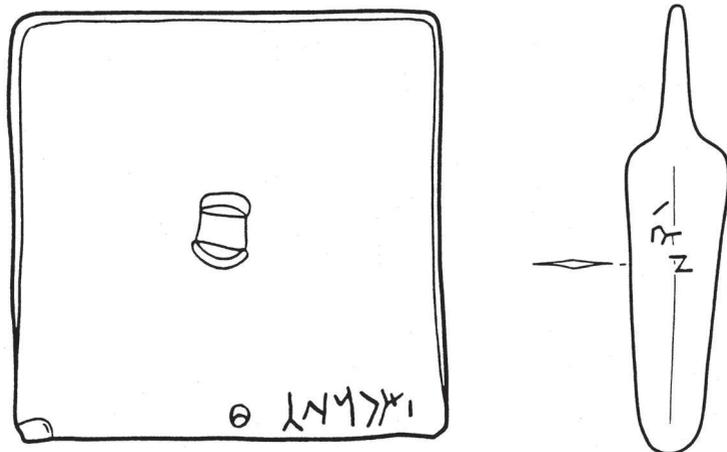
Енисейские надписи на бронзовых китайских монетах. Случайные находки в Хакасско-Минусинской котловине. Наверху акча IX века (развертка надписи), место обнаружения неизвестно, внизу бакыр, найден близ д. Каптырево на Енисее. Хранятся в Минусинском музее. Рисунки автора

нительные надписи. Следует отметить, что сохранились они исключительно на монетах. В Древнехакасском государстве, насколько известно, для нужд внутреннего обращения использовались иноземные бронзовые монеты, специально завозившиеся во множестве из Китая, целыми возами. Вполне понятно, что достоинство этих монет было первично обозначено по-китайски иероглифами, изначально отлитыми на лицевой стороне. И хотя цена этих денег была местному населению хорошо известна, все же на некоторых таких монетах на обороте были дополнительно процарапаны енисейские рунические надписи. В Минусинском музее хранятся две такие монеты. Древнехакасские надписи на обеих содержат по три непонятных ныне знака, но смысл надписей в целом ясен: «Чеканная (или: литая) деньга» и «Медная деньга... Малый чекан».

Своеобразную группу надписей составляют магические заклинания, вырезанные на некоторых изделиях. Существование таких надписей выяснилось при прочтении пяти знаков, некогда нанесенных на край прямоугольного бронзового зеркала, найденного близ Минусинска. Руны гласили: «Сгинь, нечистая сила!».

Казалось бы, почему такие слова следовало написать на зеркале? Чтобы понять это, следует учесть характерные особенности одного шаманского обычая, еще недавно практиковавшегося в Южной Сибири и подробнее всего описанного для бурятской культуры. Если в семье часто болели и умирали дети, родители обращались за помощью к шаману. В знак того, что он берет эту семью под защиту, шаман оставлял в доме бронзовое (обязательно бронзовое!) зеркало. Наиболее вероятно, что так происходило и в средневековье – шаманские обычаи очень устойчивы и сохраняются без изменений многие столетия. Магическая сила одного из таких зеркал и была, надо полагать, усилена соответствовавшей случаю надписью.

Нечистая сила названа в этой надписи термином *асурий*. Слово означает злого духа и происходит из древнего языка – санскрита. Оно существует в религии не только буддизма, но использовалось и манихеями, знавшими священную литературу буддистов. Очень интересно, что этот термин применен в ша-

Надписи-заклинания на зеркале, найденном в Минусинске («Сгинь, нечистая сила!»), и культовом кинжальчике, найденном в с. Бея в Хакасии («Защити!»).

Собрание Минусинского музея.

Рисунки автора

манистской по содержанию рунической надписи. Следует полагать, что он проник в среду средневековых сибиряков благодаря распространению среди них манихейской религии с ее религиозными книгами и практикой священнодействия и молитв. Любопытно, что мы уже видели в наскальной надписи с р. Есь санскритский по происхождению термин *йек*, также обозначающий нечистую силу.

Другая магическая надпись нанесена на маленький железный кинжальчик, найденный у хакасского с. Бея. Такое миниатюрное оружие наряду с простыми ножами тоже использовалось еще недавно сибирскими народами для магической защиты младенцев от напастей судьбы. В люльку мальчика, на самое донце, под подстилки или подсыпку (часто дно покрывали измельченной корой для гигроскопичности) клали такой клинок, предназначавшийся для отпугивания нечистой силы. Вот и написано на культовом кинжальчике IX–X веков *кю*, то есть «защити (оборони)».

Третья надпись, вероятно содержащая заговор, частично сохранилась на обломке зеркала: «Низменное отделий, болезнь... (изгоняй?)».

Очень примечательно, что в надписях-заклинаниях прослеживается одна общая для них особенность. Текст начинается с небольшого прямого штришка, по высоте равного половине других букв. У него нет звукового значения, он вообще не буква. Вероятно, это специальный значок, отмечавший магические надписи-заговоры. О том, что он применялся ко всем надписям такого рода, говорит подобное же оформление наскального текста-заклинания на горе Куне. О нем уже шла речь в своем месте.

Известна еще одна надпись, начинающаяся с подобного штриха. Она нанесена на обломок бронзового зеркала, хранящегося в краеведческом музее Абакана. Надпись все еще целиком не разобрана, но в ней упоминается одна из вечных для наших предков субстанций – *йағыз йер* «бурая земля». Описанная палеографическая деталь в виде начинающей строку черточка позволяет полагать, что и эта надпись принадлежит к группе текстов-заклинаний.

Хотя, повторяю, вырезанных на различных предметах надписей известно довольно много, здесь приведено содержание лишь нескольких. Дело в том, что их прочтение вполне надежно, поскольку находит объяснение в известных исторических ситуациях или жизненно важных обрядах. Остальные же краткие, а, следовательно, и сложные для понимания рунические начертания еще нуждаются в прояснении. Даже неко-

Культовая надпись на обломке зеркала с упоминанием «бурой земли». Заимка Домрачевеева в окрестностях Минусинска. Хранится в Хакасском краеведческом музее. Рисунок автора

торые ясные по восприятию знаков строки не так-то просто понять.

Значение рунических надписей, оставленных на каких-либо изделиях, очень велико. Оно выходит за пределы вопроса «Что могли писать предки на предметах своего быта?». Вещи довольно хорошо изучены нашей археологией, их облик позволяет специалисту установить время создания и так называемую культурную принадлежность каждого предмета, то есть определить век и народ, к которому принадлежали сделавшие и использовавшие эти вещи люди.

Особенно удачно, с точки зрения археологии, если изделие обнаружено в могиле. У каждого народа были и есть свои обычаи, связанные с погребальным культом, к тому же они со временем менялись. Следовательно, возможность точно определить, кто и когда изготовил предмет, серьезно возрастает. А если на нем есть надпись, то мы, естественно, можем определить и время бытования письменности, и то, какой народ ею пользовался.

Важен и другой аспект подобных находок: надписи на бытовых предметах позволяют узнать и то, как широко применялась письменность в древнем обществе, насколько глубока была у того или иного народа грамотность. Именно эта проблема пока еще не затрагивалась мною. К ее рассмотрению теперь и следует перейти.

ГЛУБИНА ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Во многих работах серьезных исследователей встречается утверждение, что недостаточно совершенная руническая письменность тюркоязычных народов Сибири и Центральной Азии, не знавшая слитного скорописного написания знаков, изначально появилась для вырезания надписей на камне или дереве. Лишь потом, постепенно, с веками, прошла она путь от камнеписных стел до рукописей на бумаге.

Казалось бы, все верно в этом утверждении: и письмо не скоропись, и буквы выводились по одной без связного написания друг с другом, и среди дошедших до нас письменных памятников явно преобладают камни с текстами, и немногочисленные настоящие рукописи на бумаге, известные сегодня, принадлежат к довольно позднему времени – к X и даже XI векам. И все же приведенное утверждение ошибочно.

Действительно, обнаруженные благодаря исключительно благоприятным микроклиматическим условиям, не сгнившие за века бумажные листы с руническими рукописями оставлены в конце эпохи рунического письма. Все они выполнены орхонским алфавитом и составлены в древних монастырских центрах манихейской религии в Восточном Туркестане (современная китайская провинция Синьцзян).

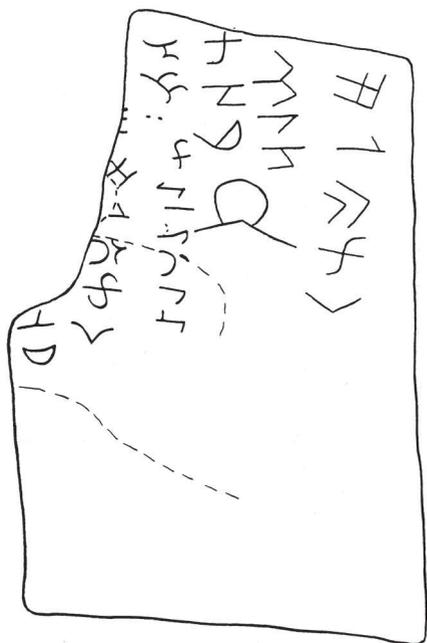
Но даже в таком царстве камнеписных текстов, каким является Южная Сибирь, можно найти несомненные указания на то, что способ резьбы или выбивания не был изначально единственным. Одновременно здесь бытовала и вполне обычная манера письма – жидкими красителями и на мягком писчем материале: кистью или тростниковым пером на бумаге, коже (пергамене), бересте, плоских дощечках и тому подобном.

Если Вам доведется бывать в Хакасском краеведческом музее в Абакане, не спеша рассмотрите небольшой обломок плоской плиты с надписью и округлым тамговым знаком. Она найдена на окраине сегодняшнего Саяногорска (бывшая деревня Означенная). На камне уцелели только начальные знаки шести строк текста, и о чем повествовала эта надгробная надпись, мы уже никогда не узнаем. Тем не менее значение этого камня для правильного понимания истории енисейского письма очень велико.

Неизвестно по какой причине, но резчик, наносивший этот текст на камень, три первые строки (они размещены вертикально справа от тамги) вырезал прямолинейными и остроугольными

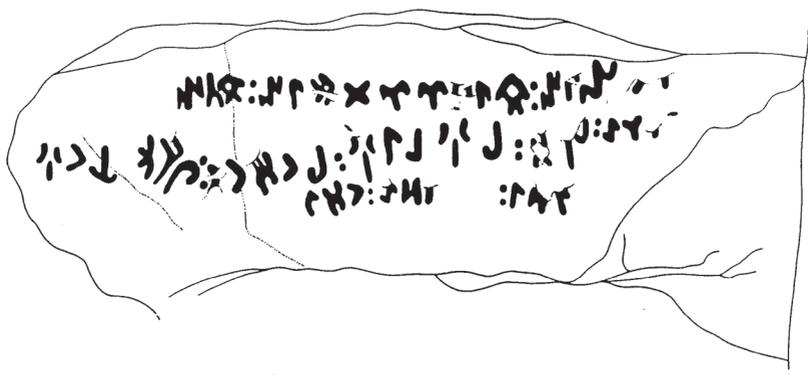
буквами – типичными по виду для других каменных памятников, а вот три другие строки (слева от тамги) составлены им из знаков вычурных очертаний, с мягкими изгибами линий, загибами их концов. Такие буквы могли появиться только при привычке писать чернилами или тушью, то есть легко и свободно скользить пером по бумаге или коже. Это рукопись, перенесенная на камень.

Есть и факты несколько иного рода. На одной из скал на реке Есь в Хакасии сохранилась выведенная на каменной плоскости руническая надпись. Казалось бы, довольно обычное для наших мест дело. Однако текст в дан-

Древнехакасская надгробная надпись, выполненная прямолинейным и курсивным письмом. Найдена в деревне Означенное (ныне город Саяногорск) в Хакасии. Хранится в Хакасском краеведческом музее.

Рисунок автора

Надпись красной тушью, нанесенная тростниковым пером-калямом на скале Кёк-хая, Хакасия.

Рисунок автора

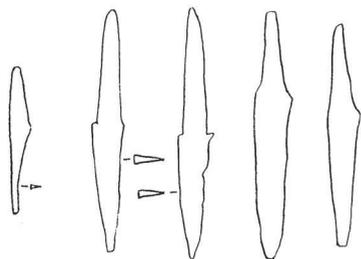
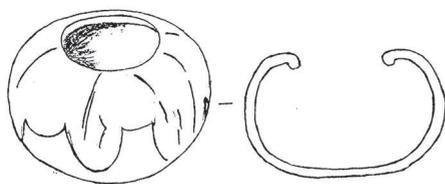
ном случае нанесен на скалу не резцом, а полкой трубочкой, знаки выведены красной тушью. И буквы совсем маленькие – высотой с ноготь человеческого пальца. Вряд ли мы ошибемся, если решим, что некий средневековый грамотей, создавший эту надпись, имел при себе обычный писчий прибор той эпохи: тростниковое перо (на восточный лад называемое калямом) и чернила, залитые в специальную чернильницу, откуда они не могли пролиться при переноске. В моей школе такие чернильницы, носимые из дома в мешочке, называли непроливашками. Горло этих горшочков было узким и тянулось не вверх, как у других сосудов, а уходило вниз, загибаясь внутрь чернильницы – это и удерживало там жидкость при наклонах сосудика. Описываю этот нехитрый предмет так подробно, ибо полагаю, что многие мои читатели не видели подобных приспособлений для переноски чернил.

Сейчас для меня главное рассказать о том, что эти чернильницы появились в глубокой древности, в эпоху, когда весь канцелярский «офис» и все «кабинетные» приспособления размещались не на столе, а на поясе у писца и сопровождали своего хозяина повсюду. Один из таких сосудиков специального предназначения обнаружен в древнехакасском захоронении в Туве, относящемся как раз к эпохе расцвета енисейского письма – к IX-X векам. Необходимо вспомнить здесь и сообщение арабско-

го географа Абу Дулафа, побывавшего на Енисее в то же время, в 942 г.: «Есть у них храм для богомолений и тростник, которым пишут. Народ рассудительный и осмотрительный ... В молитвах употребляют особую, мерную речь».

Наблюдая форму штрихов, которые калям нанес на нашу скалу, можно понять, что инструмент писца был заточен особым образом – кончик его обрезался округлым, толстым и длинным. Если сравнить его с описанными в каллиграфических руководствах Персии, то станет ясно, что таким образом затачивали тростниковое перо ради получения наиболее экономного и скорописного почерка, применявшегося писцами при работе на слух. Благодаря всем этим деталям, мы узнаем, что обязанности древнехакасского писца с р. Есь были сопоставимы с должностными нуждами секретаря средневекового персидского вельможи.

В переносный писчий прибор, кроме тростниковых перьев, должны были входить как минимум две чернильницы (с красными и чёрными чернилами, ведь красным цветом не писали постоянно, им лишь выделяли особо значимые места рукописей) и,

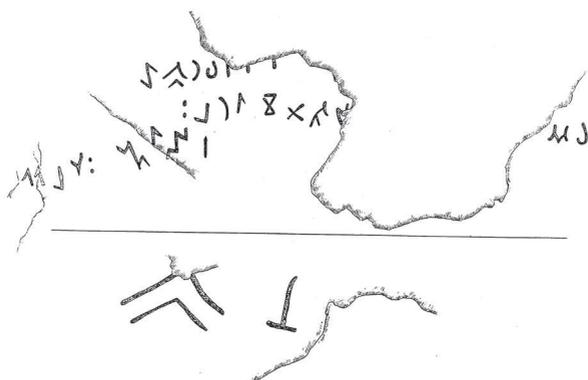

Фарфоровая чернильница и ножики для заточки тростниковых перьев-калямов, найденные в древнехакасских курганах.

Рисунок автора

конечно же, перочинный ножик. Именно такие миниатюрные ножи (с лезвием в 3–5 см) – довольно обычная находка в древнехакасских погребениях раннего средневековья. Назначение их до сих пор не было понятно археологам, но теперь можно думать, что с ними хоронили писарей и грамотеев.

По-видимому, часть писцов владела и другим приспособлением для письма – кисточкой. В горном отроге Тогыс-ас на Белом Июсе внутри величественной пещеры с

Надписи черной тушью, нанесенные кистью
на стене пещеры Тогыс-ас на р. Белый Июс.

Рисунок автора

высоким порталом, судя по форме сужающихся к концу линий, именно кистью была нанесена на другую скалу большая надпись в три строки. К сожалению, она очень пострадала от времени и от людей (причем сравнительно недавно), и содержание текста представляет загадку. Но для нас в данном случае важно, что буквы выведены черной тушью. Тушью же, но другой рукой здесь начертана и краткая надпись *кут* — молитва о благоденствии. Оба письменных памятника нанесены на стену пещеры в верховьях реки Белый Июс.

Итак, немногочисленные, но очень показательные факты, существующие в мире рунических надписей Хакасии, определенно свидетельствуют, что для енисейского письма, как и для орхонского, было характерно достаточно широкое использование вполне обычных материалов: чернил или туши. Вот только древнехакасские рукописи не дошли до нас. Миниатюрные древнехакасские ножи (с лезвием в 3–5 см) — довольно обычная находка лишь потому, что обыденный писчий материал был не стоек к воздействию времени и веками вершившегося на Енисее обряда сожжения умерших и всех их личных принадлежностей.

На примере надписей, высеченных на надгробных плитах, уже доводилось демонстрировать, что их создавали резчики-профессионалы, применявшие целый набор разнообразных зубил. Профессионалами были и писцы. Об этом говорит не

только факт существования специальных писчих приборов и постоянное пребывание этих приспособлений со своим владельцем (они сопровождали его даже в мир иной). Есть тому и другие свидетельства.

О существовании в средневековом южносибирском государстве хорошо образованных людей говорят и сами енисейские надписи. Настало время сказать, что уже первая енисейская стела, обнаруженная наукой, – памятник в долине Уйбата, открытый Д. Г. Мессершмидтом в августе 1721 года, – была установлена в честь родовитого *битигчи* – «писца», который (следим за строкой надписи) «знал языки многих народов». Случайно ли первому же пришедшему в долины Енисея ученому в XVIII веке встретился созданный в VIII столетии текст, славивший древнехакасского знатока-грамотея? Двух этих мудрецов разделяла целая тысяча лет, но, благодаря нетленному камнеписному слову, они встретились лицом к лицу. Вот и попробуйте сказать теперь, что нет связи разума, идущей сквозь века!

На другой енисейской надгробной стеле читаем: «Ради моих способностей я был взят на воспитание в государство Табгач». Следовательно, этот человек, в молодости получив образование в Северном Китае, затем вернулся на родину, где, прожив долгую жизнь, скончался и удостоился «вечного камня». Пример его судьбы указывает нам, что далеко не во всех случаях древнехакасскую знать, владевшую енисейской рунической грамотой, устраивал уровень «домашнего» образования и они направляли своих детей за границы владений, в те страны, где существовали, говоря по-нашему, высшие учебные заведения.

В ту эпоху в Северном Китае, в государстве киданей, уже существовали академии. Из летописей центральноазиатских стран известно и о пребывании в них древнехакасских юношей, приезжавших ради получения образования. В киданьской хронике даже идет речь о том, что в один период времени наплыв «стремящихся к знанию из государства Хагас» был столь велик, что императорской власти пришлось усилить пограничную стражу и ввести учет будущих «студентов»-сибиряков, чтобы регулировать их приток в страну.

В Северо-Западном Китае, в местечке Дуньхуан, на границе с Восточным Туркестаном, в начале XI века была свезена в пещеру, спрятана и замурована в ней монастырская библиотека. Вход в забытое книгохранилище был обнаружен лишь в начале XX века. Древние рукописи попали в руки ученых. Это был богатейший материал для познания далекой культуры. Его обработка и осмысление не закончились до сих пор. Но сегодня мы обратим особое внимание на небольшой фрагмент рукописи, счастливо сохранившийся среди многих других обрывков и целых сочинений в той пещере.

Эта небольшая записка-отчет была написана по-китайски тибетскими буквами и повествовала о том, что монах, член религиозной буддийской общины, выполнил данный им однажды церковный обет и теперь просит свое братство и руководство монастыря отпустить его на родину. Имя этого человека на тибетском языке произносилось как Абхгаден. Он происходил из рода Кыргыз, то есть принадлежал к аристократическому роду Древнехакасского государства. Постигнув особенности буддийской религии в ее крупном духовном центре того времени, он в силу каких-то причин решил вернуться в приенисейские степи. Ради этого Абхгаден и выполнил монастырский обет – перевел с тибетского языка на китайский двенадцать буддийских сочинений.

Вполне понятно, что для правильно понимания культурного уровня эпохи весьма важен сам факт существования в IX веке древнего хакаса – буддиста и монаха. Но давайте задумаемся в то, насколько высокообразованным человеком он был. Ведь он переводил с тибетского – неродного для него языка, на китайский – другой неродной ему язык. Переводил с одной письменной системы, тибетской слоговой, на другую – китайскую иероглифическую. И ко всему этому излагал сложнейшие для понимания философские буддийские тексты.

А теперь спросим себя: доведись этому человеку вернуться в родные края, кем бы он был там? Пастухом? Охотником? Воином? Конечно же, нет. Он был и остался бы философом, грамотеем, книжником. Мог заниматься миссионерской религиозной деятельностью, обучать мудрости и грамоте, наставлять веру, создать монастырь или, по крайней мере, стать отшельником.

К этой теме следует добавить енисейское руническое начертание, оставленное на стене кельи в пещерном монастыре в Яр-Хото (Восточный Туркестан): «Я, Эсен (буквально: неврежденный, здоровый), написал (это)». Подобных енисейских надписей в этом священном центре известно более двух десятков. Они свидетельствуют, что жители Древнехакасского государства в своих духовных поисках приходили в знаменитые в ту эпоху религиозные общины Турфанского оазиса.

Случайные свидетельства одинокой человеческой судьбы Абхгадена и серии пещерных резов Яр-Хото помогают нам в очередной раз понять природу появления в енисейских надписях слов, заимствованных из других языков. Так, многие китайские слова попали в речь и письма древних хакасов, прежде всего, благодаря постоянным государственным контактам, династийно-брачным и посольским связям, которые (особо подчеркнем это обстоятельство) сопровождались обязательным обменом грамотами, посланиями. Религиозно-книжная манихейская грамотность принесла в надписи на енисейских камнях и скалах сирийские слова (*мар* – «учитель манихейской веры») или иранские (*абад* – «гармония, благоустроенность, обжитость», *азун* – «земной мир (в противоположность небесному)», *баг* – «область, удел»). Отмечаются, как мы помним, и буддийские по происхождению санскритские термины, также воспринятые через манихейскую литературу (*барм* – «совершенство», *арзы* – «святой, отшельник, мудрец», *йек* – «дьявол», *ашур*, *асурий* – «демон, нечистая сила»). Известны и китайские заимствования.

Енисейские надписи определенно свидетельствуют о том, что население многоплеменного Древнехакасского государства не просто обладало собственной грамотой, письменностью и литературой, но и было хорошо знакомо с книжными культурами соседей, религиозной литературой разной направленности и происхождения.

Очень важно понять, что енисейские надписи были созданы не какими-то грамотеями-одиночками. Вполне понятно, что прежде всего грамота, письменная культура и образованность являлись достоянием знатной части общества. Имена на камнях,

на скалах и на предметах быта, как мы видели, нередко сопровождаются громкими титулами, указаниями на древнюю родовитость, важные и высокие государственные чины и должности. Им сопутствуют личные гербовые знаки аристократических фамилий Саяно-Алтая. Напомним здесь и строку на скале Хая-Бажи, в которой упомянута «вдова Юл-апы». Примем или нет мы гипотезу о том, что этот текст мог быть создан женщиной лично, все равно он остается свидетельством причастности знатных женщин к сфере письменной культуры.

Но ведь это отнюдь не исчерпывающая картина.

На горных обнажениях Южной Сибири среди наскальных надписей, не имевших, как мы видели, официального назначения и содержания, встречены имена, лишенные всяких пышных титулов. Следовательно, все эти тексты, оставили простолюдины, точнее говоря, лично свободные эры. Потому-то на горных обнажениях Саяно-Алтая нередко начертано только одна руническая буква – *(э)р* «Эр» (Тепсей, Майдаши, Перевозная в Хакасии, Хая-Бажи в Туве, Ялбак-Таш на Алтае).

Говоря о грамотности простолюдинов, вспомним, для примера: «Пишущий эту (надпись) Ынанг греховен». Еще ярче о грамотности средних слоев общества говорит мугур-саргольский текст, повествующий о походе с реки Аны на Енисей. Его подписал человек по имени Кулун. Здесь не только нет титула, но и сама форма и содержание имени, как отмечалось, указывают на простого дружинника. Ведь *кулун* (хакасское *хулун*) значит «жеребенок» – какое уж тут звучное «мужское имя», столь характерное для феодалов? Родовитая знать, даже воспринявшая внушавшие смирение мировые религии никогда не пренебрегала своими титулами и званиями, опуская их на письме. Следовательно, все эти многочисленные практически анонимные начертания верующих-манихеев, которые подписаны самоуничижительными определениями «низкий», «греховный», «заблудший» также были оставлены простыми жителями многоплеменной южносибирской страны.

Для полноты картины никак нельзя сбрасывать со счета и то, в сколь многообразных сферах жизни применялась в Древнехакасском государстве енисейская руническая письменность.

К ее помощи прибегали, как мы видели, могучие владыки, чтобы прославить в веках себя, своих достойных слуг и верных полководцев, сооружая многочисленные надгробные памятники с текстами. Уже сам этот обычай, как и манера обращаться к родне и сподвижникам, характерная для этих надписей, свидетельствует, что потенциальные читатели таких монументальных надписей были довольно многочисленными. Кроме того, создатели этих памятных надписей, рассчитывая на века, не сомневались, надо признать, что и их будущие потомки будут грамотными, сохраняют енисейскую письменность и смогут читать высеченные на камнях гордые и горестные строки.

Создание пограничных, межевых надписей указывает на применение письма в сфере юридических норм, а форма текстов явно рассчитана на понимание надписи всяким, кто встретится с нею. Известны нам и культовые надписи, созданные как во время общественных жертвоприношений (Узун-оба), так и во время личных и, возможно, даже тайных обращений к божеству. Мы знаем строки, составленные на пирах и в уединении, отмечающие «презренный металл» и благородную сталь. Писали желая угодить владыке вассалы и покаявшиеся в прегрешениях верующие, князья и воины, монахи и шаманы. Есть изысканно-грамотные тексты и бесхитростные написания, литературно выверенные надписи и строки, содержащие просторечия.

Однако и эти два общественных сословия – родовитая знать и свободные простолюдины – не были единственными носителями енисейской рунической письменности. Была и третья общественная сила, теснее прочих связанная с этим письмом. Ведь у истоков любых показанных мною явлений письменной культуры стоит учитель. Без школы не бывает письма и грамоты. Кто же и кого, а главное – с каких пор учил руническому письму в этих школах? Енисейские надписи, как оказалось, содержат ответ и на этот важнейший, но и самый сложный вопрос. Но ответ заключен не в повествовании самих камнеписных текстов, а в их облике.

Но сначала давайте уясним довольно простую и общеизвестную историческую истину, которая отчего-то не всегда осознаётся в отношении руники, сибирской в частности и азиатской

в целом. И потому стоит напомнить: рождение всякой древней письменности произошло внутри религии.

И это не было манихейство. Ведь оно, придя на Енисей, лишь использовало уже бывшее в здешнем обществе руническое письмо. Факты овладения рунической азбукой дошли до нас в виде учебных записей из урочища Тойок. Как помним, есть среди них и алфавит, буквы в которой пояснены их названием или звучанием, выведенном манихейским письмом. Нет сомнения, что в этом случае (надо думать, как и во многих других) руническое письмо осваивал уже грамотный человек, знавший письменность и язык манихейской веры.

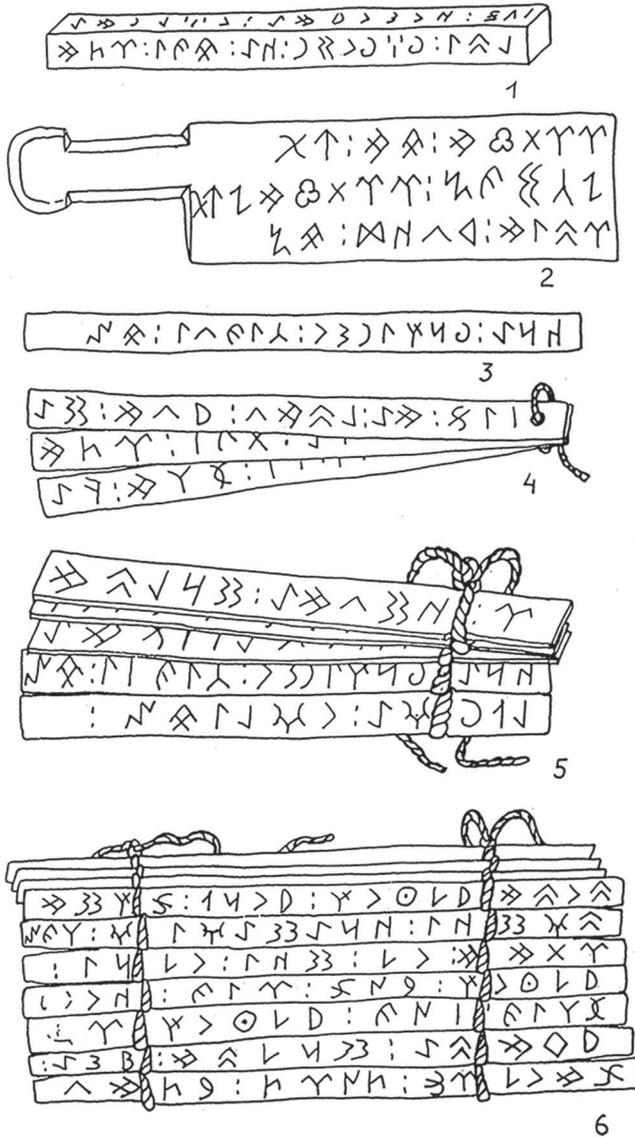
Внимательный взгляд археолога сумел обнаружить, что облик каменных столбов енисейских эпитафий хранит особенности древнейших письменных документов и книг. На этих монументах высекались не только сами рунические знаки текста, но и внешние отличия тех черновиков, которыми пользовались каменотёсы. В нашей книге примеры этого предоставляют изображения стел из Кожээлиг-Хову, с древнехакасской и чикской надписями из местности Эль-Бажи.

Историческая глубина этих южносибирских культовых записей VIII–X веков оказалась поразительной, уходящей в прошлое на целые тысячелетия. Дело в том, что черновиками камнеписных текстов были деревянные стержни или дощечки, иногда связанные шнурами или ремешками в складные листы. В них сохранилась и редчайшая и древнейшая манера размещения текста от нижней стро-

Надпись на надгробном камне князя чиков. Обнаружена на реке Уюк в Туве. Хранится в Минусинском музее.

Рисунок автора

Формы древнейших рунических письменных документов и книг: стержни (1), дощечки с ручкой (2), планки (3), разные приемы скрепления планок (4–6).

Дерево, шнуры или ремешки.

Реконструкция автора

ки к верхней (так называемое письмо по восходящей лесенке). Именно так – от нижней строки к верхней – читаются горизонтальные надписи, нанесенные поперек памятных камней чиков из Эль-Бажи и с реки Уюк в Туве, а также половина всех древнехакасских текстов на стелах. Возникнув в далекую эпоху ведения учётных храмовых записей на разрозненных дощечках, к средневековью такие разновидности письменных документов давным-давно устарели и вышли из употребления во всех областях письма тюркских народов, кроме ритуального надгробного применения в Южной Сибири.

Судя по общим известным подобиям в истории культуры человечества, традиция такого письма на Западе и Востоке Азии относится еще к бронзовому веку. Вспомним, что показанный в одном из предыдущих разделов этой книги строй рунического алфавита также передает черты, характерные для письменностей бронзового века.

Ничего подобного письму по восходящей лесенке нельзя обнаружить в надписях на скалах, по большинству, как мы знаем, подчиненных манихейским религиозным воззрениям. Енисейские памятные стелы, тем самым, выявляют былую святость даже уже не только енисейского, но еще проторунического письма, его применение и сохранение в замкнутом, очень узком, жреческом кругу: древнейшие особенности письма и письменные документы архаичнейшего облика не случайно сохранились только в консервативнейшей, насквозь обрядовой области, рассмотренной нами в одном из предыдущих разделов книги, – в поминальном обряде.

Следовательно, весьма вероятно, что древнейшая руническая письменность тюркских народов, на много веков предшествовавшая средневековью, остается для нас неведомой по двум причинам: из-за применения для письма тленных материалов и ограниченности самой области использования грамоты, применения ее только в особой сфере священных и тайных жреческих знаний.

В условиях этой жреческой скрытности были некогда заложены и веками осознанно сберегаемы при создании сакральных, богослужебных текстов основы того общерунического письмен-

ного литературного языка, который в готовом виде неожиданно для современной науки проявляется уже в первых известных памятниках VIII века. Его ярко выраженная обработанность предполагает длительную историю предшествующего развития. Ныне, с выделением материальных свидетельств длительного все еще скрытого от науки периода существования рунической письменности в глубокой древности, становится ясным: обладание рунами не было в культуре тюркских народов небольшим историческим эпизодом. С глубочайшей древности и вплоть до VIII века знание и использование енисейского рунического письма было особой привилегией и религиозной тайной замкнутого и косного жреческого сословия.

Какая религия издревле, долгими скрытыми от нас веками владела руническим письмом (а значит, имела и свое Писание), ныне неизвестно. Но такая древняя религия в Южной Сибири была. Археологические работы последних десятилетий показали, что в конце VIII века она была побеждена, а к XI веку вытеснена манихейством. Древняя сакральность енисейского рунического письма подтверждена самим фактом восприятия его пришлой манихейской религией в качестве собственной священной письменности. Именно манихейство расширило круг знавших письменность людей, так сказать, демократизировало использование древних рун. Поэтому надписей, созданных ранее VIII века мы практически не знаем, а с этого рубежа енисейских текстов становится так много.

Есть еще один показатель значения и авторитета письма для общества. Я имею в виду степень осознания того, что данная письменность отличает это общество от другого, т. е. степень сбережения письма, его сохранения в веках как отличительной черты «своей страны», несмотря на различные повороты исторической судьбы. Смею полагать, что подобное восприятие енисейского письма было присуще Древнехакасскому государству (как Восточнотюркскому и Уйгурскому каганатам – восприятие орхонского письма). При этом я имею в виду не только обычай создавать надписи на века и делать это по собственным законам и правилам.

Настало время рассказать о двух кратких надписях, которые указывают, что даже в трагическую пору монголо-татарского

нашествия на Саяно-Алтайском нагорье наши предки пытались сохранить руническую письменность как одно из важнейших достижений.

В Минусинском музее стоит редкое для Хакасии каменное изваяние, найденное на р. Ербе в окрестностях села Знаменка Д. Г. Месершмидтом. На его спине в IX–X веках оставили посетительские надписи четыре человека, совершившие какой-то неизвестный нам обряд. Но выше их строк несколько веков спустя была сделана небольшая руническая приписка из одного слова – *бичиг*. Это слово, означающее «надпись», здесь имело поясняющее значение (видите, мол, вот на камне надпись). А форма самого слова, привычная нам по современным южносибирским тюркским языкам (среди них и хакасское *пичик*), указывает, что слово заимствовано местным населением из языка монгольского (древнетюркская форма *битиг* в монгольском языке закономерно стала *бичиг* и уже в этом виде вернулась к тюркам Саяно-Алтая). Такое заимствование могло произойти только в условиях вхождения Хакасии в державу монголов. Сибирские писцы, выполняя волю новых государей, писали в это время уже по-монгольски и усвоили монгольскую деловую лексику, присущую канцеляриям той поры. Но вместе с тем они сохранили свое древнее руническое письмо, применяя его параллельно с официальной для нового государства монгольской вертикальной письменностью.

Приписка на изваянии отличается и по нормам правописания. Здесь применена не традиционная для ранних енисейских надписей классическая руническая орфография, а правила, отличавшие книжную манихейскую грамотность. Такое же правописание – обозначение на письме всех гласных букв (кроме *а*) – встречаем и в одной из строк скалы Хая-Бажи в Туве. Важно, что в ней применена поздняя форма глагола «писать» (не *бити-*, а *бит-*), появившаяся, как установили языковеды, только в монгольское время.

Эти две небольшие надписи, созданные руническим письмом не ранее конца XIII – первой половины XIV века, позволяют предположить, что письменность отцов и дедов, вышедшая из сферы государственной жизни (ведь южносибирское государ-

ство погибло), все же продолжала сохраняться. Видимо, ее хранителями были религиозные манихейские общины. При попытке освободиться от чужеземной зависимости, которая, как известно из летописей, была предпринята населением Хакасии и Тувы в 1273 году и привела к воссозданию на целых 20 лет собственной прежней государственности, вероятно, была возвращена в официальное обращение и руническая письменность. Она стала использоваться в реформированном манихейцами виде.

В завершение напомним здесь рассказанную уже мною выше историю с русско-джунгаро-хакасским мирным договором, подписанным в 1701 году с хакасской стороны неведомым «татарским письмом; а что написано, того перевесть в Красноярске некому». Уж не сохранилось ли в аристократических местных кругах енисейское руническое письмо вплоть до XVIII века?

Подождем новых находок. Они принесут нам и новые знания о высокой письменной культуре предков.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

У этой книги не будет эпилога. Автор отказывается от него. Моей задачей было познакомить читателей с ярким и многообразным явлением – письменными памятниками и письменной культурой наших далеких саяно-алтайских предков. Их ранне-средневековая словесность, запечатленная в разнообразных памятниках енисейской рунической письменности – известное число которых сегодня уже не менее трех сотен – представляет собою обширный и вполне самобытный духовный мир, с разной степенью полноты доступный ныне нашему пониманию. Открытый европейской наукой без малого 300 лет назад, он все еще только приоткрывается перед нами. Из года в год обнаруживаются не только новые рунические надписи, но и появляются новые подходы к их постижению. Особенно быстро и кардинально меняются представления науки о древности этих письмен и их связи с духовным развитием южносибирского общества древности и средневековья. Можно даже сказать, что в последние десятилетия практически заложены новые основы рунологии тюркских народов.

Первое издание этой книги вышло под названием «Древняя письменность саяно-алтайских тюрков» в Москве в 1994 году в связи с широко отмечавшимся 100-летним юбилеем дешифровки азиатских рун. И поскольку за прошедшие годы удалось открыть и постигнуть много нового, ныне книга была переработана и дополнена. Все помещенные на этих страницах прочтения выполнены самим автором при изучении подлинников рунических надписей. Но и сегодня нельзя, конечно, сказать в рунологической науке последнего слова – исследовательские работы непрерывно продолжаются. К тому же, на немногих страницах

нельзя было и думать рассказать обо всем, что связано с письменностью, применявшейся на обширных пространствах Сибири и Центральной Азии в течение не менее пяти-шести веков.

И я надеюсь, что чтение этих строк послужит только началом. Началом вашего интереса, а может быть, даже увлеченности, древнейшими надписями родных гор и степей.

Если мне удалось изменить ваше представление о том, каково было средневековое южносибирское общество, если удалось приподнять завесу над многообразным и чудесным миром его глубокой и самобытной культуры, я буду считать свою задачу выполненной. Но надо ли кривить душой? Еще более важным результатом я буду считать ситуацию, при которой у вас возникнут новые вопросы, а прочитанные страницы породят желание еще больше узнать о древней письменности.

Если это произойдет, значит, мы вновь встретимся с вами и обсудим новые факты и гипотезы, новые находки и открытия. Собственно, ради этого я и отказываюсь от эпилога.

ТРЕВОЖНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Дорогой мой читатель! Я готов всеми силами содействовать вашему интересу и серьезному увлечению рунической письменностью наших талантливых предков. Но не могу и даже не имею права поставить точку в этой книжке, если не выскажу очень серьезного беспокойства, неизбежно порождаемого ростом такого интереса к древнему письму.

Именно здесь необходимо сказать о том, что знание рунической письменности и стремление познакомиться с её памятниками в подлинниках никак не должно сочетаться с желанием самим писать рунами на камнях и скалах. С большой горечью мне довелось встретить на одном из камней Кара-кургана в Хакасии и на скале Бичикту-Бом на Горном Алтае свежие надписи, выполненные рунами, узнавая в них примеры, даваемые в университетских аудиториях при чтении лекций.

Такие случаи остановили меня, принудили прекратить работу над книгой, написание которой до этого казалось необходимым мне самому и о создании которой нередко настойчиво просили многие встреченные мною в поездках хакасские, алтайские, башкирские и татарские интеллигенты. Сначала она называлась «Как писать рунами по-хакасски», затем, при осознании общей заинтересованности, переросла в «Современную руническую азбуку тюрков».

Давайте хорошо, с глубоким пониманием выучим древнее письмо, постигнем все его особенности и будем пользоваться им в современной жизни – для создания надписей на бумаге, ткани, дереве. На водружаемых нами новых памятниках, наконец. На чём угодно еще, но не на древних камнях и не на вечных скалах нашей родины. Оставим их священные плоскости за нашими предками.

Будем помнить, что камень на столетия сохранит наши надписи и потомки уже вскорости не смогут отличить нашей резьбу от подлинного писания предков. Как же тогда будет возможно будущим поколениям понять подлинную древнюю культуру, если ее нельзя будет отличить от наших писаний? Создавая новые надписи на вечном, мы, тем самым, совершим тягчайший грех и невероятное кощунство – смешаем времена и, пусть не желая того, но своими руками уничтожим древнюю культуру материнской земли, растворив ее подлинники среди своих праздных новоделов, и тем подменив ее своими начертаниями.

Нельзя и подновлять, прочерчивать для ясности трудноразличимые древние строки. Мне также пришлось видеть такие случаи на скалах Горного Алтая. Эти действия, совершаемые, казалось бы, из добрых побуждений, на деле также губительны для подлинных древних надписей.

На этих горьких примерах нам следует понять, что не только развитие рунологии как науки, но и сфера охраны памятников требуют осознания того, что изучение древних надписей (эта область познания именуется эпиграфикой) – не филология в чистом виде, что она изучает не только словесную форму и содержание текста, но и исследует его как памятник письменной культуры. Для этой науки важно не одно лишь прочтение надписи, но и форма её знаков и (прошу всех вдуматься!), характер бороздок, которыми эти буквы образованы. Подновив любую руническую надпись (даже ту из них, которая уже надёжно прочитана учёными), процарапав вновь любую её букву, мы уничтожим подлинный след орудия, некогда её создавшего. Для тюркской эпиграфики важно понять не только чем, но и как был нанесен каждый штрих, последовательность начертания линий, составивших руну. Такие следы указывают на степень образованности и ту школу, которую прошел в древности писавший.

Бережное отношение к подлинному свидетельству жизни предков легко понять, если осознавать простую и очевидную истину: и после нас будут люди. Разве можно предугадать, какими глазами и с какими мыслями они будут смотреть на следы древних деяний, с какими знаниями и какими методами продолжают постижение их? Сохранить всё в неприкосновенности – единственный способ обеспечить новое, будущее знание.

Прошу внимательно и обдуманно отнестись к сказанному.

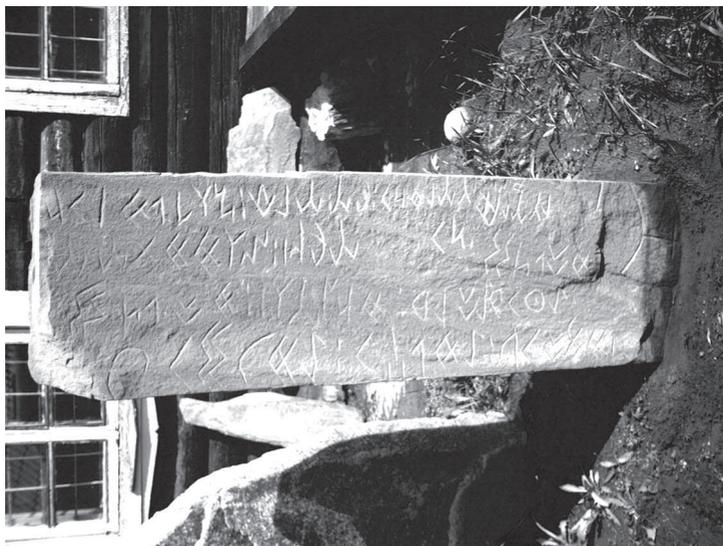
ФОТОПРИЛОЖЕНИЕ

Стелы с енисейскими надписями в галерее Минусинского музея.
Слева в глубине изогнутый камень – стела с р. Уйбат, справа – мужское изваяние с р. Ербы. Оба памятника открыты в Хакасии Д. Г. Мессершмидтом в 1721–1722 гг. *Фото автора*

Древнехакасский курган и поминальная стела с надписью к востоку от него.
Начало X века. Местность Ир-Холь на р. Элегест, Тува.
Фото Л. Р. Кызласова, 1962 г.

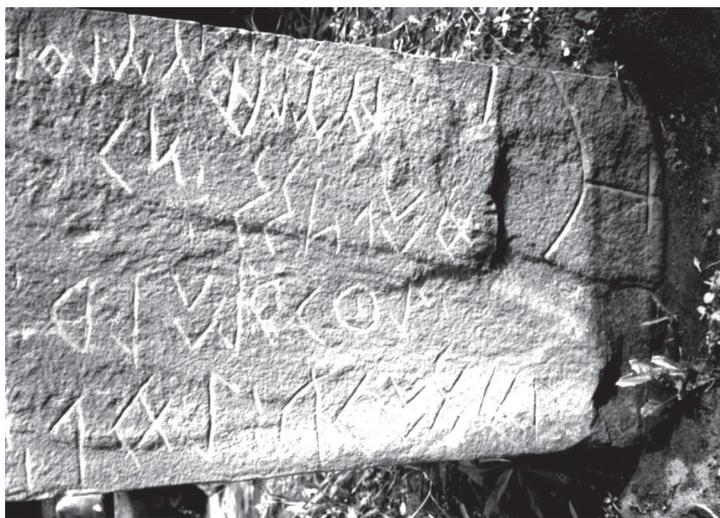
Поминальная древнекавказская надпись на стеле из Кызыл-Чираа, Тува. Хранится в Кызыльском музее.
фото автора

Лицевая сторона стелы Кюль-тегина.
По Н. Базылхану

Нижняя часть древнехакасской стелы с тамгой.
Река Барык, Тува. Хранится в Кызыльском музее.
фото автора

Стела из Кызыл-Чираа.
Нижняя часть камня с тамгой.
фото автора

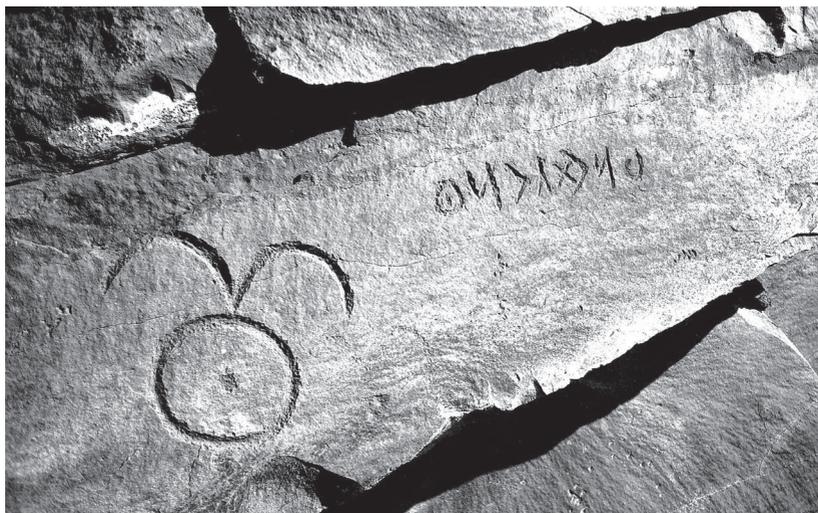
Образец выбитой енисейской надписи. Вершина стелы с р. Бегре, Тува. Хранится в Минусинском музее.

Фото автора

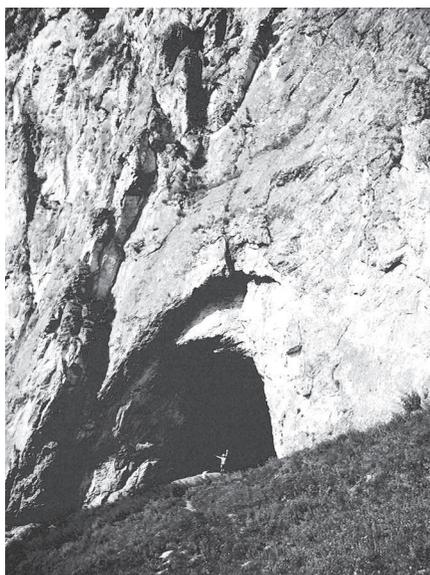

Образец вырезанной енисейской надписи. Вершина стелы из урочища Бай-Булун, Тува. Хранится в Минусинском музее.

Фото автора

Надпись на скале у оз. Фыркал, Хакасия. *Фото автора*

Вид на высокопортальную пещеру с древнехакасскими надписями. Тогыс-ас, Хакасия. *Фото автора*

Енисейская надпись черной тушью на стене пещеры. Тогыс-ас, Хакасия. *Фото автора*

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Публикации древних текстов с переводами на русский язык

Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951.

Малов, С. Е. Енисейская письменность тюрков. – М.-Л., 1952.

Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л., 1959

Стеблева, И. В. Поэзия тюрков VI–VIII в. – М., 1965.

Стеблева, И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. – М., 1976.

Публикации древних текстов с переводами на хакасский язык

Хакасияның пурунғы пічіктері. Древние письмена Хакасии / Сост. О. В. Субракова, И. А. Батманов. – Абакан: Хак. обл. типография, 1970.

Древнетюркские письмена / Руководитель проекта Л. В. Костякова. – Абакан: Бригантина, 2013.

Исторические исследования

Кляшторный, С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964.

Кляшторный, С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003.

Кызласов, Л. Р. История Тувы в средние века. – М., 1969.

Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984.

Популярные переложения рунических надписей

Поэзия древних тюрков VI–XII веков. Поэтические переводы Анатолия Преловского. – М., 1993.

Основные рунологические работы автора

Кызласов, И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994.

Кызласов, И. Л. Материалы к ранней истории тюрков. II и III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. – 1998. – № 1 и 2.

Кызласов, И. Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология. – 1999. – № 4.

Кызласов, И. Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М., 2001.

Кызласов, И. Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2002.

Кызласов, И. Л. Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М., 2003.

Кызласов, И. Л. Особенности тюркской рунологии // Центральная Азия. Источники, история, культура. – М., 2005.

Кызласов, И. Л. Таласские наскальные надписи // Российская археология. – 2005. – № 2.

Кызласов, И. Л. Религиозная природа енисейской рунической письменности. I // Российская тюркология. – 2013. – № 2.

Кызласов, И. Л. Религиозная природа енисейской рунической письменности. II // Российская тюркология. – 2014. – № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Забывтый мир вокруг нас (введение в окружающее прошлое)	3
Открытие неведомой письменности	8
Разгадка тайны сибирских письмен	25
Руническая грамота	35
Происхождение и распространение рунического письма	44
«Я перестал ощущать солнце и луну»	64
Вечный камень на вечной земле	85
Письмена на скалах.....	92
Надписи на предметах.....	117
Глубина письменной культуры.....	127
Вместо заключения.....	143
Тревожное предупреждение	145
Фотоприложение.....	147
Рекомендуемая литература	153

Научно-популярное издание

Игорь Леонидович Кызласов
Институт археологии РАН

**ЕНИСЕЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ
ДРЕВНЕХАКАССКОГО ГОСУДАРСТВА**
Рассказы археолога

Редактор Л. В. Костякова

Компьютерное обеспечение Е. В. Чезыбаева

Подписано в печать 21.08.2017. Формат бумаги 60x84 1/16. Печать цифровая.
Бумага офсетная. Гарнитура Calibri. Усл. печ. л. 9,07. Тираж 1500 экз. Заказ № 217.

ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел.: (3902) 24-43-54, 24-30-39.

Отпечатано в типографии ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.